

Игорь Сахновский

Человек, который знал

■ ■
ВСЁ

Р О М А Н

Игорь Сахновский

Человек, который знал

ВСЁ

Роман

Москва
«Вагриус»

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
С 22

Редактор — Е. Шубина
Художник — А. Рыбаков

Сахновский И.Ф.

С 22 Человек, который знал всё / И. Сахновский. — М.:
Вагриус, 2007. — 272 с.

ISBN 978-5-9697-0363-6

Первая книга И. Сахновского «Счастливыцы и безумцы» была удостоена премии «Русский декамерон» и вошла в шорт-лист «Национального бестселлера». Новый его роман построен по законам интеллектуального триллера, но прежде всего он о любви, о тех ценностях, что дороже власти над миром и любой политики.

Герой повествования вдруг обретает феноменальную способность — видеть все, что происходит с людьми, где бы они ни находились, хоть за тысячу километров. Скромный и безобидный, он становится лакомой дичью для всех — женщин, криминальных авторитетов и даже международных спецслужб. Одни пытаются его использовать, другие — уничтожить. Но «маленький человек» не вписывается ни в одну выскоумную программу, он живет только по своей...

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-9697-0363-6

© Сахновский И.Ф., 2007
© Оформление. ЗАО «Издательство «Вагриус», 2007

Дело не в смерти, дело в печали и в чуде.

Ч.Б.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая СТАРОВАТЫЙ ЮНОША

Денег не было ни на что, даже на сигареты.

Нет, он, конечно, мог спуститься со своего четвёртого этажа к ночному киоску — в трёх шагах от подъезда — и купить у заспанной девушки самые дешёвые, без фильтра, которые неизбежно вызывали у него изжогу и тошноту. Пачка более дорогого курева посягала на две завтрашние трамвайные поездки. «Назло кондуктору пойду пешком», — ему оставалось только иронизировать над собственной бедностью.

С тех пор как от Александра Платоновича Безукладникова ушла жена Ирина, потребности в покупках сузились до воробьиных размеров. Он слегка гордился, что ему так мало нужно, видя в этом лучшее доказательство независимости. Ему нравился рассказ о Диогене, к которому заявился царь Македонии, чтоб исполнить любую

прихоть нищего. Та ещё была картинка — на все времена. Легендарный бомж загорает лёжа на песке, и без того прокопчённый до черноты. Покоритель мира приближается с огромной свитой, во всём божественном блеске, нависает, как облако, дарит пару лестных фраз и наконец предлагает: «Выполню любое желание!» Диоген, привстав неохотно, цедит через губу: «Одна большая просьба — отойди в сторонку, солнце не заслоняй». Пляжник, одним словом. Любопытный финальный кадр: выражение лица Александра Македонского, когда он уходит восвояси...

Зарплаты младшего научного сотрудника, пусть убогой, всё-таки хватало бы на существование — если бы платили в срок. Об этом уже никто и не мечтал. Все мечтали о новой работе или, на худой конец, о халтурах. Ради самого тошного приработка были готовы срываться с места и нестись хоть в другой конец города, хоть на край света. Раньше казалось — в крайнем случае всегда можно пойти рабочим на завод. Заводы, знаменитые своей пролетарской несокрушимостью, первыми впали в хроническую дистрофию.

Когда прямо из голодного асфальта стали проклевываться ларьки с невиданными прежде бутылками и лакомствами, Безукладников совершил попытку внедрения. Люди, засевшие в окошках, по ту сторону зарешёченных витрин в обрамлении цветных ликёров, индийских бус,

шоколадных трюфелей, выглядели редкими счастливицами, сумевшими чудом проникнуть в этот рождественский, ёлочный рай, где нужда побеждена, как чёрная оспа.

Он, может, не обратил бы внимания на бумажку с объявлением: «Требуется ночной продавец», если бы не вздохи Ирины насчет порванных зимних сапог, купленных ещё при царе Горохе, — их дважды носили в починку. Но та же Ирина его как могла отговаривала, вплоть до ссоры, — он всё-таки пошёл, отдал свой паспорт Руслану, пухлому мальчику с боксёрским загривком, и отправился в ночную смену, снабжённый пакетиком Ирининых бутербродов.

Для начала райской планиды потребовался скрупулёзный пересчёт сокровищ, загромождающих конуру киоска. Это называлось приёмом товара. «Считай-считай! Жвачек — двести семьдесят три», — дневная продавщица Анжела, сдавая смену, оранжево покрасила губы и, не стесняясь, подтянула чёрные колготки. Перед уходом успела похвастаться: «Сейчас пойдём с девчонками сухонького накатим». Потом заехал Руслан за выручкой, придирчиво оглядел витрину и на прощанье пошутил: «Короче, девствуй!»

Ночь прошла без происшествий. За первые три часа торговли выручка составила половину его месячной зарплаты в Институте истории. После полуночи покупательский напор ослаб. В четыре утра подошёл мужик в рваной кожаной

куртке в обнимку с рыдающей тёткой и затребо-вал «самого дорогого».

— Что именно? — не понял Безукладников.

— Ну, блин, самое дорогое по цене!..

Самым дорогим был французский коньяк «NAPOLEON», предположительно польского разлива. Тётка рыдала без передышки. Парочка удалилась, а через полминуты неподалёку прозвучал удар бутылки об асфальт.

Наутро выяснилось, что Александр Платонович почти ничего не заработал, поскольку — недостача. Сменщик Володя, видя его подавленность, хмыкнул: «Обычная херня. Ты за Анжелкой считай получше».

В следующую торговую ночь, при всём арифметическом усердии, финансовый крах повторился в точности, один к одному. Причём в обоих случаях суммы недостач совпали — стоимость бутылки сухого вина.

— Я тебя просила, не суйся туда! — Ирина была убита. — Теперь тебя заподозрят.

Она достала из шкафа розовый мускат — их общую драгоценную зачатку со времён исторического отдыха в Крыму:

— Пойди отдай. И, пожалуйста, больше не ходи к ним!

Он долго пытался всучить Руслану эту бутылку, чувствуя себя героем спектакля «Раскаянье вороватого завхоза». Руслан от муската решительно отказался и отдал без лишних слов пас-

порт. На этом торговая карьера Безукладникова себя исчерпала. Зато какие два утра были у них с Ириной, когда он, вернувшись после ларька, залезал к ней под одеяло и она, сонная, буквально плавилась, обтекала его. Потом одеяло сбивалось к ногам, Ирина усаживалась верхом, и он не переставал счастливо поражаться «неправильности» её тела: полновесные груди над худыми ребрышками, узкие плечи и пышный низ.

Обычно же утрами жена была неприступно хмурой и терпеть не могла, если Безукладников своими нежностями мешал ей краситься перед работой. (Хотя зачем, думал он, так уж приукрашиваться, работая в детской библиотеке?)

Впрочем, позывы к нежностям — взаимные или односторонние — становились такой же редкостью, как и денежные поступления; Александру Платоновичу уже не казалась кощунственной мысль, что между этими вещами есть прямая зависимость. Мужчина без гроша в кармане терял право на женскую приязнь, считаясь как бы и вовсе не мужчиной. Конечно, Ирина ничего такого не высказывала и, скорей всего, не думала, но от этого было не легче.

Всё чаще Безукладникова мучила, словно кислотой разъедала, жалость к жене, бедно одетой, лишённой по его вине — по чьей же ещё? — приличной обуви, нарядов, не говоря уже о поездках к морю или за границу. Зудящая реклама замеча-

тельных, нужных вещей на подслеповатом экране «Горизонта» порождала у супругов общую мысль, всегда одну и ту же: это не для нас.

Беда была не в том, что Александр Платонович вообще не мог заработать, а в том, что он не мог заработать много. Деньги, добытые репетиторством или сочинением рекламных статей под заказ, тут же уходили на латание бессчётных дыр — привести в чувство захандривший холодильник или позвать на помощь высокомерного сантехника.

Ровно год назад августовским вечером под безжалостно яркой лампочкой (так и не собрались купить абажур) они молча курили на кухне.

— Хорошо хоть я детей с тобой не нарожала...

Что вокруг могло измениться от этих Иринных слов? Бабочка толстым тельцем всё так же билась в оконную сетку от комаров. Надрывисто мычала ржавая водопроводная труба. Жена и муж всё еще сидели за общим столом, стряхивая сигаретный пепел в одну жестяную плошку.

— Понимаешь... — Ирина хотела смягчить сказанное, но лишь углубила открывшийся перелом. — Самое страшное, что уже ничего не изменится. Так и будем...

Готовый переубедить её, даже умолять отказаться от этих мыслей, он всё же молчал. Александра Платоновича одолевала стыдная раздвоенность: лично ему безденежье почти не мешало жить — так, досадное неудобство, которое легко

выпустить из виду, избывая ночь с книгой в тёплом молочном свете настольной лампы или выживая из гробницы библиотечных каталогов визитную карточку жителя Атлантиды. Но в присутствии Ирины диогеновская самодостаточность трещала по швам, а зачатки тревоги, страха перед будущим взбухали и множились, как раковые клетки.

И чего ради ей вздумалось именно в тот вечер поведать про Серёжу-босса, Сергея Юрьевича? Разведённый юноша, владелец фирмы. Богатый обожатель, который, оказывается, ещё с марта встречает Ирину после работы и подвозит домой на своём «форде». Нет, у них ничего не было. Нет, не было. Но он уговаривает переехать к нему, в трёхкомнатную на улицу Рокоссовского. Твердит, что такая женщина не должна работать, и всё в этом духе.

— Переезжай, — сказал Безукладников севшим голосом.

Она обозвала его дурачком, но постепенно разговор принял такое направление, словно двое терпящих бедствие обсуждают хитрый способ, как спасти хотя бы одного из них, более слабого. Они даже пошутили, не без натуги:

— Значит, выхожу я за Серёжу строго по расчёту и начинаю тебе гуманитарную помощь высылать — нелегально.

— Точно. И я нелегально, под покровом ночи, несую эту помощь на помойку.

Спать легли, стараясь не касаться друг друга.

А через неделю, пряча глаза, бледнея, Ирина отпросилась у него съездить в отпуск в Анталью. Резоны были такого рода: «Как я ещё смогу за границей побывать?»

— Ну теперь-то где угодно побываешь. Только непонятно, почему сразу именно в Турцию...

Конечно, домой она уже не вернулась. То есть приехала раза два за вещами — и конец. Наспех переодеваясь, бегала из комнаты, от шифоньера, в ванную и обратно, а по квартире летал ветер дорогого парфюма. Полуголая, она сияла импортным загаром, лоснилась, как полированный солнцем орех, и мучительней всего для глаз были незагорелые укромности, подбритые, словно ради показа.

Внезапно беготня прекратилась и стало тихо. Ирина, ещё не одетая, стояла, заслонясь дверцей шифоньера, и смотрела на бывшего мужа. Он знал этот взгляд, это выражение сладкой бессмысленности — полуоткрытый рот, радужки, безвольно заплывающие под приспущенные ресницы. Это означало, что Ирина хочет его «приставаний», хочет немедленных вторжений, даже с оттенком грубости.

И конечно, неплохо они смотрелись, торопливые петух с курицей, когда чуть не свалились друг на друга, потные, в недра шифоньера. А Серёжа-босс ждал внизу, в автомобиле, вколачивал пальцами в руль своё нетерпение, бурчал по мо-

бильному, что задерживается, «начинайте без меня», покуда возлюбленная Ирина Олеговна рыдала, сидя на полу, сдутая, как резиновая игрушка, с трясущимися грудями, и твердила своему никчемному супругу, что она никуда не уйдёт, пусть он только ей прикажет: «Останься!» Но этот интеллигентный балбес, вместо того чтобы прямо изъявить свою волю или, например, просто сказать жене: «Пошли пить чай», удосужился лишь поднять её с пола и напомнить, что он не вправе приказывать — мол, она же сама потом ему не простит... Вот и поймел счастье наблюдать в кухонное окно, как непривычно смуглая, роскошная красотка, выйдя из дома поступью осторожной косули, садится в иномарку цвета ультрамарин, уже готовую к вертикальному взлёту.

После этого Безукладников, по правде сказать, три дня спасался у Лёни Ламерчука перепонками грецких орехов на спирту, то есть напивался до потери сознательности, хотя всегда справедливо считался непьющим, в отличие от того же Лёни.

— Вот ты говоришь про мёртвых, что они, типа, всё знают...

Ничего такого Александр Платонович не говорил. Но Лёня под выпивку всегда порывался возобновить их давнюю дискуссию.

— Ты говоришь, сигналы от умерших. Ладно, допустим, кое-какие сигналы имеют место.

Но это на самом деле — не от мёртвых, а от нас самих! Мы же сами себя ни фига не помним. Это уже вопрос оперативной памяти. Нам для жизни хватает «кэша» первого уровня — и всё. Остальное по барабану...

Пьяный Безукладников удручённо мотал головой. Его невнятные попытки возразить звучали и впрямь как сигнал от умершего.

Если компьютерщики вообще способны умилить Бога, то Ламерчук был компьютерщиком Божьей милостью. Он ухитрялся, нигде не служа, верстать на домашнем «пентиуме» одновременно с десятков заказных еженедельных газет, прихватывая пару-тройку журналов. Разложенные где придётся газетные полуфабрикаты норовили перекричать друг друга. Одно издание вещало: «Губернатор Стилкин — имя нашей надежды!» Другое позволяло себе толстые рифмованные намёки: «Мафии на выборах нужны подстилки! Под кем вы, Генрих Стилкин?» Третье сулило моментальный крах «всенародно избранной оккупационной власти», попутно обольщая «почасовым элитарным досугом в сауне».

В те дни Безукладников боялся идти домой, возвращаться в своё неприбранное одиночество, оттягивал уходы. Но когда холостяк Лёня предлагал остаться переночевать, он сразу же вскакивал и наспех прощался, чтобы, шатаясь, бежать к себе, на улицу Кондукторскую, словно его там ждут не дождутся...

За год, прожитый без Ирины, в квартире ничего не изменилось, не считая того, что в ней появились две-три тропы, которыми, собственно, и ограничивались внутриквартирные маршруты Безукладникова. Тропинки шли от стола к потёртому дивану, от дивана в прихожую, с короткими ответвлениями в сторону кухни и ванной. Участки на обочинах постепенно превращались в нежилой, то есть практически необитаемый пейзаж.

Не то чтобы Александр Платонович был таким уж грязнулей — у него даже случались приступы борьбы за чистоту, но избыток запылённости на нехоженных квадратных метрах всё же имел место, врать не будем. А иначе — как бы однажды, вернувшись домой, он заметил следы чужих ног на полу возле шифоньера, к которому вовсе не подходил? Это случится довольно скоро, но уже в следующей жизни.

Свою одежду он предпочитал развешивать на стульях. Сегодня, например, вывесил стиранные джинсы и бежевый джемпер, сравнительно новый, — поверх чёрного заношенного, в котором было бы неприлично завтра ехать к Нахимову. Одежда со спинки стула свисала погибельно и безвольно, как шкура убитого животного.

Иные мелочи этого непритязательного быта уже потеряли всякую надежду обратить на себя внимание. Литровая банка с недопитым квасом второй месяц кисла на кухонном подоконнике.

Рядом пылились остатки забытого лекарства от ещё февральского гриппа. Впрочем, название медикамента — «интерферон *человеческий*», — машинально читаемое жильцом по утрам и вечерам, как-то непостижимо обнадёживало.

Дома он ходил в чем попало: в синих обвислых трико, дряхлой Ирининой кофте, а то и голый, как в этом душном августе. Он настолько свыкся со своим диковатым одиночеством, так нечасто оглядывал себя со стороны, что едва не предстал в одних носках перед соседкой Луизой, забежавшей в половине одиннадцатого за щепоткой соды. Спихватился, когда уже приоткрыл дверь, но вовремя сдёрнул с вешалки плащ и потом суетливо перебирал банки на кухне с лицемерными возгласами «Куда ж я её задевал-то!..», якобы всей душой погрязший в домашнем хозяйстве. «А! Вот она!..» — «Спасибо, Александр Платоныч, но это крахмал». Яркоглазая Луиза пахла фруктовым шампунем и свежей выпечкой. Закрыв за ней дверь, он сбросил плащ, под которым успел вспотеть, и полез в ванну облиться. Вместо холодной воды из крана скупо выдаивалась тёплая, как бульон.

Не вытираясь, он добрёл по магистральной тропе до дивана. Он не надеялся быстро уснуть — хотя бы собрать себя из обломков. Почему-то вертелось в голове отвратное выражение: «небо в копеечку» (подобие базарного ценника), заставляющее вообразить, будто сидишь, всеми

брошенный, ободранный до крови, на дне чёрного колодца, такого глубокого, что небо кажется блестящей монеткой.

«Что со мной стряслось?» — спрашивал себя Безукладников. Застенчивый мальчик из учительской семьи, приученный всегда всё делать *правильно*, заподозрил вопиющую неправильность то ли в мировом устройстве, то ли в собственной судьбе. Староватый юноша, успевший похоронить своих бедных, замотанных родителей и уступить неизвестно кому любимую жену, до сих пор глубоко интересовался лишь тем, что принято звать «любовью» и «смертью» (два пустотелых сосуда, куда каждый наливает всё что заблагорассудится). Он заглядывал в эти бездонные ёмкости с жадной, которую, казалось, утолить нельзя... Но соблазнительное, страшное, отдающее морозом по коже — теперь опустело, высохло, уподобилось прошлогодним новостям из жёлто-серых газет, приготовленных на выброс, но залёгших мёртвым грузом в прихожей на антресоли.

— Ну? И что нас теперь интересует? — спросил он сам себя вслух как можно развязней. И тут же сморщился, покоробленный ненатуральностью тона.

Он согнал себя с дивана, встряхнувшись, как мокрый пёс, и пошёл назад в ванную, распиная темноту, расшибаясь о воздух, щёлкая на ходу выключателями, пока не встретил в зеркале

над умывальником того, кого меньше всего сейчас желал видеть.

— Здравсте-мордасти, — промычал Безукладников, толкая в рот зубную щётку. — Глаза бы мои на вас не глядели!

Однако скользнул придирчивым взглядом от небритого подбородка по тяжеловатому бледному торсу, дичающему внизу живота, и молча повторил свой вопрос. Его голый собеседник, вынув щётку изо рта, ответил без душевного подъёма, тихо, но решительно:

— Теперь нас интересуют деньги.

Глава вторая

САМОУБИЙСТВО

Нахимов был адмиралом. Не в том смысле, что он командовал флотом. А в том, что мог бы им командовать спроста. Хоть военно-морским, хоть космическим. Но подходящий бесхозный флот Нахимову на жизненном пути не подвернулся, и он вынужден был командовать государственным имуществом срединного Горно-заводского региона. Несмотря на скучную чиновничью должность, Нахимов лелеял в груди одно романтическое свойство, которое можно для краткости назвать *комплексом крутизны*.

Его призванием было дарить изумруды блондинкам, напиваться с Фрэнком Синатрой и водить самый крутой автомобиль. Насчет блондинок история умалчивает из уважения к прекрасной шатенке Тане Нахимовой. Синатра не успел выпить с Нахимовым по чистой случайности.

Но с автомобилем всё было замечательно. И не зачем подозревать Нахимова в тривиальном пристрастии к чему-то вроде шестисотых «мерседесов», стадами загромаждающих улицы российских городов. Потому что его угольно-чёрный зверь назывался «олдсмобил» и на горно-заводских обветренных просторах, с охватом в двадцать одну Голландию, аналогов просто не имел. Изумрудов здесь было страшно сказать сколько. Зато «олдсмобил» — всего один.

Некогда Нахимов с Безукладниковым вместе служили в Институте истории и в солидарном унынии писали тезисы научных докладов о великой, плодотворной роли колхозов. В новые времена у Нахимова проявился редкий дар аукциониста, затем — аудитора, затем — адмирала как такового. Он резко ушёл в стратосферу, напитанную деловым озоном. А Безукладников остался писать тезисы докладов о роли колхозов — теперь уже трагически вредоносной.

С тех пор они почти не виделись. Изредка Александр Платонович встречал на улице Таню — влажнея дивными глазами, она жаловалась на дороговизну запчастей для «олдсмобила», которые приходится закупать в Эмиратах. Безукладников сочувственно кивал.

В середине августа он позвонил Нахимову и бодро сказал:

— Гена, извини, что беспокою. Я уже тут спёкся. Помоги мне найти другую работу.

— Приезжай через пару недель. Что-нибудь сочиним, — ответил тот.

Позвонить Нахимову его заставил ничтожный вроде бы случай — явление бомжа в час пик на трамвайной остановке. Бомж, как водится, был грязен и вонюч. Неподвижный среди юркой, деловой толпы, он будто экономил свои несвежие силы для бесконечных бытовых испытаний. Вокруг бомжа стоял невидимый, но прочный санитарный кордон, обтекаемый нормальными людьми. «Это понятно, — думал Безукладников, — шарахаются ведь не только от грязи. Всех пугает неблагополучие — оно прилипчиво, заразно». Разглядывать бомжа не хотелось, но какая-то подробность вдруг зацепила взгляд. Александр Платонович всмотрелся и даже немного оторопел: этот человек был обут в его, безукладниковские, туфли. То есть в точно такие же. Они их покупали ещё вместе с Ириной, выстояв очередь в магазине для молодожёнов, — не самые дешёвые, крепкие, цвета морёного дуба. Конечно, обувь бомжа выглядела несравненно более грязной и стоптанной, но всё же. Это был слишком откровенный намёк на возможное близкое будущее Безукладникова. И вот тогда он позвонил Нахимову.

В шестнадцатизэтажном Доме губернского правительства шёл сокрушительный ремонт. Ещё не старое здание скоропостижно меняло

начинку и внутреннюю облицовку, достигая вершин мирового стандарта. Александр Платонович минут двадцать топтался внизу под приглядом охранников, пока с невидимых высот не дошёл телефонный сигнал «пропустить».

Согласно табличке на двери кабинета, Нахимов был вторым или третьим лицом в департаменте имущества. Сам кабинет выглядел как ценный импортный сувенир, затерянный в мусорном кавардаке советской стройплощадки.

— Садись, дорогой! — Нахимов смотрелся шикарно и трагически, словно бескомпромиссный рокер, которого лютая необходимость вынудила ровненько подстричься и втиснуться в строгий костюм.

В кожаном кресле у Безукладникова неприятно вспотела спина.

Минут тридцать Нахимов рассказывал о стране Швейцарии, откуда вернулся только что. Самой вкусной швейцарской подробностью был королевский лобстер, начинённый салатом типа оливье, — Нахимов его купил в супермаркете, уложил в гостиничный холодильник и потом доедал несколько дней.

Неожиданно покончив со Швейцарией, Нахимов спросил:

— У тебя есть опыт продаж?

Александр Платонович припомнил две ночи в коммерческом ларьке и ответил максимально честно:

— Опыт есть, но мало. А в чём дело?

— Надо продавать заводы и комбинаты, — пояснил Нахимов. — Грубо говоря, приватизация. Пойдём обедать?..

Стены и пол в правительственном коридоре напоминали о штурме Рейхстага. Из четырёх лифтов работал один. Остальные, без кабин и дверей, зияли ярко освещёнными шахтами.

Они спустились в столовую, где Безукладников поспешил сознаться, что не голоден, и взял себе только апельсиновый компот, о чём сразу пожалел, — за эти же деньги можно было купить три стакана чаю.

— Ты любишь катера и яхты? — осведомился адмирал, слегка опалённый супом харчо.

— Ещё бы! — зачем-то солгал Безукладников.

— Я бы осенью сходил куда-нибудь в Эгейское море... — Нахимов погрустнел, видимо вспомнив о непроданных комбинатах.

Александр Платонович глотал компот фармацевтическими дозами и прикидывал, на какое количество нахимовских блюд сможет растянуть свой кисло-сладкий двухсотграммовый стакан.

Между тем Нахимов, опустив голос до туманных низин, начал излагать условия как бы тайного заговора, согласно которым Безукладникову надлежало сочинить блистательное резюме на самого себя, красиво напечатать его на компьютере и передать Нахимову лично в руки...

Путь к яхтам и королевским лобстерам в принципе не мог быть простым, поэтому Александр Платонович сию секунду вообразил все мыслимые и немыслимые осложнения. План действий выглядел впечатляюще: сначала скопить денег на компьютер, для чего потребуется лет восемь. Или двенадцать. Потом освоить купленную технику — ещё год-полтора... К тому моменту, когда уже постаревший Безукладников наконец приступил к сочинению ослепительно прекрасного резюме, Нахимов успел завершить многолетний обед, они вернулись на восьмой этаж, дошли до его сувенирного кабинета и адмирал начал официальную церемонию прощания.

— Сделаю всё, что в моих силах, — строго пообещал Нахимов. — Но и ты. Должен пройти свою часть пути. Дорогу, сам знаешь, осилит идущий.

Заговор скрепили рукопожатием, и затуманенный Александр Платонович поплёлся назад, сквозь ремонтную разруху.

Рабочих не было видно, словно ремонт совершался как-то сам собой. Единственный ходячий лифт закрылся прямо перед носом и уплыл. Рядом три пустые шахты светились так ярко, что вызывали желание заглянуть в них и обнаружить на доньшке подпольное земное солнце. Безукладников заглянул, но был застигнут лёгкой мутью головокружения и оцарапал плечо об острые электрические кишки, торчащие из-за растерзанного косяка.

Ему вдруг на ум пришла мысль о том, что смерть, которую принято со страхом и почтением рядить в загадочные мрачные покрывала, в сущности, тривиальна и доступна — как старушка-лифтёрша или тот зевающий охранник с потёртой кобурой. Что гибель караулит не где-то в умозрительном будущем, а буквально всюду, куда ни плюнь. Ничто не мешает ему сейчас шагнуть за порог этой шахты и тем самым пересечь таинственный Порог. Хотя нет. Грохнутья с восьмиэтажной высоты в строительный мусор — исход несуразный, даже анекдотичный. Куда проще и опрятней, например, воспользоваться электричеством.

Вот в таком, почти гамлетовском, настроении он взялся левой ладонью за острый конец косо обрубленного провода, любуясь его свежим блеском. И разумеется, не случилось ничего.

Здоровый скепсис экспериментатора — вот что ощущал Александр Платонович Безукладников, когда придирчиво высматривал в пучке одинаковых обрубков ещё один провод — для правой ладони. Невозможно поверить, что ЭТО так легко...

Удар был настолько мощным и жёстким, что самоубийца расстался с самим собой навсегда на долю секунды раньше того, как 380 вольт, принявшие стройную форму дуги, равнодушно швырнули его прошибленное тело на мраморный пол.

Лифт, вызванный Александром Платоновичем ещё при жизни, осклабился дверями у его раскинутых ног, и транзитная дама со свежескрашенной малиновой причёской, везущая своё ледяное достоинство на обеденный перерыв, прострелила весь восьмой этаж навывлет кумулятивным воплем, от которого несчастный Безукладников, будь он жив, немедленно умер бы снова...

Коридор наполнился административным персоналом. На фоне общей чинной контузии выгодно выделялся — молниеносной решимостью и хищной сноровкой — второй заместитель министра Геннадий Валерианович Нахимов. Он успевал одновременно, в одну суматошную минуту, раздавать ценные указания, нашаривать пульс на ещё тёплом безукладниковском запястье и выкрикивать в мобильный телефон вызов, похожий на угрозу всей мировой медицине. Так что, пока тело заносили в лифт и спускали на первый этаж, к Дому правительства уже подлетала с мерзким воем карета «скорой помощи», отряженная областной спецбольницей № 3, чей фасад на Пролетарской набережной белел, как халат сестры-сиделки, в заботливой близости к цитадели власти.

Документ, который я собираюсь процитировать, никогда не публиковался на русском языке. Он так и лежал бы среди заурядных меди-

цинских бумажек, если бы некто Лексунский, независимый журналист, зависимый лишь от ежедневных алкогольных вливаний, не продал однажды мятый исчёрканный бланк на рыхлой бумаге, явно выданный из истории болезни, московскому корреспонденту «Saturday Revue» Джеймсу Риордану за 500 американских долларов, хотя вначале запрашивал 5 000. Позднее сам Риордан без смущения признавался, что перепродал оригинал за 62 000 долларов, впрочем не называя покупателя. Впервые документ был опубликован в «Saturday Revue» на английском языке.

Эпикриз

Пострадавший Безукладников А.П., 36 лет, доставлен машиной «скорой помощи» в приёмный покой больницы без сознания. На обеих ладонях — продолговатые ожоги II степени (предположительно, метки электротока). Диффузный акроцианоз. Зрачки широкие, на свет не реагируют. Пульс на сонной артерии не определяется.

<неразборчиво> начаты реанимационные мероприятия: наружный массаж сердца, произведена катетеризация подключичной вены. Начата инфузия раствора преднизолона, 120 мг. Сделана попытка провести искусственную вентиляцию лёгких с помощью мешка Амбу — не эффективно. Произведена интубация трахеи, начата ИВЛ ап-

паратом РО-6 в режиме гипервентиляции, до 10 литров.

Ввиду асистолии решено провести дефибрилляцию.

Предварительно внутрисердечно введён адреналин, 1,0 мл.

Единичный разряд в 2 000 вольт и продолжающаяся вентиляция лёгких дали положительный эффект. Электрокардиограф показал появление сердечных импульсов. Возникла слабая, затем более сильная пульсация на сонной артерии. Цианоз уменьшился. Зрачки сузились.

Состояние позволяет надеяться на восстановление функций организма.

Старший врач отделения реанимации Е. <неразборчиво>

Глава третья ТОНКОСТИ ЧАЕПИТИЯ

В 1947 году на территории штата Нью-Мексико, США, произошло событие, едва ли не самое таинственное в мировой истории, которое не успело стать сенсацией только потому, что сразу было старательно засекречено американскими военными. Позднее различные источники (увы, не самые компетентные) отстаивали версию гибели инопланетного корабля и даже публиковали снимки мёртвых пришельцев — запомнилась плоскогрудая женщина с головой наподобие мятой луковицы и четырёхпалыми куриными лапками вместо рук, распластанная навзничь на столе армейского морга...

В остатке мы имеем лишь засекреченный миф. Хотя здесь уместно спросить: какой резон в засекречивании выдумки? Миф — он и есть миф.

Я вспомнил горемычных инопланетян в связи с тем, что через пятьдесят с лишним лет после их малоудачной посадки в общественном сознании мы стали свидетелями возникновения ещё одной сверхсекретной легенды. На этот раз она имела заурядную земную внешность, паспорт, прописку и сыроватую русскую фамилию Безукладников, труднопроизносимую для большинства международных специалистов, чья нелегальная карьера целиком зависела, в частности, от того, чего захочет или не захочет безукладниковская левая нога... Допускаю, что их осведомлённость выше всяких догадок.

Мои мотивы куда проще и не притянуты служебными инструкциями, как собачьим поводком. Я просто водил знакомство с Безукладниковым, хотя и не самое близкое.

Однажды он попросил у меня займы. Мы все тогда хранили свои невзрачные накопления в наличных американских долларах — на рубли и российские банки надежда была хилая. Он взял у меня несколько зелёных купюр, бережно уложил их в нагрудный карман застиранной фланелевой рубашки и благодарил дольше, чем нужно, повторяя, что я могу быть спокоен, он обязательно вернёт — как только, так сразу! Уже задним числом я подумал, что деньги возвращать ему, в сущности, неоткуда, что долг этот гиблый. Но и напоминать не спешил: с честнос-

тью Безукладникова могла тягаться только его непрактичность.

Позже до меня дошли туманные слухи о каком-то несчастном случае — Безукладников, сказали, угодил в больницу, даже в реанимацию. Я услышал об этом в конце августа, а в сентябре он вдруг позвонил мне на работу и странным сонным голосом известил, что хочет вернуть долг. Мой вопрос, вполне уместный, о самочувствии Александр Платонович пропустил мимо ушей. Вместо ответа он пригласил зайти к нему в гости — когда мне удобно, сославшись на то, что сам почти не выходит из дому.

Та осень застряла у меня в памяти ожиданием беды. Любимая женщина, с которой мы то жили душа в душу, то ссорились насмерть и вообще никак не жили, однажды утром, спустив с плеча ночную рубашку, показала мне уплотнение на груди: словно кто-то спрятал тёмную горошину под кожу, пониже левого соска. Я настаивал на срочном обследовании, а она обнимала меня так, будто уже прощалась навсегда. В нашем обиходе возникли слова «маммография» и «гистология».

Вечером после работы я заехал к Безукладникову. Он обитал на предпоследнем этаже старой пятиэтажки на улице Кондукторской. В квартире стоял нежилой запах. Рядом с измученным диваном и прочей понурой мебелью странное

впечатление производила новейшая модель телевизора «Panasonic» с размером экрана в пол-окна.

На запустелой кухне Безукладников затеял в мою честь чаепитие. Выглядело оно так. Сначала он выложил на стол кулёк ископаемого печенья и выставил пустую кружку. Затем опустил в неё чайный пакетик. Потом установил чайник на газовую плиту. После десяти минут неловкого ожидания он затопил пакетик кипятком и принялся наблюдать за ним, как химик, изготавливающий уникальный раствор. Этот бурый мешочек, который Александр Платонович выудил из кружки за хвост, как утопшую мышь, и, побродив нерешительно по кухне, бросил в какой-то случайный стакан, чтобы вторично залить кипятком, показался мне символом то ли придурковатой скаредности, то ли героической нищеты.

Словно угадав мои мысли, Безукладников вдруг заговорил о деньгах. С ребяческой настырной горячностью он начал спрашивать, нужны ли мне деньги. А что бы я стал делать с большими деньгами? Ну, то есть с *очень большими* деньгами? Ну а всё-таки?.. И так далее.

Я отделялся общими словами, подавляя в себе раздражение. Разумеется, да. То есть, конечно, нужны. А кому они не нужны? Что бы стал делать... Ну, наверно, путешествовать. Писать в своё удовольствие, не заботясь о заработ-

ке. А слишком крупные деньги — нет, лучше без них. Чересчур хлопотно и опасно.

У Безукладникова было такое лицо, будто я не оправдал его надежд на вложение солидных капиталов. Он отхлебнул своего спитого чая и вдруг совершенно серьёзно спросил, какую ежемесячную сумму я бы счёл достаточной для себя. Это становилось почти забавным.

— Значит, можно рассчитывать на любые деньги? — Я уже не скрывал сарказма.

— Думаю, практически на любые... — Безукладников был непробиваем.

И мне наконец надоело. Я сказал ему прямо, что терпеть не могу пустопорожние маниловские фантазии. Что это, как ни обидно звучит, наш типично русский промысел — сидеть на кухне с тремя копейками в кармане и делить воображаемые миллионы.

— Ну, зря вы так... Я ведь вам доверяю больше других.

Он откровенно загрустил. Но, погрузив с полминуты, подошёл к затрапезного вида газовой плите и открыл дверь духовки. Духовка была полностью, до отказа набита банковскими бледно-зелёными упаковками. Они там едва умещались — две-три пачки долларов выпали на пол, и Безукладников просто запнул их под плиту.

— Н-да уж... — сказал я. И больше ничего не сказал.

Безукладников закрыл духовку и виновато развёл руками: дескать, извините, так получилось.

— Может, ещё чаю?

— Нет, спасибо! — Я допускал, что он может заварить всё тот же пакетик в третий раз.

Мне оставалось вежливо полюбопытствовать, каким образом в наше время грабят банк. Натягивают ли, к примеру, на голову чёрный чулок, или это уже не модно?

— Банк? — Он так оживился, будто я подкинул ему свежую идею. Но сразу погас. — При чем тут банк?.. Вы не понимаете. Я вам действительно доверяю, и я мог бы рассказать о таких вещах, от которых у вас, простите, волосы дыбом встанут.

— Пустые хлопоты — я не тот слушатель. Мне «таких» вещей по телевизору хватает, в уголовной хронике. Доверьтесь кому-нибудь другому.

Пока мы препирались, в дверь позвонили, и Безукладников впустил молодую полноватую блондинку в уютном фартуке на бретельках и в домашних туфлях без задников. «Луиза, моя соседка». — «Я на минуту! У меня сырники свежие зря пропадают, а вы, наверно, пустой чай пьёте, как всегда?» С появлением Луизы в этом тусклом логове зацвели невидимые азалии, затеялось плодоношение цитрусовых, потянуло кулинарным раём, глаженьем, прохладным

постельным бельём — и я вспомнил, что меня ждут дома.

Соседка, слегка смущённая, и впрямь ушла через минуту, я только успел заметить необычайную яркость глаз, почти аметистовых, да нежные босые пятки.

Я засобирался. Но Безукладников, судя по всему, был остро озабочен продолжением разговора. Казалось, ему страшно оставаться один на один со своей тайной, которая меня лично интересовала не больше, чем дежурная сводка криминальных новостей.

И всё-таки я остался — не знаю почему. Застрял на два с лишним часа, чтобы выслушать с открытым ртом сумасшедшую, ни на что не похожую исповедь — и не поверить ни одному слову. Но эти полторы сотни минут и последующий ночной звонок Александра Платоновича ко мне домой фактически решили дело... Если всерьёз называть делом составление этой заведомо неправдоподобной книги о Безукладникове, которую я пишу сейчас урывками по вечерам, после работы, подгоняемый договорённостью с шеф-редактором престижного издательства.

Пока он рассказывал, мы съели машинально все до одного Луизины сырники, докурили мой «Честерфилд» и безукладниковский «Парламент», наконец, широким жестом утопили ещё одну чайную мышь.

Расставались молча. В прихожей он вдруг вспомнил, что так и не отдал мне долг; сбегал на кухню, громыхнул газовой плитой, вернулся, распечатывая на ходу пачку и отщипывая несколько бумажек с терпеливым породистым Франклином.

...Стоило торопиться домой, чтобы сразу оказаться по уши виноватым.

Она уже собралась уходить и чуть не плакала. Потому что меня носит неизвестно где — она сидит здесь одна, никому не нужная, как дура, готовит на ужин мою любимую рыбу, всё давно остыло, телефон молчит, тушь на щеках, и никакой радости в жизни. Да, звонил с работы, предупреждал — и, значит, можно на всё наплевать?! Такие надрывные, отчаянные мотивы у неё появились недавно, одновременно с подозрениями на опухоль. Анализы требовали времени, хождения по кабинетам. Неопределённость длилась второй месяц, нарастала, в иные дни виноваты и подозреваемы были все окружающие, особенно я. Любая беда постигается проще, когда есть виновник. С самого начала она вытребовала у меня обещание, что не проболтаюсь ни одной живой душе об её «уродстве» (так она обзывала болезнь). Слово я сдержал, но она, бедная, и тут пыталась меня в чём-то уличить. Я научился быть безответным и невозмутимым. В тот вечер мы ещё немного поборолись

за её кремовое демисезонное пальто, которое она не хотела снимать, желая немедленно уехать к чёрту на рога в свой спальный район; отпустить её было невозможно; я заявил, что холодный ужин правильнее всего есть в одетом виде, поэтому я тоже сейчас оденусь. Вот так, в пальто и в куртке, мы с полчаса посидели на кухне. За это время ей расхотелось уезжать, я предложил пофыркать друг на друга в знак сильного недовольства, она согласилась. Пофыркать полезли в ванну, наскоро стряхивая с себя одежду. И в этот момент, когда мы уже стояли голые и мыльные под тугим душем, зазвонил телефон.

— Мы спим. У нас глубокий сон.

— Я принесу.

Она выскользнула из ванной, как рыбка, милым виляющим манером и через три секунды протянула мне верещавшую трубку.

Это был Безукладников, опять на мою голову.

— Простите, ради бога. Знаю, что не вовремя. Совсем забыл сказать.

Я с трудом удержался, чтобы не нагрубить. Ещё немного, и он сядет мне на шею.

— Вы скажете, это не моё собачье дело, и будете правы. Но я всё-таки хочу вас успокоить. Ей ничего не грозит...

— Кому??

— Это не опухоль. Это мастопатия. Пройдет само через месяц-полтора. Даже операция не понадобится.

Она стояла рядом, озябшая, с мурашками на шее, на грудях, и смотрела на меня такими страшными глазами, как будто сейчас по телефону ей выносится приговор.

Глава четвёртая ЯИЧНИЦА-ГЛАЗУНЯ

Тот день Безукладников запомнил до ничтожных подробностей.

Выйдя в десять утра из больницы на воздух, он первым делом заново убедился в том, насколько мало окружающая жизнь зависит от его личного существования. Он мог исчезнуть, выпасть, как использованный трамвайный билет из пальцев деловито-рассеянного пассажира, а мог остаться в живых, чтобы форсировать сейчас вот эту лужу на тротуаре, расцвеченную палой листвой, — разница была пренебрежимо легка, словно шелуха от математической дроби, подгоняемая ветром далеко позади запятой...

В трамвае, притулившись у входа, он ещё досасывал, как леденец, глуповатую детскую мысль о том, что, если уж в прорве билетного тиража попадается номинально «счастливая» бу-

мажка, её не рискуют выбросить сразу — не то чтобы в надежде на «счастье», а скорее с оглядкой на скупость и обидчивость фортуны.

Лица пассажиров, казалось, были подёрнуты одним общим выражением: «*Я согласен быть самым обыкновенным*». Но ведь каждый, подозревал Безукладников, буквально каждый, будучи подростком, точно знал о себе, что он *особый*, эгоистично светился этой особенностью, ради которой, очевидно, и стоило появляться на свет...

Трамвай тащился еле-еле, и Александр Платонович сошёл на одну остановку раньше. Ему хотелось поскорее домой, к дивану, чтобы остаться наедине — что называется, переспать — со своей случайно вернувшейся, новенькой жизнью. В сущности, её было некуда девать.

Почему-то Безукладников был уверен, что, пользуясь необъявленным отсутствием, его уже уволили с работы. Оставалось лишь удостовериться в этом и ни о чем не жалеть. Он даже не пытался представить, как будет жить дальше, но чувствовал себя в какой-то новой роли, приятно незнакомой. В то же время зеркало магазинной витрины бегло отобразило сомнительного субъекта с потерянными глазами и забинтованными руками (ладони, обожжённые током, тихонько саднили, а второй свежести бинты, похожие на перчатки с оторванными пальцами, позволяли вообразить некоего разорённого графа, носителя продрогшей чести

и вот этих, вчера ещё белых перчаток). Витрина всё же не отпугнула субъекта — он вошёл на минуту в тепло, озарённое люминофорами тридцати с лишним японских телеэкранов, где один и тот же ликующий тенор, утопая в объятиях полугололого кордебалета, грозился моментально умереть от своей несчастной любви, а всё никак не умирал.

Двухметровая продавщица с фигурой фотомодели и топорным, плебейским личиком застучала странного, бедно одетого посетителя, когда, переключая каналы на самом большом телевизоре, он уже отправил тенора за кадр и наобум предоставил слово знатной феминистке из породы «могу и пришибить»...

— Что вы трогаете тут своими руками?! — вскипела фотомодель. — Всё равно не купите! Больно дорого для вас.

— Разве это дорого?.. — с надменной печалью молвил граф, игнорируя шестизначный ценник. Но руки в бинтах убрал, заметно стусевался и как-то боком вышел из магазина.

В почтовом ящике белели уведомления о просроченной квартплате и неминуемом отключении телефона по вине должника. С телефона Безукладников и решил начать: надо было заново привыкать жить. Но сперва он отлежался на своем диване в сладкой нерушимой прострации — на правом боку в позе зародыша, потом

откинувшись на спину, точно усталый пловец, потом опять на правом.

Он проснулся в четвёртом часу, покурил на голодный желудок и припал к телефону.

— Раиса Алексеевна, я тут немного приболел, — доложил он секретарше и бессменной подруге начальника.

— Опять простыли? Сейчас все гриппуют... Александр Платоныч, но вам бы лучше подъехать на работу, когда сможете. Вы ещё не в курсе? У нас опять сокращение штата. Саш! Только ты не психуй очень! Только не нервничай. В общем, так... Пока никто не слышит. Он тебя увольняет. Воевать даже не пытайся. Он твою ставку уже прибрал. Правда, гад? Ты ещё не знаешь, сколько я от этого кобеля терплю...

— Ах, какое дикое несчастье, — удовлетворённо вздохнул Безукладников и положил трубку.

Сейчас он понял, что нестерпимо нуждается в Ирине.

Чтобы вернуть себя в чувство, ему хватило бы и голоса жены. Только бы она была дома. Ну, то есть не дома, а там — на территории Сергея Юрьевича. Она оставляла ему тамошний телефон и просила: «В крайнем случае обязательно звони!» Вроде как служба спасения или дежурная врачиха. «Спасибо. В крайнем случае — всё равно не позвоню», — ответил он тогда.

Что она сейчас делает? Пришедшая на ум картинка была изумительно яркой. Он представил

Ирину лежащей в ванне, в горячем сугробе мыльной пены, чуть бледную без макияжа, с полузакрытыми глазами — она любила так лежать, иногда подолгу. В воображении Безукладникова жена не изменилась, хотя немного похудела и чересчур коротко остригла негустые русые волосы.

Набирая номер, он волновался так, что путался в цифрах и трижды начинал заново.

— Да. — Она ответила мгновенно, будто ждала звонка.

— Привет. Не помешал?

— Нет.. Но я в ванне.

— Я так и думал, что ты в ванне... Какие новости?

— Никаких. Месяц назад ушла с работы. Сажу дома, жарю котлеты. Что у тебя?

Он молчал.

— Что-то случилось??

— Я хочу тебя.

— Повтори! Плохо слышно...

— Я тебя хочу.

Теперь молчала она.

Он впитывал её молчание, накрепко зажмурясь, будто ждал удара по лицу. Но при этом он видел совершенно отчётливо, как она выгибает поясницу и позволяет гладким подводным животным всплыть из-под пены, подаваясь навстречу узкой полудетской ладони. Там, в ванной, горел яркий свет, усиленный зеркалами, и мокрая белизна блестела под ним, и ужасающе алые,

длинные капли ногтей плавно стекали по бедрам, по мыльному лону в жаркий сугроб.

Наконец у неё нашелся достойный ответ:

— Я не могу спать с двумя мужчинами. Между прочим, тебе я тоже никогда не изменяла!

Ей было неприятно это говорить. В разнеженном голосе даже позвякивали слёзы.

— Ну вот и ладно. И чёрт с ними, с двумя! — Безукладников уже проклинал свою несдержанность. — Как ты сейчас выглядишь?

— Как я могу выглядеть? Я вся голая.

— Ты сменила причёску?

— Я подстриглась — почти как мальчик. Говорят, очень идёт. Откуда ты знаешь — ты меня где-то видел? Тебе понравилось??

С этого момента он лишь рассеянно поддакивал, уйдя в себя.

Разговор остался лежать и черстветь, как надкусанный бутерброд.

— Но ты ведь ещё позвонишь? — загрустила Ирина. — Часов до восьми я всегда одна.

Он заверил почти машинально, что скоро позвонит, и вновь поплыл к дивану.

Спустя несколько минут полного оцепенения лежащий открыл глаза — и тут же вскочил как ошпаренный. Новый паралич настиг его в положении стоя. Со стороны могло показаться, что Безукладников тронулся умом.

Часы показывали без десяти четыре. Очень тихо, едва ли не крадучись, он опять подошёл к телефону. Соротница шефа была на месте.

— Раиса Алексеевна, это снова я. Можно глубоко интимный вопрос?

Она хмыкнула. Ей нравились такие подходы.

— Вот эту, извините, юбку...

— Какую юбку?

— Тёмно-зелёную, в которой вы сейчас... — Он подождал, не будет ли возражений. Их не было. — Вы сами шили?

— Безукладников, ты мне грубо льстишь. Это коллекционная вещь от Маши Ведерниковой. Ползарплаты вынула.

— Давно купили?

— В пятницу. А кстати, когда ты успел разглядеть? Тебя же не было...

Он сидел, уронив трубку на колени, и насвистывал мотивчик из Моцарта.

Следующие полчаса были отданы безудержному экспериментированию. На этот раз обошлось без телефона. Безукладников подходил к шкафу, распухшему от разномастных книг, выбирал наугад взглядом молчаливый томик и спрашивал вслух, чуть форсируя голос, как если бы в квартире присутствовал кто-то ещё:

— Здесь, помнится, где-то было про обезьяну в Индокитае... Какая же это страница?

Впрочем, он мог не напрягать голосовых связок и вообще молчать.

Ответ приходил немедленно. Безукладников снимал книгу с полки и без лишних листаний убеждался в абсолютной точности подсказки,

полученной неизвестно от кого. Пришедшая на ум сто сорок девятая страница безошибочно оказывалась именно сто сорок девятой, с неопровержимым третьим абзацем снизу:

«— Видите ли, — отвечал Фальтер, — в Индокитае, при розыгрыше лотереи, номера вытягивает обезьяна. Этой обезьяной оказался я. Другой образ: в стране честных людей у берега был пришвартован ялик, никому не принадлежавший; но никто не знал, что он никому не принадлежит; мнимая же его принадлежность кому-то делала его невидимым для всех. Я случайно в него сел».

Довольный экспериментатор усложнял задачу — выбирал сто лет не читанную книгу (когда-то громкое восхищение этим романом было частью обязательной школьной программы) и наугад «заказывал» номер страницы, интересуясь её содержанием. В тот же миг его бедный разум заседали какие-то пыльные аграрные показатели:

«По плану площадь весенней пахоты в Гремячем Логу должна была составить в этом году 472 гектара, из них 110 — целины. Под зябь осенью было вспахано — еще единоличным порядком — 643 гектара, озимого жита посеяно 210 гектаров. Общую посевную площадь предполагалось разбить по хлебным и масличным культурам следующим порядком: пшеницы — 667 гектаров, жита — 210, ячменя — 108, овса — 50, проса — 65, кукурузы — 167, подсолнуха — 45, конопли — 13. Итого — 1325 гек-

таров плюс 91 гектар отведенной под бахчи песчаной земли...»

Затем он утыкался в желтоватую страницу — и не верил своим глазам.

В конце концов, отойдя от шкафа, Безукладников изволил полюбопытствовать, сколько денег в его распоряжении. Нельзя сказать, что это был чисто спортивный интерес: последний раз он ел в больнице утреннюю кашу. Точный размер наличных финансов — 13 рублей 81 копейка — Александр Платонович выяснил, не открывая кошелька. Однако, тихо надеясь на ошибку, открыл и пересчитал. Тринадцать восемьдесят одна. Этой суммы не хватило бы даже на скромный ужин в соседней пельменной.

Он вовремя вспомнил, что в холодильнике оставалось несколько сиротливых яиц и удручающе пожилой маргарин.

(Эпизод с яйцами Безукладников рассказывал мне с особым комическим энтузиазмом, давясь нервными смешками. Вообще, смех у него был странный, похожий на маскируемые приступы астмы. Смеясь, он как будто страшился одновременно двух вещей — сболтнуть лишнего и задохнуться.)

Прежде чем проникнуть в холодильник, голодный естествоиспытатель мысленно осведомился, сколько яиц ему сейчас предстоит съесть. Выходило огорчительно мало — всего два. Насвистывая и перевирая того же Моцарта, он при-

открыл дверцу и осёкся. Яиц в холодильнике было три.

— Ага! — вскричал Безукладников с таким злорадством, словно засёк прокол в манипуляциях факира. Не прошло и полминуты, как он выронил и вдребезги раскокал об пол одно яйцо. В результате ему всё-таки пришлось довольствоваться двуглазой яичницей, как назло ещё и подгоревшей.

...Вечер прошёл в мучительстве от непрошенной ревности и закончился леденящей новостью.

Как ни запрещал себе Александр Платонович заглядывать в теперешнюю личную жизнь Ирины — он не сумел отказаться, и счастливее от этого он точно не стал. Теперь он знал, что его единственная желанная умница, его «дурочка», его «слоник», его ненаглядная «синичка» и «белочка», лёжа в одной постели с Сергеем Юрьевичем, выдыхает горячим шёпотом те же самые драгоценные слова, которые были навсегда подарены ему, Безукладникову, и так же беспомощно стонет в блаженстве, и тому подобное. Что, впрочем, не мешает ей хотеть встречи с бывшим супругом, простодушно и чувственно скучать по нему. К тому же Сергей Юрьевич в последнее время возвращался домой всё позже, разговаривал с женой всё реже и был необъяснимо, беспроблетно мрачен. Узнать причину этой мрачности Безукладников пожелал только потому, что она вызывала сильную тревогу у Ирины.

Сергей Юрьевич Немченко импортировал из Восточной Европы недорогие лекарства, для чего арендовал, а затем выкупил в полную собственность симпатичный грузовичок «вольво». Попутно время от времени он выполнял частные, *чисто конкретные* просьбы своего бывшего одноклассника Коли Шимкевича — ныне владельца сети автозаправочных станций, одного из авторитетных лидеров уктусской группировки и по совместительству депутата Государственной думы. Колины просьбы выглядели ничуть не обременительно: увезти-перевезти через границу портфель-саквояж-коробочку — и всё. Зато размеры благодарности депутата-авторитета иногда были сопоставимы с месячной прибылью фармацевта-оптовика. В путешествиях с Колиной «начинкой» Сергей Юрьевич, как правило, участвовал лично; обычные же поездки доверял одному водителю.

В сентябре Немченко предложили соблазнительную сделку. Был хороший заказ на партию дорогих и редких медикаментов, был замечательно надёжный поставщик. Но теснили сроки, и требовалось прямо сейчас 320 000 долларов — таких финансовых масштабов Сергей Юрьевич ещё не достигал. Ошеломительную щедрость вдруг выказал Коля Шимкевич, душа-человек. Легко дал всю сумму в долг, даже без расписки, а на вопрос о процентах махнул рукой — дескать, пустяки, сочтёмся.

В том, что произошло с плотно груженным «вольво» на обратном пути неподалёку от Лодзя, уже вторую неделю разбиралась польская полиция. Но по всем признакам, водитель не справился с управлением либо заснул за рулём и, завалив машину в кювет, погиб от черепно-мозговой травмы ещё до возгорания бензобака. Покалеченный, выгоревший грузовик ремонту не подлежал. Незастрахованный груз превратился в золу и горелый мусор. Сергей Юрьевич — теперь отчаянный должник — боялся глядеть в глаза Шимкевичу, а тот вёл себя так, будто ничего не случилось.

В субботу Коля пригласил Немченко с женой попариться в сауне и там, накачавшись коньяку, сорвал с Ирины купальник. При этом он вполне вменяемо подмигнул Сергею Юрьевичу:

— Познакомь друга с женой, а?

Ирина еле слышно сказала: «Скотина», заплакала и ушла переодеваться. Немченко не произнёс вообще ни слова. Так и сел за руль в полном молчании. Ему очень хотелось думать, что Коля просто перепил — с кем не бывает. Но уже в воскресенье утром Шимкевич, громко зевая, заявил по телефону, что страсть как соскучился по своим деньгам, и предупредил: «Давай не тяни резину, а то будешь, как Луцкий, в морге мух кормить. Заодно подумай про свою кобылу сисястую!»

Весь город знал: ресторатора Луцкого застрелили дома, прямо в постели, причем изуродова-

ли так, что вдова просила на похоронах гроб не открывать. Конфликт между Шимкевичем и Луцким тоже ни для кого секретом не был.

Всю эту информацию, неизвестно откуда явившуюся, Безукладников проглотил в один миг — и чуть не отравился. Печальная участь Сергея Юрьевича Немченко смущала его меньше всего, но ближайшее будущее Ирины внушало реальный страх.

За десять минут до полуночи Александр Платонович оделся и отправился на соседнюю улицу в круглосуточный магазин «Продукты». На свои оставшиеся копейки он купил буханку серого хлеба и пачку самых дешёвых сигарет без фильтра.

В эти минуты в другом конце города под одним одеялом с его женой лежал молодой человек, давясь от ужаса перед завтрашним днём, но делая вид, что спит. Безукладникову показалась курьёзной эта мысль: «Теперь у нас обоих нет денег».

Чахлая, моргающая лампочка над его подъездом могла бы служить иллюстрацией скорого конца света. На лестничной площадке между третьим и четвёртым этажами Александр Платонович встал, чтобы собраться с духом и мысленно сформулировать вопрос.

Если отсеять ужимки, оговорки и остроты человека, привыкшего иронизировать над собст-

венной бедностью, вопрос этот выглядел так: может ли он, Безукладников, стать обладателем суммы в полмиллиона долларов — причём в кратчайший срок? Ответ обескураживал бесцветной, бездоказательной краткостью: **может**.

Он взялся бы уточнять более горячо и дотошно: «Где? Когда?», если бы хоть немного больше верил в происходящее. Вместо этого, похохатывая, заигрывая с ночной пустотой, он в усталом кураже спрашивал ступеньки серой лестницы, бредущей ему под ноги: «И что? Куда прикажете явиться за деньгами? А паспорт брать? А сколько телохранителей?..»

И не суть важно, чего он ещё там болтал, поскольку, дойдя до своей двери, он уже знал совершенно определённо, что спустя ровно сутки ему надлежит прибыть по странному адресу: на маленькую асфальтированную площадку, лежащую в прогалине между шеренгами гаражей, в ста сорока метрах к юго-востоку от конечной остановки автобуса № 55 на Привокзальном шоссе.

Глава пятая ПОЛМИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ

Виталик Сурин смолоду опасался умереть. Можно даже сказать, он смертельно боялся смерти. А жизнь во многих позициях Виталику бесконечно нравилась. Он приспособливал её под себя, примерно как свой загородный коттедж или как девиц по вызову, которых оценивал преимущественно по росту, отдавая предпочтение маленьким и вёртким.

И чтобы смерть не казалась такой страшной, Виталик её тоже стал потихоньку приспособливать под себя. Попробовал он это делать ещё лет в семь, когда от сердечной болезни умер его дедушка, уважаемый ветеран. Дед был строгим при жизни, а теперь лежал в гробу посреди квартиры с растерянным выражением лица. И, как только взрослые ненадолго выходили из комнаты, заставленной венками, храбрый Виталик, остава-

ясь один на один с мёртвым дедом, щёлкал его по носу и хлопал по холодным щекам.

В восьмом классе Виталик задушил одноклассницу Любу Высоцкую, которая, по слухам, давала себя всем желающим мальчикам, а Сурину с насмешкой отказала, пояснив, что он коротышка и плохо пахнет. Виталик с неделю обнюхивал свои руки и подмышки, затем приготовил зимние вязаные варежки (дело было в мае) и после уроков пошёл к Любе домой — якобы списать задание. Варежки он надел у входной двери. «Сурин, у тебя что, ручонки замерзли?» — «А может, я тебя убить хочу». — «Тоже мне, Фредди Крюгер нашёлся!» — Люба фыркала, но в глазах мелькало любопытство. Он душил её старательно и долго, чуя, как под варежкой ломается горловой хрящ. Прежде чем уйти, зачем-то пнул оголившееся бедро, а ещё потом, холодея, сообразил, что девочка могла быть дома не одна... Любу Высоцкую хоронили всей школой. Виталик Сурин плёлся в самом хвосте процессии, чувствуя себя вождём и организатором всего этого действия. С тех похорон ему запомнилась острая зависть к оркестрантам, исполнявшим гундосый марш с каким-то особым, хозяйским пониманием смерти.

Больше в свои школьные годы Виталик никого не убивал, если не считать двух соседских кошек и одного раненого голубя.

Туманную юность наметим пунктиром.

Аттестат зрелости, навсегда утерянный сразу же в день вручения. Краткая безответная страсть к фигурному катанию на коньках. Попытки сдавать в аренду обустроенные площадки для рэкета. Тяжёлое алкогольное отравление в туристической поездке по культурным центрам Европы. Изнасилование пожилой проводницы в купейном вагоне поезда «Симферополь—Москва», замятое благодаря двухсотдолларовой компенсации и ползанию на коленях в тамбуре с клятвенным признанием в любви. Угон пожарной машины непосредственно с места пожара. Два принудительных визита в органы дознания, где Виталик сразил всех умением запудривать мозги и уходить в глухую несознанку. Вот, собственно, почти полный список личных рекордов Сурина в молодые годы.

Однако своего творческого зенита Виталик достиг уже в рядах влиятельной уктусской группировки. Он не был лидером, но талантливо исполнял самые нужные, по его мнению, функции — инкассатора и уборщика.

Коля Шимкевич, которому он подчинился напрямую, отлично знал, что Виталик, доставляя нужным людям энные суммы, время от времени аккуратно отстёгивает кое-что лично для себя, так сказать, «округляет» в свою пользу. И Колю это устраивало, поскольку означало, что инкассатор Сурин, скорей всего, не убежит сегодня-завтра с набитой сумкой в далёкие поля.

А в качестве уборщика Виталик уже имел весомые заслуги. Он убирал часто и с удовольствием. Хоть иногда и шумно, с дурными спецэффектами, зато наверняка. И ни разу не влип. Таможенника Лёшу, например, он убрал идеально чисто — просто выронил с балкона, с девятого этажа, заставив написать прощальную записку. Но с Луцким явно перестарался. Когда Сурин со стволом вошёл к нему в спальню, тот начал орать как резаный и заслонять лицо руками, пухлыми ладошками наружу. Вот эти ладошки почему-то и взбесили Виталика: сперва он их прострелил насквозь, а потом крошил и расквашивал до неузнаваемости уже мертвое лицо. Жена Луцкого сидела по-мышинному тихо, запертая в ванной. О ней Сурин даже не вспомнил. С этой уборки он уехал грязный, словно трудился на скотобойне.

Как-то раз у Шимкевича в депутатском офисе гостил важный партийный босс. Пили «Хеннеси». Разговор, понятно, шёл о партийном строительстве.

— А хули он залупается! — восклицал гость.

— Тоже правильно! — отвечал Шимкевич. — Хули залупаться?

Назревало взаимопонимание.

Уборщик Сурин, от нечего делать бродивший по офису, сел поблизости на диванчик послушать про большую жизнь.

— ...Пусть тогда и херачит свою политику! — продолжал гость.

Шимкевич поднёс бокал ко рту, ласково глядя на Виталика.

— Брысь отсюда, — проронил он и выпил.

Сурина как ветром сдуло.

С тех пор он заметно изменился. Возможно, ему попали прямо в душу мудрые слова заезжего деятеля и теперь скреблись там, будто в клетке для грызунов. Так или иначе, выражаясь партийным языком, уборщик взялся «херачить свою политику».

На прошлых губернаторских выборах дальновидный Шимкевич передавал крупные денежные куски сразу двум соперникам — и действующему губернатору, и главному конкуренту.

Не менее дальновидный Виталик, пользуясь инкассаторской миссией, тоже вручил обеим сторонам по небольшому аппетитному кусочку — уже от себя. То, что эти порции втихую, за час до вручения, он отрезал от крупных ломтей, никого не касалось.

Доверенные лица обеих принимающих сторон пожимали Виталику руку, нежно кивая, что следовало понимать как «родина вспомнит!» и «продолжай в том же духе». И затем быстро-быстро, как молоденькие артистки, выбегавшие на комплимент, удалялись к себе за кулисы, где им, в свою очередь, предстояло деликатно и грамотно делить и отрезать.

Эти судьбоносные ходы вызывали у Виталика почти государственное отношение к собственной персоне.

Но даже такие мотивы не шли ни в какое сравнение с блистательной, глубоко эшелонированной вербовкой полковника Стефанова. Мысленно Сурин так и называл свою операцию: «вербовка». Ему жутко нравилось воображать себя суперагентом, который действует в тылу врага и шлёт донесения в Центр. Причем роль мудрого всесильного Центра уборщик сам иногда разыгрывал по вечерам для офисных сторожей или почасовых девиц. В таких случаях он, некурящий, обязательно дымил грузинской сувенирной трубкой, укладывая ноги на столик с бутылками и закуской.

Стефанов служил в таинственной, всё слышащей конторе под названием ФАПСИ. Виталик так долго не мог запомнить наизусть правильную расшифровку этой аббревиатуры, что впервые в жизни купил себе блокнот, куда записал мельчайшими буквами под диктовку сторожа-студента: «Федиральное агенство правитильсной связи и инфармацыи». Тот же начитанный студент сообщил Сурина за пивом, что ФАПСИ подчиняется только президенту России, а секретной информации у него до хрена и больше. Больше, чем у бывшего КГБ.

Эти сведения вызвали у Виталика тайный восторг и счастливые суперагентские предчувствия.

Третьего дня он краем уха подслушал, как Шимкевич в нудном телефонном разговоре упомянул «Стефанова из ФАПСИ».

А уж Стефанов-то Виталику помнился очень хорошо. Потому что был едва ли не первым, кому Сурин отвозил «чёрную» наличность ещё на заре инкассаторской карьеры.

Тогда в остроконечном здании городской ратуши, в каком-то блёклом отделе сидел тихий, довольно моложавый дядечка, чья похожая на шуструю гусеницу подпись под словом «землеотвод» давала Коле Шимкевичу вожделенное право поставить на родимой казённой земле свою первую бензоколонку. Дядечка оказался приятно понятливым, однако назвал тихим голосом неприлично крупную цифру. Скорей всего, она выражала коллективный аппетит. Торг был неуместен.

Шимкевич снарядил тяжёленькую спортивную сумку с надписью «Adidas» и приказал Виталику: «Отдашь всё, что в сумке».

Инкассатор в то время ещё вежливо стучался в двери кабинетов, а не толкал их коленом либо своей ручной кладью, фактически заменявшей пропуск. На двери было написано: «В.Д. Стефанов, зав. отделом». Когда Сурин стал выкладывать пачки, чиновник задёргался. Видимо, он брал впервые. Сгребал со стола балансирующие стопки и, неловко удерживая подбородком, носил их взад-вперёд по кабинету в поисках укромного места. Там не было ни сейфа, ни подходя-

щего шкафа. Он даже смущенно упрекнул Виталика: зачем так много сразу! Тот буркнул: «Что ж мне, десять раз возить?» Вдруг В.Д. Стефанов успокоился. Взгляд остыл и затвердел. «Оставь-ка ты их лучше в сумке!» — Интонация была командной. «Сумку оставлять не веле-но», — нашёлся инкассатор, хотя никаких специальных указаний на этот счет не получал. Он лишь дал понять: ты мне не начальник.

Летом стряслись выборы, и ратуша сменила хозяев. Стефанов уехал в Москву, а спустя четыре года вернулся уже с новым назначением в совсем иное ведомство, гдегодились его радиотехническое образование и номенклатурная замкнутость.

Выслеживая Стефанова, уборщик сам не очень понимал — зачем. Его словно бы вело новое «государственное» самоощущение или та же суперагентская придурь. Если бы ничего не удалось, он бы не стал убиваться. Но всё как раз удалось, так что, вероятно, Центр, неустанно дымящий трубкой, был доволен.

Меньше чем за месяц нерегулярной слежки Виталик выяснил: по субботам Стефанов бывает на Екатерининском рынке, в мясных рядах.

Стефанов же не только заметил слежку, но и узнал того, кто сел ему на хвост. Поэтому не слишком удивился якобы случайной встрече на рыночной парковке, где Сурин в лучших тради-

циях школьного драмкружка сыграл неопишемую радость: «О-о-о! Кого я вижу! Валентин Дмитрич!..» Стефанов презирал дилетантов. Он предвидел попытки шантажа и был совершенно спокоен — никаких неприятных козырей у этой гориллы нет и быть не может.

Посидеть поговорить в машине Стефанов отказался наотрез. Зато не прочь был пройтись по тополиной аллею в сторону сквера. Тут же, без церемоний, спросил очень сухо: «Что надо?» — и Виталик расценил это как деловую готовность. «Мне надо сведения, — важно пояснил разведчик Сурин. — Типа информацию». Он готов платить Стефанову каждый месяц хорошие деньги, вроде зарплаты. Особо ценные сообщения — специальный тариф.

Вербуемый сдержанно поинтересовался: на какую тему? И вот тут Сурин после короткой заминки, сам от себя не ожидая, назвал фамилию: Шимкевич. Уборщик фактически интуитивно выбрал свою ближайшую мишень и заодно уровень персональных притязаний. Стефанов подавил усмешку. Этой «темой» он сейчас ведал, так сказать, по долгу службы. Коля Шимкевич, недавно завладевший львиными долями акций четырёх заводов, перед новыми выборами снова готовил валютные вливания в исполнительную власть. Число убранных в могилы Колиных недругов и тех, кто просто мешал ему, перевалило за сорок.

— Подумаю, — так же сухо сказал Стефанов и направился к машине. Он не назначил ни место, ни время для контакта. Поэтому в следующую субботу с утра Сурин ждал его на рынке — и не ошибся.

Стефанов знал, что уктуссцы планируют заиметь в его конторе слухача. Но суринский приход больше напоминал самодеятельность. Такие дела Шимкевич недоумкам не поручает. Впрочем, недоумки имеют одно редкое достоинство — они позволяют собой пользоваться. Если Сурин желает платить за воздух, почему нет? Следует накачать его воздухом.

Уже очень давно Стефанов не верил никому — ни родичам, ни начальству, ни женщинам. Он и себе-то слабо верил, если на какое-то время оставался без денег. Потому что без денег человек особенно продажен. А деньги Стефанов любил так, что видел их в эротических снах. Он чурался любых мечтаний, но предпочитал такие фильмы, где герой, захватив пресловутый миллион, презрев травмы, несовместимые с жизнью, на последней минуте экранного времени на самом последнем самолёте смывается в недоступные пределы. Что беглец там будет делать, на что тратить свою семизначную радость — таких вопросов аскетичный полковник себе не задавал.

Сурин получил согласие, и они стали встречаться еженедельно — всякий раз в неожидан-

ных местах, указанных Стефановым. То на дискотеке в ночном клубе «Карабас», где агентурные данные приходилось выкрикивать во весь голос. То в стерильном коридоре Института защиты материнства и младенчества, где посетителям дозволялся только интимный шёпот.

Информационный винегрет, которым Стефанов кормил уборщика, как правило, включал известные Сурина факты («Наш друг поменял охранников»), эксклюзивные физиологические детали («Наш друг снова лечится от гонореи») и что-нибудь малопонятное («Роняет молибденовые акции на треть процента»). Виталик ходил польщённый.

Так бы они и дальше играли в эти игры, если бы не случилось кое-что из ряда вон. На шестой встрече, имевшей место на задворках птицефабрики и длившейся не более минуты, Стефанов сказал очень внятно и жёстко:

— У меня плохая новость. Вопрос твоей жизни и смерти. Готовь тридцатку. Дешевле не отдам. В понедельник, здесь же.

И добавил, садясь в машину:

— Ещё спасибо скажешь.

Заметно опустошив свою заначку, встревоженный Сурин прикинул между прочим, что пустырь за птицефабрикой — удобное место для уборки. Но мудрый Центр допускал, что завербованный ещё может пригодиться, а пока лучше заплатить.

В понедельник Стефанов, пересчитав деньги, вынул из кармана диктофон:

— Извини, кассету я заберу. Так что придётся слушать здесь.

На холодном ветру, под гул автострады уютный тенорок Шимкевича сетовал на людскую низость. Речь шла о ближнем круге. «Из кожи ведь лезу, чтобы сделать им хорошо. Бабки атомные летят! И что?.. Суки! — сокрушался Коля. — Настоящие суки!» Судя по всему, разговор происходил дома или на даче у шефа. Вторым голосом был новый охранник Женя, молодой и всегда голодный. Он главным образом гмыкал и сочувственно матерился. Жене явно светила сытная карьера уборщика. А Виталику больше ничего не светило. Он теперь стал «сука номер один». «Он себе на уме. От него несёт».

«За что?» — мысленно орал Сурин сквозь шум в ушах.

А Шимкевич уже объяснял в подробностях, где находится суринский гараж. Туповатый Женя переспрашивал. Для Жени это был самый первый «заказ». Ещё минут пятнадцать Коля рассказывал анекдоты и рассуждал о женщинах. Виталик уже плохо слышал, его трясло. Стефанов выключил диктофон.

— Когда? — хрипло спросил Сурин.

— Будем слушать вторую сторону? Или так усвоишь?

Уборщик помотал головой.

— Когда?

— Послезавтра вечером — около твоего гаража. Когда приедешь ставить машину. Послезавтра, запомнил?

Уборщик громко высморкался и, не прощаясь, уехал.

Стефанов перевёл дыхание. Только что он рисковал смертельно. Если бы Сурин сейчас передумал и сказал: «Нет, давай послушаем» — один из них не ушёл бы отсюда живым. Потому что на второй стороне плёнки можно было отчетливо расслышать слова Шимкевича: «Во вторник, ближе к вечеру. А днём он мне ещё понадобится».

Существовал и самый легкий, бескровный вариант. Не спроси Сурин «Когда?» и дослушай до конца кассеты, он получил бы шанс выжить. Но перед выборами затевалась игра по-крупному, где Стефанов делал свои ставки, и уборщик только путался под ногами.

Назавтра Шимкевич вызвал к себе Виталика. На столе стояла массивная сумка.

— Здесь шестьсот тонн. Отвезёшь Холодянину. Смотри, аккуратно!

Холодянин был первым помощником губернатора Стилкина.

Виталику вдруг захотелось, чтобы вчерашней плёнки с этим же домашним голосом просто не было. Чтобы Коля его ценил, как прежде, и не считал «сукой номер один».

Он выехал на центральный проспект, увязая в полдневной автомобильной пробке. Торопиться было некуда. Минуту назад он решил деньги никому не отвозить — понадобятся на первых военных порах. Воевать так воевать! Коля себе ещё локти искушает: не на того напал. Сурин всех научит зубы чистить! Надо только узнать, кто его заложил. С какой стороны? Если это Стефанов — он ему собственноручно кишки наружу выпустит, прямо на дискотеке или где они там встретятся... Но, значит, так, по порядку. Сначала мальчик Женя. Возле гаража убирать удобно, никто не услышит... Юный пионер, мать его! Он, проглот, сам себя будет кушать по кусочкам! Потом Шимкевич... И тут Виталику снова захотелось стать ценным работником, чтобы не придумывать военные действия, а выполнять Колины задания.

Сурин заехал в немецкий ресторан, заказал огромное свиное колено, дождался, когда принесут, но есть не смог и пошёл назад в машину. Он чувствовал себя одновременно безработным и курортником.

В соседней парикмахерской, она же «салон красоты», Виталику сделали модную стрижку, начесав мокрый чубчик на лоб, затем шелковисто побрили, так что лицо стало похоже на младенческую поясницу, и, уже не зная, чем угодить, предложили маникюр. Трогая свой липкий чубчик, он подумал словами Шимкевича: «Хоть

раз могу для себя пожить!», а вслух ответил: «Маникюр не повредит».

Потом, чуть оттопыривая пальцы с прозрачным лаком на ногтях, поехал к массажистке Антонида — она привлекала его тем, что называла сынулей и за двойную плату работала обнажённой по пояс. Любое самовольство клиента немедленно сказывалось на тарифе. «Сынуля, — предложила Антонида по окончании сеанса многоборья, — давай я подберу тебе ароматическое масло?» — «Зачем?» — «Пахнешь ты плохо. Дышать невозможно». Виталик ощутил горячую потребность стиснуть намертво белое горлышко массажистки, но вспомнил, что его ждут более славные дела и надо поберечь нервы.

По случаю своей первой уборки охранник Женя вырядился в новый кожаный плащ. Он подкарауливал Сурина уже третий час, поэтому успел притомиться, два раза оголодать, кое-что погрызть и усеять прилегающую местность обёртками пищевых продуктов, а также продуктами этого питания. Увидев наконец знакомые, режущие темноту фары, Женя так обрадовался, что чуть не заорал: «Виталя, привет!», но догадался укрыться от света за гаражом.

Сурин остановил двигатель и минуты полторы сидел неподвижно. На исходе курортного дня он подумывал, что можно и не начинать военных действий, а уехать, допустим, со всеми деньгами в го-

род Багдад. Он знать не знал, что это за город, но предполагал, что в Африке, на берегу моря и там продаются рабыни. «Полежать на песочке, позагорать, а там поглядим». Последнее, на что он поглядел, были вытаращенные от восторга и страха глаза охранника Жени — слева, за боковым стеклом. С таким выражением лица ребёнок, желающий напугать, прячет за спиной хлопушку. «Вот дебил, он же день перепутал! Не сегодня...» — последний раз в жизни подумал Виталик.

Ствол был с глушителем, и звук получился такой, будто лопнула большая закупоренная банка с маринадом, разбрызгивая пряный соус и слезоточивый, остро-кислый дух. Женя обвалил остатки стекла, просунул руку и открыл машину. Второй выстрел он сделал в упор, всматриваясь в отрешённого Сурина, кое-как подавляя рвотный позыв...

Безукладников приехал на конечную остановку автобуса № 55 за полчаса до полуночи. Следующие полчаса он проторчал здесь же, на остановке, плохо сознавая — чего, собственно, ждёт. Если это у меня и пунктуальность, думал он, то какая-то клиническая... В пять минут первого он с опаской двинулся в сторону гаражей, белевших неподалёку. Вокруг не было ни души. На пути ему повстречался только один, видимо сильно перепивший молодой человек в кожаном плаще, которого тошнило на ходу.

Обогнув гаражный ряд, Безукладников спустился в асфальтированную лощинку. Он увидел это почти сразу — тёмный, без признаков жизни автомобиль с распахнутой дверью, а в нём грузную тень, прилёгшую на руль. Стояло такое молчание, что страшен стал звук собственных шагов. Хотелось одного: уйти отсюда навсегда. Чтобы стронуться с места, приблизиться и взять сумку, лежащую на заднем сиденье, ему пришлось отослать в глубокий обморок все свои чувства — не глядя, не дыша, не понимая.

Он позволил себе остановиться и передохнуть, лишь когда очутился в районе вокзала, более освещённом и людном. Человек с тяжёлой сумкой здесь выглядел одним из многих пассажиров.

В прошлую ночь он задал себе (кому же ещё?) нереальный вопрос о полумиллионе долларов и получил вполне реальный ответ. «Всё-таки странно, — подумал Безукладников, — что место, где можно взять столько денег, так отвратно пахнет...»

Больше его уже ничто не удивляло.

Глава шестая

ЖИЗНЬ КАК НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА

Случай Безукладникова, строго говоря, не подарок для тех, кого больше любых вымыслов привлекают достоверные факты, поддающиеся проверке. С некоторой поправкой я и себя могу отнести к таким людям. (Поправка подразумевает широковатость ненаучных допущений, от которых никому не должно быть ни холодно, ни жарко.) Пусть меня простят обожатели научной фантастики, но пишу я точно не для них.

Вместе с тем факты жизни Безукладникова, которыми я случайно располагаю, чрезвычайно обрывочны, слишком фантастичны и вряд ли могут иметь независимых свидетелей. Здесь мне остается уповать на свою личную независимость, а уж меня-то знакомство с человеком по фамилии Безукладников не подкупило и не ода-рило ничем — скорее, наоборот, привело к ма-

лоприятным ситуациям, и хвастаться этим не хочется.

Следует иметь в виду, что одинокий, малообщительный Безукладников, поневоле сделавшись публичной фигурой, остро интересующей и очень специальные службы, и всеядную прессу, в результате ещё больше закрылся, безоговорочно предпочитая сугубо частную жизнь. Поэтому я вправе писать лишь о том, что он сам счёл нужным мне рассказать (без особых оговорок: «между нами») за несколько встреч.

Кроме уже описанного чаепития на безукладниковской кухне были ещё две короткие встречи в Лондоне и затем, примерно через год, странная неделя совместного отдыха на одном анонимном курорте, который несравненная Рената Бьюкенен в своих интимных записках о совместной жизни с Безукладниковым почему-то называет Полинезийской Ривьерой. (Эти странноватые, на мой вкус, мемуары здесь ещё прозвучат.)

В безукладниковских признаниях задевала слух одна особенность. Он мог, например, вставить: «Ренате почудилось, что...» или «Стефанов подумал...», и от этих оборотов веяло художественной литературой, как будто рассказчик по ходу дела сочинял внутреннюю жизнь своих персонажей. А потом я сказал себе, что человеку, без труда узнающему дату смерти любого из нас, любые послезавтрашние новости или стихо-

творную строку, приснившуюся мне нынче ночью, нет нужды сочинять, что подумал пресловутый Стефанов или что вдруг почудилось божественной Ренате. Он просто в любую секунду мог это *знать*.

Мы сидели в изумительно старом лондонском пабе, и пивная пена пролилась на чёрную дубовую столешницу, терпящую, наверно, уже десятое поколение таких же неопрятных выпивох. «Тринадцатое», — уточнил Безукладников, хотя я молчал.

И тут я рискнул спросить: когда, в каких случаях его настигает информация, нужная либо совсем лишняя? И вообще, как он до сих пор не сошёл с ума?

— К счастью, если только задаю вопрос. Но всё равно — уже сошёл...

Он помолчал, остужая ладони бокалом с остатками ледяного «Гиннеса»:

— Спасибо хоть, не спрашиваете, есть ли Бог и что там, после смерти.

— Не за что. Представляю, как вас уже затерзали этими вопросами.

— Может, ещё пива?..

— Мне хватит. А кстати, что там — после смерти?

Возвратясь домой поздней ночью, Безукладников вывалил деньги из сумки и отнёс её на помойку, где тщательно затолкал в мусорный бак.

Он отсчитал триста двадцать тысяч долларов для Сергея Юрьевича, выбирая пачки с крупными купюрами. Подумав, добавил для ровного счёта ещё тридцать тысяч, после чего сообразил, что передавать деньги ему не в чем. Делать он это собирался анонимно, а дарить какому-то Сергею Юрьевичу свой любимый кожаный портфель (хоть и затёртый уже до белых залысин) — больно много чести. Безукладников порылся в бельевом шкафчике и нашёл чистую наволочку: так даже романтичней. Хотя какая тут, к чёрту, романтика?

Набитая наволочка выглядела внушительно.

Спал он как убитый, а проснулся в семь утра от голода.

Продавщице круглосуточных «Продуктов» не приглянулись безукладниковские доллары. Она просто принесла из подсобки бутерброды с колбасой, и они мило позавтракали вместе, прямо за прилавком, пользуясь отсутствием других покупателей. «Надя, — предлагал растроганный Александр Платонович с полным ртом, — хотите совет? Не выходите замуж за Тимофеева! Он вас пьянством замучит. Вы будете на восьмом месяце, с вот таким животом, а он — в запоях. Через два года разбежитесь». Надя отвечала философски: «А куда деваться?» — «Тоже верно», — грустил Безукладников, беря во внимание, что все четыре Надиных мужа будут пить одинаково много.

В маленький, похожий на аптечный склад офис Немченко он прибыл ровно в десять, подгадав такое время, чтобы Сергей Юрьевич ещё доедал дома Иринины гренки, а его секретарша уже красила ресницы на рабочем месте. От своей неудобной наволочки Безукладников избавился, сказав как можно строже: «Директору — лично в руки. Он знает, для чего!» Секретарша лишь приподняла брови. Когда приехавший через полчаса Немченко стал допытываться, как выглядел посетитель, она уверенно ответила: «Симпатичный мужчина, только очень запущенный». Приблизительно так же она описывала всех и каждого: Лучано Паваротти — «симпатичный, только очень толстый», Михаил Горбачев — «симпатичный, только очень лысый».

Сергей Юрьевич был потрясён. Ещё до того, как заглянуть внутрь, он узнал наволочку. Точно такие же, голубоватые, с двухцветной бледной полоской, запасливая Ирина, перебираясь к нему жить, захватила с собой.

Он спрятал деньги в сейф и уехал домой, сказавшись больным. Всё последнее время он и вправду чувствовал себя скверно. Бизнес выглядел почти погибшим, Ирина — охладевшей. Но страшней всего угнетал неподъёмный долг с пристёгнутой к нему угрозой Шимкевича. Сергей Юрьевич ощущал себя давленником, который уже засунул голову в петлю и теперь ждёт, когда Шимкевич вышибет из-под ног табуретку.

Деньги, чудом приплывшие неизвестно откуда, могли стать спасением. Если бы за этим не стоял какой-то дьявольский умысел — ловушка, недоступная уму.

Дома, незаметно от Ирины, он снова разглядел наволочку и обнаружил пришитую в углу, с изнанки, метку с линиялым номерком из прачечной. Подушка, на которую Немченко прилёг поболеть, была одета в те же цвета. Когда совпали и номера меток, он решительно приуныл. Доказанная непонятность как бы усиливала угрозу.

Возвышенной любовью Серёжи Немченко со школьных лет была лёгкая атлетика, точнее, прыжки в высоту. Хотелось, чтобы жизнь походила на спорт с понятным и справедливым законом: где усилие — там результат. Новое усилие — новый результат. Но, по некоторым признакам, жизнь была намного хуже спорта. Она выкидывала какие-то подлые случайности, капризничала, нарушала прямизну углов, оказывалась нелётной, как погода. Противопоставить ей Серёжа мог лишь свою атлетическую фигуру, которой чистосердечно гордился, и спортивные навыки. Однако в самые тёмные, невнятные моменты, когда жизнь, попросту говоря, плевать хотела на его фигуру и навыки, требуя чего-то другого, он уходил в домашнее подполье, ёжил-ся, пережидал.

Следы указывали на бывшего Ирениного мужа. Но если даже поверить на минуту, что этот

нелепый, ничтожный субъект смог раздобыть такое количество денег, то с какой стати он будет их дарить сопернику, более сильному и счастливому? От размышлений делалось ещё хуже. Ясно было одно: жизнь продолжает оставаться мучительно, издевательски непонятной и он опять в ней что-то упустил.

Сергей Юрьевич решил хотя бы неделю отсидеться.

Днём позже Коля Шимкевич закатил в своём офисе небывалую, неслыханную истерику — разбил и растоптал два телефонных аппарата, одну напольную вазу, скульптурные портреты богини Дианы и архангела Гавриила работы неизвестного мастера. Шимкевич визжал так, что в соседнем доме завыл от страха стаффордширский терьер.

За пять минут до этого Коля позвонил Холодянину и попросил аудиенции у Стилкина. Помощник ответил сквозь зубы, что губернатор занят. И ещё *очень-очень долго* будет занят. Побелев от бешенства, Коля перезвонил, но женский голос любезно известил, что теперь занят Холодянин. Тогда Шимкевич вызвал Холодянина по мобильному и спросил почти напрямую, получил ли тот валюту. Он назвал её «зеленью». Нет, помощник и слыхом не слыхивал ни о какой зелени. Просьба на будущее — не беспокоить.

Богиня Диана первой приняла на себя Колин удар.

Вечерние городские «Ведомости» опубликовали фотографию Виталика Сурина, в ностальгической позе припавшего к рулю. Сообщение кончалось такими словами: «Пока власть заботится только о власти, рядовые граждане продолжают гибнуть». Массажистка Антонида, прочитав траурную новость и немного потужив, подумала, что Виталику сейчас было бы приятно. Он ей признавался, расслабившись, что мечтает быть напечатанным в газете.

Уже после истерики до Шимкевича наконец дошло: Сурин деньги не отвёз. Но и рядом с трупом их не обнаружили. Коля самолично побеспокоил дружественные следственные органы вопросом: «Что было в машине?» Ему добросовестно перечислили: банные шлёпанцы, пятьсот долларов, порнографический журнал, средство от насморка. И вот тут настал смертный час для начинающего уборщика Жени. Его вывезли в наручниках, по уши заклеенного скотчем за Широкореченское кладбище, где подвергли собеседованию в тяжёлой форме. Коля пожелал руководить процессом и задавать наводящие вопросы. Женя плакал, как маленькая девочка, отрекаясь абсолютно от всего, а затем абсолютно со всем соглашаясь. В конце процедуры Шимкевич почти поверил, что Женя сумку не брал (Сурин мог её просто спрятать), но к тому часу по-

дозреваемый уже не имел ни одного целого сустава и не походил на живое существо. Поэтому проще было его закопать.

...Холодянин предполагал, и не без оснований, что его разговоры прослушиваются. Обтекаемый и невидимый, как субмарина, он умел информировать, ничего не сообщая, но в данном случае вполне отчётливо заявил, что обещанные деньги от Коли не поступили и продолжение контактов нежелательно. Шимкевич, со своим стойким депутатским иммунитетом, в этом смысле был менее щепетилен. Если в телефонных разговорах он ещё хоть как-то держал себя за язык, то на даче и дома спускал своё красноречие с цепи, давая стефановскому ведомству калорийную пищу для размышлений.

Шимкевич дошёл до белого каления. Он вопил нечеловеческим голосом: «Кто?! Кто выкормил-вырастил этого уroda с нуля?! Кто заплатил за все его сраные выборы?! Подумаешь, один раз деньги не дошли! Так позвони — есть телефон или нету? Попроси: Коля, браток, тут такая херня. Денежку бы... Урод!» — он снова срывался в крик, чувствуя в себе готовность к ядерной войне против Стилкина... Коля Шимкевич не прощал и меньших обид.

По пути домой Безукладникова опять случайно занесло в магазин видеотехники. Голенастая фотомодель, вынужденно занятая в роли про-

давщицы, узнала его и посмотрела с откровенным раздражением. В её вялотекущей жизни, сопряжённой с риском не сегодня завтра достичь ослепительного гламурного успеха, на каждом шагу встречались такие вот неказистые типы. Само их существование, вроде бы нужное для контраста, содержало неприятный намёк на то, что ослепительный успех может и не случиться. В прошлом году на городском конкурсе красоты она даже не пробилась во второй тур. К подруге, которая ниже на три сантиметра, хотя бы лез под юбку администратор, называл пусечкой и что-то пообещал, а ей не перепало даже этого... Желая утешить и порадовать продавщицу, Безукладников не нашёл ничего лучше, чем купить телевизор — один из самых больших. Это привело ко всяким неловкостям: Александра Платоновича усадили в кресло посреди магазина, словно важного гостя, накачали горьким кофе (просить добавить сахар он постеснялся), а фотомодель, как девочку на побегушках, послали менять безукладниковскую валюту.

Глава седьмая

ВУЛКАНИЧЕСКИЙ ОСТРОВ

Если куплен телевизор, его полагается смотреть. Безукладников целыми днями валялся на диване, вылавливая что ни попадя по всему эфиру, и чувствовал себя обитателем потаённого острова вулканического происхождения. Здесь надо было полёживать тихо-тихо, чтобы не возбудить неуклюжим шевелением подспудное сейсмическое злобство.

Это были странные и счастливые дни. Он никуда не торопился и ничего не ждал, а на кухню и в туалет ходил на цыпочках, будто опасаясь кого-то спугнуть. И меньше всего ему хотелось в эти дни задавать *вопросы*, но всё же время от времени он их задавал — малозначительные, не впопад — и тут же получал уверенные ответы, в которых чудилась какая-то нечеловеческая отстранённость.

В телевизоре самым любопытным зрелищем для него стали так называемые «говорящие головы». Он не столько слушал их, сколько наблюдал за процессом выбора слов. Знаменитые телевизионные персоны, как величественные животные на выпасе, зорко и вдумчиво озирали просторы словесного пастбища, но всегда щипали близлежащий, подножный корм. Правда, как-то вечером в новостях одно высокое духовное лицо изрекло оригинальную формулу: «Наше правительство испытывает на себе цейтнот времени!», и Безукладников сразу проникся неизбежной симпатией и к духовному лицу, и к рисковому правительству.

Вообще же, целиком полагаясь на телевидение, можно было сразу выявить три мировые угрозы — карьеризм, перхоть и наплывающие, как потоп, выборы. Местные телеканалы уже вышли из берегов, распинаясь в политической любви до гроба, согласно обновлённым прайс-листам, включая налог на добавленную стоимость и глубоко частные сношения с претендентами.

Массивный, как сенбернар, приятный джентльмен лет шестидесяти по фамилии Стилкин украшал собой лучшие мгновения эфирного времени в просветах между крылатыми прокладками и жевательной резинкой. Стилкин опасно потрагивал узел тесноватого галстука, но храбро швырял идеологически острые, продолговатые фразы, которые вызывали у теле-

зрителя Безукладникова острый безыдейный аппетит.

«Хороший кандидат, — думал Александр Платонович, уминая хрустящий хлебец, политый кетчупом, — благодаря ему хочется есть, а значит, и жить». Хлебцев, кетчупа и рыбных консервов он накопил столько, что мог теперь с месяца не вылезать из дому, вдохновляясь предвыборными речами.

Безукладниковского аппетита хватило и на то, чтобы за сенбернарской вальяжностью разглядеть худосочного ушастого мальчика Геню Стилкина: в школе и во дворе его нещадно били все кому не лень, включая девчонок, он не умел отбиваться, а сорок с лишним лет спустя на приёме в Кремле у Генриха Романовича Стилкина предательски расслабило живот (не от страха — от испорченных ресторанных помидоров), и он плывал по Георгиевскому залу зелёный, как водоросль, однако успел, невзирая на кишечные спазмы, удачно перекинуться парой слов о редких и цветных металлах с тогдашним премьер-министром, в результате чего на двести лет вперёд обеспечил родимых потомков и даже подвластную территорию не обидел.

— Давайте помечтаем! — романтично предложила Стилкину румяная тележурналистка. — Что будет на следующий день после выборов? Чем вы займётесь?

«А действительно — чем?..» — заинтересовался Безукладников, принимаясь за четвёртый хлебец, но вдруг поперхнулся колючей крошкой и согнулся пополам от кашля...

— Я, конечно, мог бы сказать: примусь за работу! — улыбнулся губернатор. — Но на следующий день у меня будет выходной. Поэтому я и моя супруга поедem в лес — так сказать, в лоно природы!

Безукладников наконец откашлялся, но так и застрял перед телевизором в согнутой позе с вытаращенными глазами. Потому что минуту назад ему стало ясно, что никакого следующего дня в жизни Стилкина не будет, а вместо лона природы губернатор будет возлежать беззащитным голым студнем на мраморном столе в морге спецбольницы № 3.

Есть больше категорически не хотелось.

Александр Платонович раз шестнадцать полководческим шагом покрыл дистанцию между диваном и прихожей в оба конца, с брезгливым недоверием прислушиваясь к себе.

Человек на экране выглядел всё таким же обаятельным живчиком — прямо живее всех живых.

Безукладников подошёл к телефону и набрал номер Лёни Ламерчука.

Ламерчук в режиме пожарной срочности, без отрыва от пива «Балтика», довёрстывал предвыборную газету «Наша правда», где с прискорбием намекалось, что один из главных кандида-

тов тяжело страдает недержанием, kleптоманией и лесбиянством.

— Лёня, — сообщил Александр Платонович, — у тебя там на второй странице в заголовке слово «конфиденциальный» с двумя ошибками...

Невозмутимый Ламерчук пошелестел распечатками и ответил:

— Если ты, типа, крутой экстрасенс, лучше не фокусничай, а напомни, как оно правильно пишется. А ещё лучше — приходи через час, пива попьём...

После этого разговора Безукладников почувствовал себя гораздо уверенней — он уже близок был к тому, чтобы сейчас же позвонить губернатору.

— Погодите, — перебил я его. — Правильно я вас понял? С первых же дней, когда вы узнали о своей, так сказать, *способности*, вы только и делали, что пялились в телевизор?.. И на кой вам сдался этот Стилкин? Зачем вообще нужно было встречать?

— Ну вы-то... — взмолился Безукладников. — Хотя вы-то имейте в виду, что перед вами сидит самая заурядная персона. Даже более чем заурядная. Зря вы сейчас думаете: кокетство. Мне, кстати, виднее. А что Стилкин? Он, как любой человек, имеет право на жалость. Он тоже когда-то был маленьким ребёнком. Я его спас фактически.

— А вот ещё говорят, гуси Рим спасли. Это, случайно, не ваших рук дело?

— Нет, Рим — не моих, — запечалился Безукладников.

Если он не стал звонить лично губернатору, то лишь потому, что в момент безукладниковской решимости Генрих Романович лежал в одной сорочке на диван-кровати, придавленный коротконогим тяжёленьким тельцем медсестры высшей категории Полины Косухиной. Она любила его с таким страстным сосательным звуком, с каким гурманы оголяют разваренные косточки, извлекаемые из куриного супа. В особо сладкие мгновения медсестра Полина принималась басовито рыдать, а Стилкин думал: вот она, фортуна, — впервые на склоне мужских лет вызвать у слабого пола столь сильные переживания! Свой внеочередной отпуск тактического назначения губернатор проводил в лечебном профилактории, где Полина служила ему сиделкой, и он ласково, от полноты чувств, называл её лежалкой.

Справедливо рассудив, что выдернутый изпод медицинского тельца разнеженный господин в одной сорочке вряд ли сумеет точно оценить уровень опасности, Безукладников не стал вторгаться в диван-кроватьную пастораль и нацелил штормовое предупреждение на первого губернаторского помощника — благо тот не лежал,

а сидел на рабочем месте, напряжённо уставясь в компьютер.

Острым ледовитым взглядом Холодянин следил за падением разноцветных кубиков тетриса — подсластителя офисного безделья. Он достиг в тетрисе гроссмейстерских высот; со стороны же могло показаться, что этот трагически серьёзный человек как минимум держит под контролем гибнущую цивилизацию и лишь благодаря его бессонно-пристальному вниманию в мире ещё хоть что-то шевелится и дышит.

Звонок незнакомца, сразу же, с места в карьер начавшего излагать какой-то жуткий сюжет о предстоящем убийстве губернатора, Холодянин воспринял с глубоким недовольством. Во-первых, откуда этот безумный узнал номер его мобильного? Скоро каждый прохожий с улицы будет названивать, когда вздумается. Во-вторых, звонивший назвал дату вылета губернатора в Австрию: «Двадцать восьмого, по дороге в аэропорт!» Значит, была утечка данных из канцелярии, оформлявшей билеты. В-третьих, кубики с блошиной резвостью посыпались как попало — вся игра псу под хвост...

Это, конечно, душевнобольной или очень наивный шантажист, которого легко найти и взять за жабры. Но в системе безопасности явно что-то развихлялось, надо проверять герметичность.

— Вы, собственно, с какой целью звоните? — высокомерно спросил Холодянин, но тут

же поправился, меняя тон: — Спасибо. Для нас крайне важно. Вы могли бы теперь не спеша, по-подробнее?..

К нему уже тянула острую мордочку секретарша, сорванная с места кнопкой вызова, замершая в охотничьей стойке; Холодянин, притиснув трубку левым плечом, будто ужаленный в ухо, корябал карандашом на бланке: СРОЧНО ЗВОНИ... — грифель рвал бумагу; шантажист тупо и добросовестно повторял свою версию: «Утром. В девять семнадцать. На шестом километре Восточного тракта...», но вдруг осёкся и закричал:

— Так вы что? *Меня* ловить собрались?!

Безукладников с отвращением бросил трубку.

Теперь можно забыть этот случай навсегда как несмешной анекдот. Ему достаточно было знать, что покушение уже точно не состоится. А какие там круги побегут по воде от кинутого камешка — не его дело.

Вот, кажется, в этом месте Безукладников употребил военное слово «мишень». Потому что рассказ приблизился к тем дням, когда невзрачный мой полуподпольный персонаж стал фактически вождеденной мишенью для таких людей и таких ведомств, о которых и думать-то вредно для здоровья, не то что встречаться лоб в лоб.

Я поражался и не верил — как можно, зная всё, что угодно, даже не догадываться об опасности, дышашей тебе в затылок? Безукладников

ответил, что в то время у него ещё не было «весёлой шизофренической привычки» каждый свой день начинать с вопроса: «Что мне угрожает сегодня?»

— А сейчас так и живёте?

— Так и живу.

Глава восьмая «Я ТВОЯ СУЧКА»

Между тем круги по воде бежали скорее взрывной волны.

Уже следующим утром на столе у Холодянина лежал розовый клейкий листочек с номером телефона, адресом и фамилией субъекта, которого надлежало аккуратно вмять в стенку, расплющить, вывернуть наизнанку и затем (ничего не поделаешь) стереть в незаметную пыль. Нужно только правильно выбрать орудие дознания. Будь Холодянин попроще, он бы ещё вчера устроил *шорох* в Управлении внутренних дел либо ФСБ. Но силовым структурам он доверял не больше, чем хищникам, сидящим на цепи, а простые, прямые действия считал уделом недалёких натур. Кроме того, покушение на губернатора или даже намёк на покушение — слишком мощная предвыборная бомба, слишком жирное рек-

ламное лакомство, чтобы скармливать его мили-
цейским генералам. Придётся всё же беспокоить
шефа, готовить ему показательное спасение жиз-
ни под соусом личной преданности, а заодно по-
трошить этого идиота с улицы Кондукторской.

Так бы он и рассуждал, косясь на часы в зор-
ком предвидении обеда, если бы в одиннадцать
пятнадцать ему не позвонил из ФАПСИ полков-
ник Стефанов и, ломая всякую чиновничью суб-
ординацию, не затребовал срочной встречи
с глазу на глаз.

— К сожалению, сейчас я занят. А после обеда
уеду по делам.

Этих гордых соколов федерального подчине-
ния надо иногда ставить на место.

— Значит, встретимся до обеда. Вопрос не тер-
пит *никаких* отлагательств. Я буду через десять
минут. Закажите пропуск!

Скрипя зубами, Холодянин заказал Стефано-
ву пропуск, однако с четверть часа мариновал
полковника в своей приёмной — из принципа.

Хозяин кабинета был готов к любым неожиданностям, но его слегка передёрнуло, когда предупреждение вчерашнего телефонного безумца было повторено буквально дословно, как с магнитофона, теперь уже должностным лицом. Бледность должностного лица отливала прозелью под глазами.

Особую сладость Холодянину доставил бы ответ: «Без тебя знаю. Скажи что-нибудь новое».

Вместо этого он вынужден был вопрошать, умело дозируя шум и ярость:

— Кто посмел? Кто эти выродки?..

Стефанов лелеял и холил туманную многозначительность:

— Фамилии называть рано. Будем прошупывать все варианты. Сейчас главное — осторожность.

Здесь надлежало отвечать прочувствованно и тихо:

— Спасибо. Я предупрежу Генриха Романовича.

Расставались почтительно, с глубоким взаимным презрением.

— Да, кстати, — как бы спохватился Холодянин, — а фамилия Безукладников вам ничего не говорит?

— Что значит «не говорит»? — Стефанов почти оскорбился, будто речь зашла о его любимом тяжелобольном родственнике. — Безукладников Александр Платонович. Очень даже говорит. А скоро ещё больше скажет...

В итоге Холодянин отбыл обедать в сильно улучшенном настроении, с чувством удачно сбагренной чёрной работы, для которой, собственно, и существуют в мире всякие стефановы. Стефанов же, сытый пока лишь результатами своих нелегально-служебных прослушиваний, знал о покушении ровно столько, сколько успел наболтать по телефону некто Безукладников, а потому испытывал досаду, схожую с изжогой, оттого что его

единственный источник информации известен не только ему. Тем сильнее в нём стужалась решимость не делиться добычей ни с кем — ни с дошлым Холодяниным, ни даже с собственной конторой. По тому адресу, на Кондукторской, пряталась и мерцала какая-то выгода, а нюх на выгоду Стефанов имел почти волчий.

Утром этого же дня коммерсант Немченко наконец завершил свою домашнюю отсидку. Поскольку дьявольский умысел, принесший ему наволочку с деньгами, больше никак себя не проявлял, Сергей Юрьевич отважился возвратить Шимкевичу долг. Уходя, он пообещал Ирине вернуться не поздно и повезти её вечером во французский ресторан, запланированный ещё с Рождества. При этом взглянул с такой отчаянной тревогой, словно прощался навсегда. Вопросы она не задавала — спрашивать и откровенничать у них было не принято.

Ирина за год с небольшим так и не привыкла до конца к Немченко: к спиртовой резкости его дезодоранта, к безволосой мускулистой груди и рукам. С ним жилось приятно — и как-то чужевато. Она скучала по Безукладникову, казавшемуся в разлуке таким трогательным. Но сейчас вдруг взять и отказаться от своих новых высоких туфель и дорогих баночек с кремами, от этого горьковато-сладкого сыра и чудного кофе с белой капелькой ликёра «BAILEY'S» вместо

молока, от зеркальной ванной и сегодняшнего ресторана — она уже не смогла бы ни за что.

...Шимкевич взял деньги с холодной рассеянностью и, не считая, спрятал в сейф.

— Молодец, — похвалил он мрачно. — Красавец. Теперь неси проценты, и мы квиты.

Немченко стал похож на гипсовый слепок.

— Коля, почему проценты? Мы не договаривались.

— А порядочных людей оскорблять договаривались? Как твоя ссыкуха меня в сауне обозвала, помнишь? Повтори за неё! Давай повторяй! Не слышу!..

Шимкевич возбуждался переливами своего гнева, как драматический актёр.

— Учишь вас, учишь!.. Скажи ей, пусть вечером ко мне приезжает. Прощения просить.

Затем творческая фантазия Шимкевича подсказала ему, что оскорбительница Ирина должна вымалывать прощения непосредственно в той же сауне, где и провинилась. Немченко дозволялось в этот момент отсутствовать.

Сергей Юрьевич ушёл на негнущихся ногах. А Коля Шимкевич ещё с полчаса предавался грёзам о высшей справедливости: фигуристая спесивая гордячка, которую *лоховатый* Немченко увёл у кого-то забесплатно, на глазах превращалась в покорную тёлку. Она скользила коленями по мыльному полу и ловила губами края Колиной банной простыни.

Интенсивность мечтаний, однако, не вредила синхронной хозяйственной деятельности, включавшей, например, выплату премиальных двум правильным таможенникам, последнее тихое предупреждение одному неправильному министру и совсем уже тишайшее причёсывание бабок, то есть беглый подсчёт текущей наличности с фиксацией в амбарной книге. Полгода назад у Коли был свой личный адвокат — носатый вальжанный карлик с женским голосом. Однажды, смакуя тягучую зелень шартреза, он пропел: «Вы, Коленька, если уж гоняете по рукам такие термоядерные суммы, то хотя бы записывайте в книжечку номера серий...» Карлик непросто много знал, потому и удостоился несчастного случая с летальным исходом. Но совет запомнился. И теперь Шимкевич находил особую, невыразимую приятность в том, чтобы сидеть вот так, негромко воркуя «...семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...» над плотненькими бледно-салатовыми пачками, приняхиваться к их резковатому тряпичному запаху и выскрёбывать монблановским пёрышком по матовой бумаге (компьютеры — это для секретарш) ровные колонки опознавательных чисел.

То был дивный послеполуденный час депутатского офиса, когда босс принимался ворковать — и, значит, можно было не ждать ничего страшного. Офисная челядь ходила на цыпочках, дышала украдкой, подслушивая, как божью

волю, мельчайшие позывы, исходящие из начальственного мозга.

Кто мог подозревать, что сейчас этот мозг пронзит белая сигнальная ракета бешенства?

Отдадим должное выдержке и хладнокровию Шимкевича — он только один раз воскликнул: «Оп-па!» и дважды: «Мать твою!..» Ну, ещё опрокинул свой письменный стол, расколов на две части малахитовую столешницу. Он даже не сию секунду кинулся вышибать дух из Немченко, но сначала попил горячего чаю со сладкими всхлипами: «Ох краса-авец!», сделал нежный контрольный звонок: «Скоренько заеду на минуточку», провёл инструктаж для своих *быков*, и уже в седьмом часу вечера Колин джип, тяжёлый, как бронетранспортер, вкатился на улицу Рокоссовского.

Ирина ходила по дому в растерянности, полуголая. Она полдня выбирала вечерний туалет для ресторана, но Сергей Юрьевич возвратился домой с пугающе пасмурным лицом и закрылся у себя в комнате, ни слова не говоря. Ей сразу неловко стало за свои маленькие мысли: так и не решила, какое бельё подойдёт под гипюровое платье, прозрачное, как вода, накрытая узором из веточек.

Когда в дверь позвонили, муж крикнул из-за двери: «Открой — это ко мне!», и последующие минуты ужаса были отсрочены морокой со скользким рукавом халата, обнажённая левая

рука всё никак не попадала в пройму, в то время как одетая правая уже сдвигала язычок замка. Они чуть не растоптали её, вломившись, отшвырнули потной ударной волной — четыре быка в спортивной униформе. Замыкающим, будто погонщик за стадом, влетел Шимкевич:

— Где он??

Впрочем, никого не интересовал её ответ. В пять секунд квартира превратилась в территорию захвата, а из комнаты Немченко прорезался крик, обрывающий внутренности. Так визжит раздавленная автомобилем ещё живая собака. Ирина кинулась на этот звук, но была отброшена ударом двери:

— Пошла вон, сучка!

Она успела увидеть Сергея Юрьевича, ничком распластанного под ногами гостей. Из-под его живота растекалась неровная лужица мочи.

Оглохшая от страха Ирина пятилась и почему-то всё повторяла: «сучка, сучка». В доме отчётливо пахло смертью.

Между тем Шимкевич в тот вечер не склонен был к *мокрым* последствиям. Его резонно занимал только один вопрос: каким образом его, Колины, деньги, посланные губернатору с покойным уборщиком Суриным, попали в руки Немченко?

— Откуда денежка? — ласковым тоном допытывался Коля, попинывая Сергея Юрьевича острой туфлей по лицу. — Кто тебе дал?

Мысленно погибший Немченко вдруг почуял спасительный шанс. И то, как он назвал фамилию Безукладников и пресловутую улицу Кондукторскую — тихо-тихо, почти шёпотом, с боязливой оглядкой на дверь, за которой находилась Ирина, — заставило Шимкевича насторожиться. Более того, Колю озарила догадка, что здесь он без толку расходует время и ударные силы. Потому что, видимо, настоящий скрытый враг, если не вражеский штаб, дислоцируется там, на Кондукторской...

Устремляясь к выходу, Шимкевич опять столкнулся с дрожащей полуодетой Ириной, чуть не сбил её с ног — и вот тут, за время короткой тишины, произошло то, о чём потом Безукладников поведал мне морщась, как от сердечной боли, но так и не смог внятно растолковать, и я теперь в меру своего разума пытаюсь разглядеть причину случившегося. А случилось то, что Ирина очень скоро сделалась женщиной Шимкевича, его полной физической собственностью, причем без малейших мужских усилий с его стороны.

Я могу только представить первобытную, тёмную покорность в её глазах, готовность подчиниться силе насильника, и, кажется, в этом чувстве была некая тошнотворная сладость.

— Позвонишь, — сказал Шимкевич, отводя взгляд и вытягивая из кармана визитную карточку.

Она сидела, рыдая, больше часа на краю ванны, мотала растрёпанной головой, как полоумная, а потом позвонила Шимкевичу и сказала глухим треснувшим голосом: «Я твоя сучка».

Глава девятая

ВОДОПОЙ НА ОЗЕРЕ ВИКТОРИЯ

Вот какой утренний телефонный разговор довелось выслушать полковнику Стефанову по долгу службы.

Очевидно, странноватый диалог двух бывших супругов не был самым захватывающим звуковым «документом» в полковничьей коллекции. Но именно эта *прослушка* фактически перевернула судьбу Стефанова и довела его до таких поступков, о которых стефановские коллеги в погонах всегда с пафосным отвращением говорили: «Измена родине». И с восхищением присовокупляли два-три нецензурных слова.

Паузы в разговоре иногда были настолько тихи, что полковник начинал сомневаться в исправности аппаратуры.

- Ирина, это я. Не удивляйся.
- Как ты меня нашёл?

— Так... Случайно.

— Не звони сюда больше.

— Ирина, девочка моя, зачем ты сидишь на этой даче? Зачем ты его ждёшь?

— Откуда ты знаешь? Следишь за мной?

— Я не слежу. Я прошу тебя — возвращайся! Прошу тебя. У нас теперь есть деньги, сколько угодно.

— Ты что, занялся бизнесом?

— Могу заняться, если тебе так нравится... Давай я за тобой сейчас приеду?

— Сюда не пустят. Здесь охрана.

Пауза.

— Саша, я, наверно, сошла с ума. Но я уже не могу без этого человека.

— Ты хоть знаешь, с кем связалась? Он бандит. Реальный убийца. Он людей заказывает.

— Что ты несёшь?!

— Сейчас, например, готовит покушение на губернатора.

Пауза.

— Откуда ты это взял?

— Тебе я скажу. Хотя ты всё равно не пове-ришь. В общем, я могу теперь узнавать всё, что мне нужно. В любой момент.

— Прямо всё-всё?

— Абсолютно.

— Откуда?

— Просто само в голову приходит.

Долгая пауза.

— Саш, ты, наверно, тоже с ума сошёл?

— Ну хорошо. Спроси меня что угодно! Что тебя сейчас интересует больше всего?

Пауза.

— Меня интересует, когда он приедет. Когда он сюда приедет?

— Завтра вечером.

— А сегодня??

— Только завтра. И знаешь... Он тебя снова будет мучить, заставляя унижаться. Он тобой обзавёлся, как домашним животным... Тебе этого хочется?

— Мне этого хочется.

Долгая пауза.

— Ирина, можно я задам глупый вопрос? Я, конечно, не ангел. Тебе трудно со мной было. Но я правда не понимаю — чем он так хорош для тебя?

— Ты серьёзно спрашиваешь?

— Я серьёзно. Что он может такого, на что я не способен?

— Саша, прости. Я тебе скажу. Он меня может изнасиловать. А ты — нет.

Ещё только набирая номер, чтобы сказать: «Прошу тебя — возвращайся!», Безукладников уже точно знал: она не вернётся. Но не верил и не верил этому знанию. Его потянуло на улицу — пойти, поехать, не важно куда, лишь бы не сидеть в квартире одному.

Во дворе, в холодном осеннем воздухе Безукладникову чудилось какое-то гостеприимство, словно бы его тут ждали. Хотя четыре пары следящих глаз, действительно ждавших его — за тонированными стёклами грязно-синей «тойоты», на скамье у детской площадки, на крыльце соседнего подъезда, — он добросовестно не заметил.

И те, кто потом следовал по городу за празднующимся объектом, прилагая невероятные конспиративные усилия, были сбиты с толку и сражены зашифрованностью его маневров. Надо обладать особо изошрённой хитростью, чтобы дойти торопливым шагом до перекрёстка, застрять на целых девятнадцать минут под светофором с идиотским выражением лица, якобы заглядевшись на чередующиеся потоки людей и машин, а затем всё же тронуться с места — на красный свет. Добраться пешком до неблизкого железнодорожного вокзала, выстоять очередь в кассу для поездов дальнего следования, дважды пересечь привокзальную площадь, взад-вперёд, и на ходу выбросить в урну только что купленный билет (одно спальное место в плацкартном вагоне до города Оренбурга). Битый час клеиться к витрине ларька с пиратскими видеокассетами и китайской электроникой, так ничего и не выбрав. Положить две пятидесятидолларовые купюры в пластиковую баночку из-под майонеза — орудие труда молчаливой старухи-

нищенки. Приценившись к пахучим шашлыкам, съесть неподалёку два копеечных пирожка с печенью, продаваемых с тележки. Запрыгнуть в троллейбус, доехать до Атриум Палас Отеля, купить в ресторанном баре пачку сигарет «Парламент» (хотя они есть и в любом уличном киоске), выйти на воздух и с ненормальной быстротой выкурить две сигареты подряд. Затем, после коротких блужданий вокруг автостоянки, нерешительно зайти в «Венское кафе», не менее получаса просидеть над бокалом яблочного сока, откровенно робея перед официанткой, помычать под сурдинку, покивать в такт фирменному для этого заведения Моцарту. Уходя, забыть на столе кошелёк, возвратиться, забрать, окончательно уйти, направиться в глухую подворотню позади старинной бани. Покрошить носком ботинка серый ледок у подножия водостока, набрести на мёрзлую скамейку, примоститься на левом сухом краю — и заплакать.

Домой он вернулся уже затемно. Его немного шатало, болело горло, и было жарко в голове, будто её наполнили ватой, пропитанной горячей водой. Войдя в квартиру, в свою односпальную крепость, защищённую только хилой дощатой дверью, он сразу включил свет везде, где можно, поставил на плиту чайник, разделся догола, собираясь лечь в ванну, однако передумал. Его уже нешуточно знобило.

Чтобы всласть, как в детстве, поболеть, Безукладникову пришлось наскоро инсценировать заботу родных и близких — он разгладил поверх диванных бугров измученную постель, взбодрил кулаками подушку, придвинул к изголовью стул и выложил на него градусник, хрусткую аспириновую облатку и «Человека-невидимку», зачитанного ещё в те годы, когда не надо было ничего инсценировать.

Кипящий чайник напомнил, что больному полагается горячее питьё. В шкафчике под кухонным окном отыскалось древнее засахаренное варенье. Он наболтал в литровую банку что-то наподобие морса. Кажется, всё. Оставалось возлечь под одеяло. Но как раз в эту минуту Безукладников, совершенно голый, застыл посреди ярко освещённой комнаты — и чуть не выронил банку. На пыльном полу возле шифоньера отпечатались грубые рифлёные следы мужских ботинок.

— Кино и немцы! — очень тихо сказал Безукладников. — Цирк с конями.

От растерянности он прикрыл свободной рукой низ живота, будто застигнутый посторонним взглядом.

Квартира перестала быть крепостью или даже простым укрытием. В его отсутствие здесь кто-то хорошо потоптался. Не мешало бы знать — кто? Ответ пришёл настолько подробный, что Безукладников почувствовал себя в ро-

ли зрителя, которого принудили смотреть нелюбимый детектив.

Он наконец залез в постель и громко вздохнул, обращаясь в пространство прямо перед собой:

— Как же вы мне все надоели!!

Затем встал, осторожно прошёлся по квартире, выключая повсюду свет, и снова улёгся в постель.

Уже засыпая, он подумал, что надо бы купить себе ночник (редкостная для Безукладникова хозяйственная мысль), и что, скорей всего, никогда он его не купит, и что человек, проникший среди бела дня в его квартиру, не прятал своих следов и не боялся нарваться на хозяина, он вообще ничего не боялся — ни убить, ни быть убитым, и что слонов считать гораздо легче, когда они сбредаются на водопой к озеру Виктория, чем когда карфагенская слоновья армада несётся на римские фаланги, и что он чересчур стремительно лежит, попробуй усни на такой скорости, если ещё бросает то в жар, то в холод, но зато тихо — как на государственной границе...

И в этой пограничной тишине, зависая на тонкой поверхности сна, Безукладников вдруг абсолютно внятно услышал металлический звук открываемого замка на входной двери.

Глава десятая **АНГЕЛ СМЕРТИ**

Сорокасемилетний гражданин В.Т.Вторушин с внешностью изнурённого Шварценеггера, сильно траченной фурункулёзом и химическими излишествами, проходил по всем досье и базам данных Министерства внутренних дел Российской Федерации под выразительной кличкой Болт. Не исключено, что он успел подзабыть свою фамилию, поскольку очень давно с гордостью и удовольствием сам называл себя Болтом в честь одноимённого наркотического продукта, к которому питал особое пристрастие. Имея волчьи челюсти и глаза напуганного мальчика, он был убийственно застенчив, несмотря на свою репутацию беспределщика, и заикался так, что это уже казалось чертой характера. Внутреннее вливание двух-трёх кубов «болта» позволяло одноимённому гражданину 15–20 часов

подряд чувствовать себя господином судьбы, и фюрером, и половым гигантом.

Когда Безукладников вкратце описал мне Вторушина, невесело подморгнув: вот, стало быть, как выглядел ангел его смерти в первой редакции — уголовник-заика с фурункулами на щеках, — я припомнил боковой памятью одну милую семейную пару, которая из лучших побуждений однажды угостила меня «болтом» собственного приготовления, как угощают супчиком или домашней наливкой. Это были на редкость интеллигентные люди — искусствовед и учительница музыки. Меня только смущало, по молодости лет, частое употребление слова «жопа» при любом удобном и неудобном случае. «Ах ты, жопа!» — говорила учительница мужу то с интимной злостью, то с бытовой нежностью. Мне было двадцать с небольшим, я только что навсегда расстался с первой возлюбленной и всякое новое впечатление глотал как болеутоляющее. Гостеприимный искусствовед с таинственной улыбкой алхимика налил мне стаканчик прозрачной жидкости. «Будь моя воля, — сказал он, — я бы раз в неделю всю страну поил из водопроводного крана. Прелесть!»

Бесцветная прелесть, выпитая залпом, отдавала уксусом. Было девять часов вечера. В половине десятого я вернулся домой. Когда в следующий раз я случайно бросил взгляд на часы, они

показывали восемь утра. Всё это время я, видимо, провёл на Луне.

В окне зачем-то светало. За истекшие одиннадцать часов одинокого бодрствования мне не захотелось ни спать, ни есть. Не возникло вообще ни единого желания. Если не брать во внимание сумасшедшую твердокаменную эрекцию, которая, впрочем, никого ни к чему не обязывала и не имела целенаправленного характера. Станным образом я в ту ночь успел сочинить стихотворение из восьми катренов, где, например, была строка:

Так разлюбил — как выронил младенца.

Я навестил семью искусствоведа и учительницы месяца через три. На них было страшновато смотреть — коричневые подглазья, высохшие губы пыльного оттенка. Оба, казалось, достигли предпоследней степени изнурения. Муж вяло пожаловался: в аптеках перебои с эфедрином. «Но водичка для крана пока есть, — пошутил он. — Налить?» — «Спасибо, не надо».

Вот эту изнуряющую водичку ангел смерти по прозвищу Болт, в отличие от семьи интеллигентов, не пил, а ширял себе в вену, опережая свои физические и денежные возможности. Его почки и печень отдыхали только тогда, когда некто Миша из цыганского посёлка, варивший за день до пятисот кубов, отказывался наливать в долг. Болт задолжал больше, чем зарабатывал за год

случайными подсудными подвигами. Кончились те золотые сытые времена, когда его угощал коньяком и севрюгой сам Коля Шимкевич — великий уже человек. Это ведь Коля уберёг его от четвёртой ходки, помог спрыгнуть с расстрельной статьи, возил с собой в баню, давал деньги и особые поручения. Сейчас гражданин В.Т.Вторушин мог бы входить под своды Государственной думы как белый человек, помощник депутата. Чтобы, значит, осуществлять там деятельность. И воплощать в жизнь. Но великий Коля решил иначе. После трёх с половиной особых поручений — а каждое из них тянуло на восемь, а то и на пятнадцать лет строгого режима — он к Болту резко охладел и даже сказал унижительные слова: «Ты, Болт, сначала прыщи на морде вылечи», и пришлось это сглотнуть. Если от человека зависишь, приходится терпеть — так ведь?.. А тут Шимкевич вдруг сам его нашёл, сам вызвонил и забил стрелку, и Вторушин осознал, что его звёздный час — вот он, уже настаёт.

— Как у тебя с жильём? — Народный депутат первым делом беспокоится о нуждах трудящихся.

Они сидели в отдельном кабинете закрытого ресторана. Болту льстили конспиративность беседы и роскошь сервировки — всё ради него одного. С жильём было кисло, то есть почти никак. На птичьих правах он делил с клопами комнату в многосемейном общежитии.

Тихий, как тень, официант принёс чёрную бутылку вина, запелёнанную в салфетку, смочил дно бокала и предложил Шимкевичу снять пробку.

— Пошёл вон, — мягко ответил Шимкевич.

Вторушину это почему-то польстило тоже.

— Зачем позвали? — спросил он.

— Маленькая такая просьба. Хочу тебя в разведку послать. Проверить одну квартиру.

— Что за хата? Чья?

— Считай, теперь ничья. Понравится — твоя будет.

Шимкевич хохотнул, словно бы до этой счастливой мысли он додумался прямо сейчас.

— Пустая, что ли?

— Для особо тупых повторяю: ни одной живой души там быть *не должно*.

Болт наконец понял. Он закурил, напрягся бугристым лицом и выдал формулу, слышанную по телевизору в каком-то сериале из уст крутого киллера:

— Цена вопроса?

С троекратным заиканием прозвучало не совсем круто.

Шимкевич поморщился от дыма болгарской сигареты:

— Ты же говорил, с жильём кисло? Вот тебе и цена.

— Ладно. За неделю разберусь.

— Не больше трёх дней. Если что — прикроем. У меня там бойцы второй день на подступах топчутся. Инструменты готовь сам.

Вторушинские инструменты в подготовке не нуждались.

Специально укороченную, бритвенно острую сталь марки «Золинген», обмотанную изолентой и пригретую в кармане куртки, при случайном прошлогоднем обыске даже не изъяли — она выглядела скорее как инструмент, чем как холодное оружие. Болт по старинке предпочитал ходить на дело под видом некоего условного ремонтника с потёртой кошёлкой, где не лежало ничего, кроме тяжёлого разводного ключа, пары отвёрток и мотка скотча.

Шимкевич с философической грустью наблюдал, как Вторушин спешно подъезжает телячью отбивную — сам уже почти отбивная... Но кому-то ведь надо поручать роль мяса, пушечного или там парного — для поваров.

Болт пришёл на Кондукторскую ровно в полдень и четырежды позвонил в квартиру, удивляясь хлипкости двери, за которую предстояло проникнуть. Подобные замки он вообще отмыкал с помощью гнутаго гвоздя, не повреждая механизма.

Это жилище своей бедностью напомнило ему школьную библиотеку, взломанную прошлым летом от нечего делать. Там Болт обогатился только импортными колготками и флаконом туалетной воды из ящичка с пустыми формулярами. Имуущество Безукладникова смогло пре-

льстить его лишь телевизором невыносимых габаритов и стеклянным шприцем ёмкостью в пять кубов, добытым со дна обувной коробки в комплекте с просроченными таблетками от кашля. Недолго подумав, Болт притырил и безукладниковский паспорт, лежавший на виду. На этом развлекательная часть программы закончилась. Теперь ничего не оставалось, кроме как сидеть в засаде до появления хозяев квартиры.

Время тянулось, как очередь к зубному врачу. Пытаясь хоть чем-то заполнить свой досуг, киллер Вторушин примерился к дивану, возлёт и сделал вялую попытку мастурбации. Его мучила совсем другая, изысканная потребность, и на эту изысканную пока не было денег.

Вид из окна позволял оценить обстановку во дворе. Старуха в пятнистой шубейке выгуливала коротконогую дворнягу. Как минимум шестеро озябших топтунов (отнюдь не бойцовского вида и вроде бы независимо друг от друга) обозревали подступы к подъезду. Пусть топчутся дальше, их дело десятое...

На кухне ему пришло в голову заварить себе чифирь, но чай отыскался только в пакетиках. В газовую духовку Болт заглянул на втором часу сидения в засаде — мимоходом, для проформы — и тут же осел на пол, чувствуя, как его прошибает обильный пот.

Следующие полчаса, мокрый как мышь, он ползал на коленях перед газовой плитой, то вы-

гребая пачки денег, все до единой, чтобы утрамбовать их в свою ремонтную кошёлку, то застревая в жестоком сомнении, малопонятном ему самому, и складировал назад, стараясь придать заначке нетронутый вид.

В конце концов, пьяный от волнения, он заставил себя прислониться к здравому смыслу, и здравый смысл, как нежный собутыльник, напомнил, что эта квартирка — уже без пяти минут его собственность. И зачем так трепыхаться, тащить с собой в стрёмной сумке такие финансы?.. Он сейчас возьмёт на карман скромно сантиметра два денег, стогнет по срочному делу — и сразу назад! А эта хата с плитой уже никуда не денется.

Кто бы сомневался, что самым срочным делом Вторушина станет визит к варщику Мише в цыганский посёлок. Оттуда, понятное дело, на Луну. А поскольку время на Луне течёт как попало, на Кондукторскую он вернулся почти ночью. Весь подлунный мир валялся рабски под ногами, покорённый мощью своего господина. Каждая тварь истекала желанием подчиниться и отдаться на милость В.Т.Вторушина. А он, великий и безжалостный, никого не собирался миловать. Между ног у него размещался ядерный снаряд, в кармане — змеинный стальной язык. Впрочем, настроение у Болта было скорее благодушным, как у феодала-покорителя, который после удачного набега обходит свои владения.

— Я не могу это описать, — произнёс Безукладников с тихим смущением. — И по-моему, никто, никакой гениальный Хичкок не способен передать этот ужас, когда ты лежишь ночью голый в своей постели и слышишь: открывается дверь твоей квартиры и кто-то входит к тебе в темноту.

Судя по шарканью ног в тяжёлых ботинках, пришедший убивать даже не старался скрадывать шаги. Он уверенно, по-хозяйски прошёл на кухню, и оттуда послышалось громохание газовой плиты.

Затем нависло короткое затишье, такое пронзительное, что Безукладников, скрючившийся под одеялом в зародышевой позе, внятно слышал себя, собственное тело — как оно громко лежит на виду у темноты и как оно оглушительно боится. Тому, что трепетало в животе и больно бухало за рёбрами, оставалось трепетать и бухать не более четырёх минут — он уже знал определённо. Первые полминуты с панической доblesтью он метался между вариантами прорыва: вскочить, нашарить тяжёлый предмет, оглушить внезапностью... Или попытаться тихо-тихо, не дыша протиснуться между слоями темени, мимо кухни и вырваться наружу — на лестничную площадку, на холод, куда угодно. Но вся беда была в том, что оба эти варианта давали одинаковый результат: и Безукладников, дерзнувший напасть, и крадущийся на волю беглец

Безукладников одинаково быстро, в один миг напарывались на короткую заточенную сталь — Вторушин умел бить почти вслепую, пружинно выбрасывая руку снизу вверх, в горло жертвы... Так Александр Платонович и лежал, утопая в ледяном поту, когда гость вышел из кухни, постоял, озираясь впотьмах, и направился к безукладниковскому дивану.

— Если бы я шевельнулся либо рискнул вскочить, он прирезал бы меня как цыплёнка, просто автоматически.

— Вы что, хотите сказать, он только постоял над вами, повернулся и ушёл? Извините, плохо верится.

— Мне тоже не верится, — сказал Безукладников. — Тем более что я всего лишь захрапел. Правда, очень громко.

— Находчивость прямо фантастическая. Сами додумались?

— Сам бы я до такой детской глупости не дошёл... Но подсказка была странноватая: лежать неподвижно и погромче шуметь.

Безукладников передёрнул плечами, как продрогший подросток.

— Как бы это правильнее сказать?.. Он не убил меня из брезгливости. Вообразите: такой царь и бог. И тут перед ним лежит жалкий человек, от которого уже столько шума. А если его тронуть, ковырнуть — сколько же будет крови, соплей!.. Попросту говоря, Вторушин был под

кайфом и не стал себе этот кайф ломать. Ему ещё хотелось в ту ночь полетать, а меня он *оставил на завтра* — как мусорное ведро или невымытую посуду.

— И вы наконец в эту же ночь сбежали из дома от греха подальше?

— Нет. Я наконец уснул как убитый и проспал до самого утра.

Глава одиннадцатая

СЕМЬДЕСЯТ КИЛОГРАММОВ ЖИВОГО ВЕСА

Самым зябким воспоминанием безукладниковского детства были тёмные зимние утра, когда ровно в шесть самостийно врубалось радио, не выключавшееся на ночь, поскольку служило родителям будильником, — и на последний драгоценный сон обрушивался гимн страны, грозный хор в двести глоток: «Союз нерушимый республик свободных...» Безукладников на всю жизнь запомнил страх, который охватывал его, маленького школьника. Не потому, что надо было так рано вставать и плестись в школу с тяжёлым ранцем по морозу. И даже не потому, что несущийся из репродуктора голос Родины выражал беспощадную строгость. А потому, что в грохоте этой музыки голый подросток, вырванный из постели, как из материнского лона, несущий свою нескладную наготу, свои мурашки и стыд-

ное детское нетерпение в туалет, чувствовал себя насекомым, щепкой, абсолютным ничтожеством перед «волей народа», которая всегда права и никогда ничего не прощает.

А этим простуженным, ангинным утром, надраивая зубы, умываясь, искоса поглядывая в зеркало, уже необратимо взрослый Безукладников вдруг испытал приступ такой леденящей ярости, что сам себе поразился.

Его травят, как дичь. Выкуривают, как зверя из норы. Можно сказать, его уже убивают — а не убили ещё по чистой случайности. И кто охотник? Садист, по которому плачет тюрьма. Добавить мысленно: «Тот, кто отнял у меня Ирину» — было слишком больно.

Восьмилетнего Безукладникова мама посылала в магазин «Продукты» за хлебом и за сметаной. Он брал авоську, стеклянную банку с крышкой и уходил в магазин как на казнь. Потому что на обратном пути его поджидал рослый соседский парень в красной ковбойке — загораживал собой дорогу, криво улыбался и спрашивал всегда одно и то же: «Ну что, стыкнёмся?» Это было приглашение драться — просто так, без повода. И каждый раз Безукладников тушевался, прятал глаза, уходил. И каждый раз его мучитель криво улыбался, наслаждаясь беспроегрышной игрой кошки с мышкой. Задним числом Безукладников размышлял о причинах своей позорной ро-

бости и находил ей тупое оправдание: руки ведь заняты покупками! Якобы всё дело в проклятой сметане. Как ни странно, объяснение оказалось точным. При очередной встрече в ответ на идиотский сакраментальный вопрос «Ну что, стыкнёмся?» Безукладников молча снял крышку с банки и аккуратно вывалил всю сметану на красную ковбойку. Ковбойка вытаращила глаза, попяtilась, что-то выкрикнула тонким голосом. Но эта встреча стала последней — игра закончилась. Домой Безукладников шёл налегке, холодея от ужаса победы.

Он вспомнил тот случай сейчас, когда вдруг обнаружил себя в состоянии, близком, так сказать, к опрокидыванию сметаны.

До следующего (фактически окончательного) визита Болта оставалось чуть менее трёх часов. Во дворе сгущались разнородные наблюдательные силы.

Горло болело так, будто в него насыпали толчёного стекла. Любимая некогда осенняя суббота грозилась теперь ничем не отличаться от осенних же понедельников. Тянуло снова лечь в постель и не вставать несколько суток.

Но сильнее всех потребностей был этот саднящий, как ожог, мальчиковый позыв — снять крышку и опрокинуть банку.

Мобильный телефон Шимкевича четырежды исполнил «Турецкий марш», прежде чем обратил

на себя внимание музыкальной общественности. Он задавал тон в достойной компании — фуги Баха, куплетов Тореадора и канкана, — рассевшейся с пивом и копчёной рыбой на кафельном берегу бассейна. Сам Коля в этот момент вольно плескался в хлорированной стихии, в хороводе стодолларовых длиннолягих наяд, всплывающих по вызову. Наяды были вызваны и оплачены фугой Баха — маленьким, вечно мрачным подполковником таможи, которого, как лошадку за уздцы, влекло, во-первых, всё прекрасное, а во-вторых, высокая благодарность за высокие материальные благодарности, выражаемые Колей Шимкевичем в благодарность за посильную таможенную благодарность.

Коля шумно откидывался на спину и разбрасывал конечности во все стороны света, стремясь не обделить своей ступнёй либо десницей ни одну из участниц хоровода. Наяды, задетые за живое, прыскали и кокетливо матерились.

Пиликающий мобильный марш был наконец переправлен мокрыми ручонками в эпицентр бурливой стихии и поднесён к депутатскому уху, чтобы шаловливый Коля мог озвучить свою дежурную шутку: «База торпедных катеров слушает!»

Чуть задыхающийся, как бы на грани срыва, глуховатый голос обратился к нему по имени-отчеству, и Шимкевич изготовился отбрить какого-нибудь попрошайку-избирателя. Но в трубке

сказали: «Моя фамилия Безукладников. Я вам советую сейчас подплыть к бортику. А то вдруг захлебнётесь — и не узнаете...»

Шимкевич слушал беззвучно, слегка выпучив глаза. И по мере того, как его ухоженные щёки из персиковых становились грязно-малиновыми, вся водная и сухопутная жизнь вокруг смолкала, устрашённая живодёрским бессмысленным выражением на лице купальщика. Мокрые наяды, в бикини и без, торчали из воды в мёрзнувших виноватых позах, уже как рядовые проститутки, готовые к тому, что их вот-вот прогонят пинками.

На берегу даже бросили жевать.

Безукладников говорил в идеальной тишине. Тишина создалась такая, что позволяла различить вкрадчивое дыхание аппаратуры из конторы Стефанова, особо участливой ко всем Колиным переговорам и собеседникам. А этому собеседнику, с точки зрения вкрадчивых ведомств, просто не было цены. Он быстро и внятно перечислял наиболее тяжкие подвиги Шимкевича, заботливо поясняя: «Страна должна знать своих героев! И я вам это устрою...» Героя же, казалось, настиг полный ступор. Взгляд его разбежался наподобие ртути, расплзался по каким-то невидимым глинистым ямам и лишь раз ядовито плеснул в сторону примолкшей фути Баха, когда звонящий упомянул таможенника Лёшу, выброшенного с балкона по ошибке, то есть по лож-

ной наводке подполковника, сидящего сию минуту у бассейна.

— Но вам-то без разницы — кого убивать, не так ли?

Шимкевич наконец выдал из себя вопрос по существу:

— Чего тебе надо? Денег?

— Придурок, — сказал Безукладников. — Придурок!

Почти безголосый, он уже почти кричал:

— Ты хотя бы не заставляй её... ползать перед тобой на коленях!.. Она же в детстве левую коленку повредила!.. До сих пор на холоде болит... Придурок. Ты через шесть лет умрёшь от инсульта. При всех этих долларах. И не присылай ко мне больше своих наркоманов, своих киллеров полоумных. У меня здесь не зоопарк!..

Безукладников бросил раскалённую трубку — и понял, что погиб.

Отсчёт времени начался. Шимкевичу понадобится сто шестьдесят две минуты, чтобы среди субботнего дня созвать ударную команду и пригнать её на Кондукторскую. Малыми силами он не стал бы штурмовать и курятник.

Беспрепятственно уйти из дома уже не удалось: наблюдатели у подъезда получили сигнал боевой готовности. Один, вполне мордатый, топтался вызывающе близко — на лестничной площадке между четвёртым и пятым этажами.

Законопослушный вариант вызова милиции сулил унижительную телефонную разборку с таким финалом: «Пишите заявление и приходите утречком во вторник на приём к инспектору».

У него был выбор: собраться прямо сейчас, надеть пальто, спуститься вниз, выйти из подъезда, быстрым независимым шагом, не реагируя на оклики, пересечь двор и уже на подходе к перекрёстку, не слишком людному в этот час, принять пулю в крестец — причем вкупе с такой дикой, одуряющей болью, что следующий контрольный выстрел станет просто спасением. Либо: никуда не идти, позавтракать яйцом в мешочек, постоять под горячим душем, полистать заждавшегося «Человека-невидимку», покурить, снова покурить, думая о каждой сигарете: «Эта последняя в жизни», а потом лежать на полу с простреленными коленями, прикованным к батарее парового отопления, лежать до приезда Шимкевича, который, не говоря ни слова, наступит лакированными туфлями ему на грудь и начнёт прыгать по груди и по лицу.

— Знаете, что такое животный страх? — спросил меня Безукладников. — Это когда у тебя вместо ума и души остаётся один живот, в котором все кишки скручены судорогой.

...Он пошёл в ванную, разделся, оглядел своё тело как некую бесхозную мнимость и встал под душ. По серо-голубой стене вертикально расходились две трещины, образующие под потолком

дождливый материк. Приговорённый смотрел вверх на струи воды, на географические трещины и спрашивал у этого запотевшего материка: «Как мне уцелеть?» И переспрашивал, прислоняясь лбом к береговой линии: «Как мне уцелеть?» Ответ включал поразительно нелепую череду шагов, последний из которых Безукладников вообще мог бы выполнить лишь в состоянии белой горячки.

На яйцо в мешочек и «Человека-невидимку» ему уже не хватило самообладания. Он оделся медленно и тщательно, глядя с прощальным чувством на свою — теперь уже не свою — комнату, причесал мокрые волосы и поплёлся к выходу. За дверь, приоткрытой в тяжелейшем приступе неуверенности в себе, блеснула кожаная куртка соглядатая, рванувшего с медвежьей прытью на пятый этаж.

Безукладников пересёк лестничную площадку, будто контрольную полосу, и позвонил в квартиру соседки.

Субботнюю Луизу в зелёной косметической маске хотелось облизнуть, как блюдце с крыжовенным вареньем.

— Александр Платонович, я очень извиняюсь! Красота же требует жертв?

— Вашу красоту никакие жертвы не испортят. Можно позвонить? У меня что-то с телефоном...

Он набрал номер, которого не знал ещё минуту назад. Где-то на северной окраине города взя-

ли трубку, и вялый, вяленый голос прирождённого неудачника ответил: «Алё». С изумлением прислушиваясь к невидимому суфлёру, Безукладников заговорил бодряческим тоном, каким, по его разумению, должны говорить отъявленные бизнесмены. А ему, как отъявленному бизнесмену, приспичило выяснить: правда ли, что Тимоша срочно, к такой-то матери, распродаёт свой обувной магазин «Salamander»? Женственный Тимоша, мрачно толстеющий на нервной почве, отвлёкся от куриного бедра и запрокинул живот в тренировочные штаны:

— Ты сам кто такой? Кто тебя навёл?

— А я-то как раз покупатель, — представился Безукладников. — По наводке Борис Михалыча.

В туманного, как Эверест, Бориса Михалыча Тимоша верил истовей, чем в курс доллара, объявленный с небес Центробанком, а слово «покупатель» вызывало у него буквально физиологическую радость. Покупатели — это были такие слабоумные чудесные существа, которые по своей воле несли Тимоше деньги и кормили его, кормили — даже не за то, что он обувал их в китайский и турецкий ширпотреб под видом немецкого, а, видимо, за то, что он, Тимоша, такой необыкновенный. А если есть ещё болваны, которым нравится ходить в опорках, склеенных резиновой кашей, то, значит, их надо обувать!.. Правда, в последние полгода Тимоша нёс ужасающие убытки из-за уличных торговцев, замусо-

ривших город точно таким же товаром, но по бросовым ценам. Склад ломился от сезонных неликвидов, пропах склепом и мышьиной мочой, и этот запах не давал Тимоше спокойно завтракать, обедать, полдничать и трижды ужинать, включая два перекуса после полуночи...

Но этот покупатель своей чудесностью и особым слабоумием превзошёл всех. Он желал купить сразу триста пар обуви — причем немедленно и за наличный расчёт.

— Только у меня товар... немного прошлогодний, — на всякий случай сознался Тимоша.

— Клиент всегда прав, — наобум ответил Безукладников, и Тимоше почудилось, что сделка может сорваться.

— Я же, блин, отдаю за сорок процентов!

— А я беру за шестьдесят! Но только сегодня. С доставкой на дом!..

Умалишённым лучше не возражать. На дом — значит, на дом. Ровно через два часа?.. О'кей, ровно через два! Записываю адрес... Номер дома, номер подъезда...

— Замётано.

Безукладников заставил себя широко улыбнуться, как это, ему казалось, принято у коммерсантов, ударивших по рукам.

Свежеумытая после маски, потрясённая Луиза стояла посреди комнаты и, забыв о приличиях, глядела с открытым ртом — вчера ещё милый, интеллигентный Александр Платонович, теперь

заражённый миром чистогана, демонстрировал, так сказать, гримасы капитализма.

— Простите меня, — зачем-то сказал он, уходя. И это последнее, что она слышала от Безукладникова.

Он отступил назад за контрольную полосу, в своё ненадёжное логово, где пока ещё было тихо. Время уходило так медленно, как будто ему было больно расставаться с пространством. Не зная, куда себя девать напоследок, Безукладников принялся двигать шифоньер в сторону прихожей. Шифоньер настырно упирался всеми четырьмя корявыми ногами. Безукладников намочил под краном половую тряпку и просунул её под мебельную подошву. Тащить за тряпку было немного легче. После того как шифоньерная туша заполонила прихожую и привалилась к наружной двери, Безукладников понял, что потерял доступ к плащу на вешалке и к ботинкам, стоящим под ней. Выдвигать шифоньер обратно уже не было сил.

Остаток времени он провёл в тупой неподвижности возле кухонного окна. Одинокая пенсионерка со второго этажа водила по двору на верёвке беспородную собаку, и они обе вызывали зависть своей никому ненужностью. Снежная крупа косой побейкой неслась к неопрятно чернеющей земле, внушая надежду на некое светлое постоянство, что отнюдь не отменяло

полного безразличия будущего снега к этим людям, глядящим из окон на субботний белый свет, и к этим, бойцовского вида, уверенно вышедшим из-за угла дома и пересекающим двор...

Когда в дверь постучали, Безукладников нехотя зашевелился.

Что он ещё успел сделать? Нарыть в духовке несколько пачек валюты и натолкать в карманы брюк. Одернуть, по школьной привычке, свой затёрханный джемпер. Вытянуть на себя оконную раму и встретить голым лицом вторжение острой снежной крупы. Послушать, вздрагивая крупной дрожью, как выламывают с треском входную дверь. Вынуть ноги из домашних тапочек, тут же снова надеть их, с сожалением снова разуться и в два неловких приёма взобраться на подоконник.

И вот так он торчал некоторое время, полусогнутый, в распахнутом оконном проёме, знобко примериваясь к четырёхэтажной высоте, пока за его спиной ударная бычья сила молча прорубалась через шифоньерную баррикаду; жестяной карниз охлаждал пальцы ног в бумажных носках, снег всё падал на полуголые кусты и деревья, на тротуар и на ярко-синий тент груженого «ЗИЛа», въезжающего во двор.

Квартиру заполнили топот и чужие голоса.

«Мама родная, — тихо сказал Александр Платонович, глядя вниз. — Я же там костей не соберу!...»

Пространство сузилось до синего пятна, притороченного к чёрному газону. Безукладников замедлил дыхание, подался головой вперёд и что есть силы оттолкнул ногами карниз.

...Когда в начале зимы я зашёл повидать Безукладникова, мой визит окончился у его растерзанной двери, заколоченной кое-как сизой фанерой и заклеенной казённой бумажкой с печатями. Старенькая дама с собачкой, встреченная у подъезда, на мой вопрос о жильце с четвёртого этажа сообщила с восторгом очевидицы, что жилец выбросился из окна. Потому что запутался в криминале. Спасибо, милиция прибыла вовремя, взломали дверь — а там море крови и труп. «Чей труп?» — «Жертвы. Чей же ещё? Мы с Дусей собственноручно видели, как выносили! Да, Дусечка?.. Так он тут знаете какую стрельбу учинил?» — «Кто?» — спросил я уже совсем по-глупому и, не выслушав ответа, пошёл восвояси.

В следующий раз мне предстояло узреть Безукладникова на милицейском плакате — увеличенную почти до загробной размытости крохотную фотографию с клеймом (видимо, паспортным) — в портретной компании заведомо преступных бедолаг, собранных под общим заголовком «Разыскиваются!». Одно только это слово слабо намекало на возможность удачного приземления выбросившегося из окна, хотя сам его снимок своей трагической документальностью напоми-

нал скорее кладбищенские овалы на памятниках.

Семьдесят килограммов пока ещё живого веса, упавшие с четвёртого этажа, пробили дыру в мёрзлом тенте из полихлорвинила и успешно застряли в тёмной картонной пыли обувных коробок. Едва ли не в ту же секунду в разных концах двора захлопали выстрелы, пухлый трясущийся человек в кабине крикнул шофёру: «Гони, на хер!» — и тяжёлый «ЗИЛ», как подстреленный буйвол, ломанулся вперёд, не разбирая дороги, сквозь кусты и детскую площадку, подальше от этой подлой засады.

За время пути Безукладников так заохолодел, что собственные ступни уже казались ему фанерными. В попытках согреться он позволил себе углубиться в китайско-турецкие залежи и даже выкопал подходящего размера башмаки, почему-то свекольного цвета. Перепуганный буйвол мчался до тех пор, пока наконец смертельно взволнованному Тимоше не захотелось по нужде.

Остановились на пригородном пустыре, возле мусорной свалки.

Именно эту свалку Тимоша будет потом вспоминать долгие годы как место, где полностью подтвердились его подозрения о прекрасности жизни, в которой чудесные малоумные существа кормят и кормят Тимошу за его сугубую необык-

новенность. Как раз такое существо — типичный с виду покупатель трёхкопеечного хлама — приблизилось к Тимоше, пока тот застёгивал брюки. Незнакомец одет был явно не по погоде, его трясло. Но он выразился будто на светском приёме: «Бесконечно вам благодарен. Уж извините за беспокойство!..», протянул комок зелёных купюр и захромал прочь. И тут же вернулся, чтобы снова извиниться:

— Я, знаете, у вас там ботиночки позаимствовал...

— Уплочено, — сказал Тимоша.

Глава двенадцатая

НЕ ЗВУК, А СВЕТ

«Секретно. По сообщению нашего источника из администрации отеля «Консул», 18 ноября в 10.30 в указанном отеле поселился мужчина 36—38 лет, неопрятного вида, без ручной клади и без удостоверяющих документов. Зарегистрировался под фамилией Александров. В связи с отсутствием свободных стандартных номеров снял 2-комнатный люкс, заплатив наличными за две недели вперёд. Покидает номер не чаще одного раза в сутки. Телефонных разговоров из номера не ведёт. Утром 20 ноября посетил магазин мужской одежды «Hugo Boss», расположенный в соседнем переулке Воровского, вышел оттуда через полчаса полностью переодетый (чёрное длинное пальто, шляпа, тёмно-серые брюки). При наружном наблюдении опознан нами как Безукладников А.П., находящийся в розыске по линии МВД по делу об убийстве Вторушина В.Т.

Труп Вторушина с огнестрельным ранением в голову был найден 16 ноября в квартире Безукладникова (ул. Кондукторская, 11—35). Хозяин квартиры с места преступления скрылся. На теле убитого, во внутреннем кармане куртки, обнаружен паспорт на имя Безукладникова.

Безукладников А. П. разрабатывается нами по результатам технических прослушиваний телефонных контактов лидера уктусской группировки, депутата Госдумы Шимкевича Н. И., в ходе которых Безукладников проявил исключительную осведомленность о криминальных и компрометирующих обстоятельствах жизни Шимкевича.

Несмотря на установленное в отеле «Консул» круглосуточное наблюдение, Безукладников А. П. дважды в дневное время покидал отель незамеченным, но вскоре возвращался.

Прошу Вашего согласия на задержание Безукладникова А. П. и дальнейшую работу с объектом по нашей линии до момента его обнаружения и захвата силами МВД».

Этот и некоторые другие «совершенно секретные» документы Безукладников позднее декламировал мне с пародийным пафосом, впрочем чистосердечно оговариваясь, что ни одну такую бумагу в глаза не видел. Да, собственно, и видеть не желал. Ему и без агентурных словес хватало жуткого ощущения, что кто-то взял его жизнь,

сдавлив жёсткой рукой, словно тёплую восковую свечу, и поджёт с двух концов.

Но как раз в эти дни безвыходного прозябания в отеле «Консул» он впервые рискнул задавать своему скрытому ответчику, так сказать, *непрактические* вопросы, и после каждого ответа ему чудилось, что массивная гостиничная кровать под ним опрокидывается, а вместе с ней — и всё мироздание, похожее на громоздкий неудобный отель.

«Здесь на этаже какие-то фрукты дежурят в две смены. Это по вашу душу», — сказала Безукладникову молодая горничная, убираясь в номере. «Спасибо, я в курсе». — Он смутился. Последние дни он играл сам с собой в шпионскую «угадайку»: не выглядывая в коридор, надо было точно вписаться в минуту, когда один идеально серый тип в пиджаке, умирающий от скуки в бельевой камерке у лифта, отлучится в туалет, а другой — восточный красавец, администратор и осведомитель по совместительству — уплывёт на минуту в питейные глубины, за кулисы бара. И тогда — спокойным шагом, ни в коем случае не бегом, спуститься, выйти, смешаться с уличной толпой.

Стоило полжизни питаться сытной, как манная каша, иллюзией об уникальности каждого человека, повторять вслед за каким-то бойким поэтом строчку о «неповторимой Вселенной в каждом из нас», чтобы однажды выйти вот так

на прогулку по центральному проспекту и полюбопытствовать насчёт сокровенных мыслей этого людского потока, сплошь состоящего из неповторимых индивидуумов.

Результат был мгновенным и пугающе точным. Среди шестнадцати тысяч трёхсот восьми пешеходов, водителей и пассажиров, украшающих своим присутствием главную улицу города, девять тысяч шестьсот одиннадцать персон сейчас мыслили о деньгах, и только о деньгах наличных и безналичных, — причём в мечтательно-сослагательном наклонении. Три тысячи семьсот двадцать девять граждан обоих полов думали о сексе, имея в виду самые грубые и незатейливые формы сношений с малознакомыми, незнакомыми или просто воображаемыми особями. Неполная тысяча сильно тревожилась, как она выглядит со стороны. Восемьсот сорок одного терзала потребность безотлагательно выпить, даже и не закусывая. Полтысячи с лишним элементарно хотели есть. Сто пять разных личностей, абсолютно независимо друг от друга, напевали про себя либо мычали под сурдинку (но в любом случае — про себя) один и тот же половозрелый шлягер: «Забирай меня скорей! Увози за сто морей! И целуй меня везде! Я ведь взрослая уже!» Семнадцать счастливых женщин и трое мужчин молча сходили с ума от ревности. Четыре компетентных тинейджера с пылом обсуждали пятого: он больной на всю голову — или не на

всю? Один успешный политик и один фартовый карманник, взвесившие «за» и «против», синхронно пришли к выводу: «Теперь я круче всех!»... Но большинство прохожих, чьи мысли хрустели денежными купюрами, было столь подавляющим, что создавало в зимнем воздухе напряжение, почти вожделение, которое липло и фонило, как повышенная радиация. Между тем на безукладниковское любопытство мгновенно клевали, словно золотые рыбки, какие-то смешные варианты обогащения, один проще другого. Например, можно было доехать на трамвае до Четырнадцатого гастронома, подкрасться к нему с тыла, со двора, где ржавые металлоконструкции, брошенные, кажется, ещё скифскими домостроителями, небрежно декорированы грудой деревянной тары, встать на четвереньки, протиснуться, уминая коленями кошачьи экскременты, в низенький просвет возле стены и нашарить над головой примотанный скотчем к железу пластиковый пакет с тремя годовыми зарплатами среднего россиянина. А можно было никуда не лазить — просто зайти вразвалку в офис компании под гламурной вывеской «Полный Дюшес» и очень тихо, с большой теплотой спросить менеджера: «Хули вы ждёте, мудаки недоделанные? Чтобы Аркадий Самойлович сам пришёл?» После чего забрать полкилограмма денег и удалиться. На возможный вопрос менеджера: «Девочек не желаете?» —

следовало корректно возразить: «Трескай сам свои трихомонады!»

Безукладников сделал рывок вперёд на полтора квартала, чтобы нагнать в толпе некую многодетную уборщицу пятидесяти семи лет и всучить ей одну из двух оставшихся у него долларовых пачек, но та шарахнулась от благодетеля с ужасом и отвращением. Через час бесцельных гуляний он пополнил собой контингент проголодавшихся и двинулся в недавно облюбованное «Венское кафе».

...Человек появился у стола внезапно, когда Безукладников, уже прикончив комплексный обед, именуемый бизнес-ланчем, растягивал бокал яблочного сока на дуэт для скрипки и альты.

— Не помешаю? — Подошедший сел напротив, не дожидаясь ответа, и заказал капучино. Субъект вполне казённого покроя, расслабивший галстук на время обеденного перерыва. Он не утруждал себя приличиями и рассматривал Безукладникова с холодным плотоядным любопытством.

Дуэт для скрипки и альты уступил тишину струнному квартету.

Сосед по столу вдруг поинтересовался:

— Ну и что вы себе думаете, Александр Платонович?

— Я вот думаю, — с охотой заговорил Безукладников, радуясь хоть какому собеседни-

ку, — у Моцарта иногда что-то случается, что-то сумасшедшее происходит со звуком... Какие-то в музыке проскакивают секунды, когда это уже не звук, а свет! Нет, не в смысле пафоса... А буквально в физическом смысле. Раньше я только подозревал. А теперь выясняется, что и с точки зрения физики так называемой...

— Вы это серьёзно, Александр Платонович, что за бред?

— Откуда вы знаете моё имя? — спохватился Безукладников и сразу потускнел. — Ах да... Понятно.

— Давайте откровенно. Положению вашему не позавидуешь. Не сегодня завтра вас возьмут, и придётся отвечать уже в другом месте. Сомневаюсь, что вы оттуда выйдете. Но, не исключено, я бы смог для вас кое-что сделать. Если, конечно, мы сумеем договориться... Вы догадываетесь, что мне нужно?

— Я знаю.

— Откуда такая осведомлённость?

Безукладников достал сигарету и тут же сломал её.

— По крайней мере, Валентин Дмитриевич, я не питаюсь чужими телефонными разговорами.

Стефанов поморщился:

— Обойдёмся без лирики. Во-первых, откуда у вас такое роскошное досье на господина Шимкевича? Эта информация дорого стоит.

— Я не торгую информацией.

— Достаточно того, что вы ею владеете. На вас уже охотятся.

— Что ж мне теперь — пойти повеситься?

Стефановский смешок прозвучал так, будто порвали оберточную бумагу.

— Тогда могу порадовать: Шимкевич клянётся достать вас даже из могилы и превратить в мокрое место. Милиция с радостью привесит вам труп Вторушина, хотя вряд ли он ваш. Но это ещё не самое страшное.

— Куда ещё страшнее?

— Я имею в виду покушение на первое лицо. Вы почти единственный, кто знает все детали. И тут вам точно не отмазаться. Уж больно вы подозрительный персонаж, Александр Платонович!

— А знаете, полковник... — У Безукладникова прорезалась пылкая запальчивость школьника, которого застучали прогуливающим, в то время как с урока сбежал весь класс. — Вы мне тоже очень подозрительны. Очень! Вы до сих пор пальцем не шевельнули, чтобы это покушение предотвратить! Ни вы, ни Холодянин... Но с господином Шимкевичем вы теперь общаетесь нежнее, чем с собственной мамой. Уже через неделю вы намерены принять от него сумму, которая в шестьдесят два раза больше вашего оклада. И вы уверены, что это останется тайной для всех!..

Лучше бы он этого не говорил.

Когда боец невидимого фронта слышит из уст противника, что его невидимые подвиги шиты белыми нитками, это хуже, чем провал. Ему остаётся только убить противника или убится самому. Убиваться полковник Стефанов не собирался. Его самообладанию могли позавидовать десять Безукладниковых. Он даже позволил себе мягко улыбнуться и задать абстрактный вопрос:

— Что вы ещё обо мне знаете, Александр Платонович?

Ответ был не менее абстрактным, но ужасающим:

— А практически всё. — Безукладников явно терял к собеседнику всякий интерес.

— И кто же ваши информаторы?

— Мне не нужны информаторы.

Безукладников глянул на часы. Он прикидывал, успеет ли вернуться в отель и, допустим, немного поспать до того, как увидит себя в наручниках (оставалось четыре часа двенадцать минут), либо уже больше не возвращаться.

Стефанов в свою очередь тоже прикидывал. Он не впервые сталкивался с необходимостью убрать человека. Но никогда ещё эта необходимость не была столь настоящей и срочной.

Выбирая максимально опрятное решение, он потягивал время, как свой остывший капучино, и продолжал поигрывать в вопросы-ответы. В принципе, уже не имело значения, что ответит

кандидат в мертвецы. Какая разница, о чем толковать с трупом?

— Вы ещё не упомянули про мою личную жизнь. Расскажите что-нибудь остренькое?

— Разве у вас есть личная жизнь?..

— Ну, вы просто обязаны знать обо мне что-то интимное.

У Безукладникова было такое выражение лица, будто его принуждают заглянуть в глубокий внутренний мир мусоросборочной машины.

— Вам так хочется услышать? Хорошо. Интимное так интимное. Уж не взыщите, сами напросились. Я про вашу зевоту.. Вы когда, извините, онанируете, на вас нападает зверская зевота, просто зверская. Вы даже врачу хотели пожаловаться — но постеснялись. Вот и вся личная жизнь.

Он опять посмотрел на часы:

— Две минуты назад вы решили меня убить. А через минуту предложите сесть в ваш автомобиль и поехать вместе с вами.

Стефанов сидел весь серый, с пустыми, безумными глазами.

— И что вы мне ответите? — спросил он.

— Я соглашусь, — ответил Безукладников.

Глава тринадцатая

ВИНОГРАД И МОЛОЧНЫЙ КОШМАР

— Почему вы согласились? — не выдержал я.

Они выехали на окружную дорогу, все больше удаляясь от центра, и молчавший до сих пор Стефанов глухо проронил, не оборачиваясь:

— Почему вы согласились?

— Я устал быть дичью, которую травят. У меня ещё впереди полтора года непрерывного бегства. А вы — это другой вариант, совершенно другая возможность. Хотя всё равно бегство...

— Какой вариант? — Полковник был явно подавлен.

Безукладников промолчал, разглядывая окрестность. Тонированные стекла только усугубляли пасмурность и бедность пейзажа.

Район, где Стефанов построил себе дачу, был не престижный, без выгодных перспектив, а потому хорошо забытый муниципалитетом и деловыми людьми. Собственно, именно это и привлекло сюда полковника ФАПСИ, чей вкус неожиданным образом совпадал с безукладниковским ровно в одном пункте: одинокий и замкнутый Стефанов тоже ценил роман Уэллса «Человек-невидимка», хотя презирал главного героя за то, как он бездарно распорядился своей невидимостью. Обладай полковник такой способностью — он бы давно уже руководил как минимум государством.

Невзрачный кирпичный особнячок за бетонным забором мало чем напоминал загородные дома политической и бизнес-элиты, но по степени закрытости от посторонних глаз и от вторжений мог поспорить с большинством из этих крепостей.

Стефанов открыл стальные ворота пультом дистанционного управления. Во дворе было тесно от колючего кустарника, не тронутого садовыми ножницами. Первый этаж особняка выглядел как редко посещаемый офис — припудренный пылью чёрный кожаный диван, такие же кресла, стройная пластиковая пальма и галогенные светильники. Хозяин жестом пригласил подняться наверх. Второй этаж закрывался тяжёлой сейфовой дверью, поразившей Безукладникова: такие обычно ставят на входе в дом, но не внутри.

В торце коридора — полупустая комната. Ещё один кожаный диван, холодильник, серый кабинетный сейф с кодовым замком, ни одного окна.

— Располагайтесь, — сухо сказал Стефанов, имея в виду диван. — Душ и туалет в том конце коридора. Завтра приеду, поговорим.

Он вышел и вскоре вернулся с комплектом постельного белья, вроде тех, что выдают в поездах. Перед окончательным уходом предупредил:

— Дверь я запру, выйти не пытайтесь.

— Не бойтесь оставлять меня наедине с сейфом? — пошутил Безукладников. И сразу пожалел об этом, напоровшись на стефановский взгляд. — Да вы не волнуйтесь! Я и так знаю, что там в сейфе. И код замка знаю. Поэтому мне даже не любопытно...

Стоявший в позе уходящего так и остался в ней стоять. Но слегка обмяк и прислонился к косяку.

После невыносимо долгой паузы Стефанов спросил:

— На кого вы работаете? — Он шумно сглотнул. — Какая у вас цель?

— Я не работаю, Валентин Дмитриевич. Меня уволили. Цель у меня гораздо скромнее вашей — я просто хочу жить спокойно. Чтобы никто меня не трогал.

— Назовите код замка.

— Какого замка? Ах да... — Он назвал код и снова попытался заверить: — Но это не важ-

но! То есть не важно для меня. Простите за глупую шутку.

Полковник молча постоял ещё с минуту, процедил сквозь зубы: «Какие уж тут шутки!» — и, не прощаясь, ушёл.

А Безукладников отправился в душевую, чтобы совершить там маленькую постирушку носков и трусов, помыться чужим мылом, а затем вернуться к своему постоялому дивану, который станет ему лежбищем и логовом на ближайшие одиннадцать дней. Поначалу он будет здесь маяться от безделья, дико скучать по книгам и вообще по любому чтиву, пока не сделает приятное открытие, что, оказывается, для чтения книг совсем не обязательно иметь их в наличии. Таким образом, лёжа на спине либо прогуливаясь по неизбежным квадратным метрам запертого второго этажа, он проглотит четыре романа Кнута Гамсуна, полные собрания Акутагавы и Ронины, какие-то жутко таинственные свитки Гермеса Трисмегиста (это имя он назвал мне чуть ли не шёпотом), «Случайности» Фламариона, Малую энциклопедию самоубийств, Справочник практического врача и «Охотников за жирафами» Майн Рида.

От этих скромных развлечений Безукладникова отрывали только ежевечерние приезды Стефанова, который привозил с собой сигареты и охлаждённую сухомятку в скользких целлофа-

новых обёртках, с брезгливой миной упихивал её в холодильник, после чего задавал пять-шесть заготовленных впрок вопросов на разные темы. Ему, видите ли, приспичило выяснять:

Какая фамилия записана в его собственной записной книжке на странице под буквой «Т»?

Кто и с какой целью повредил черепичную кровлю Чкаловского горсовета в апреле 1952 года?

Где в настоящий момент скрывается гражданин Ольшанский Денис Альбертович?

Какой адрес электронной почты у генерал-лейтенанта Майкла Хейдена?

И прочую подобную бредятину.

Но вид у Стефанова при этом был страшно серьёзный, примерно как у физика-ядерщика на полигоне в час эпохальных испытаний. Безукладников же отвечал со сведёнными скулами и с той зверской вежливостью, которая заменяет воспитанному человеку чистосердечный отсыл собеседника прямо в органы выделения.

— Я вам напомню, Валентин Дмитриевич. На букву «Т» у вас там записан некто Тиримисин Ч.П., которого просто не существует. Вы его сами сегодня утром придумали и вписали себе в книжку. Только для того, чтобы задать мне этот вопрос... Да, чуть не забыл. У вас есть телефон? Мне нужно позвонить... Про Чкаловский горсовет вы как-то грубо сочинили. Неинтересно. Там на крыше никакой черепицы не было в помине. Только шифер. А старик Ольшанский никуда не

скрывался — он умер три года назад у себя дома, в своей постели. Вы всё это и без меня знаете. И хватит уже, блядь, меня испытывать, как подопытного кролика!! Извините. У вас есть телефон?

— Зачем вам телефон?

— Мне надо позвонить жене.

— Это исключено. Никаких звонков. Тем более — на дачу к Шимкевичу. Вы уже один раз позвонили...

— Вы слушали?! Ну да, разумеется. Вы слушаете. Это ваш священный долг. Такая защита родины. Любовь к отечеству в скрытой форме. Вы что, думаете, я не позвоню позже, когда выйду отсюда?

Лицо Стефанова резко отяжелело.

— А почему вы решили, что я вас выпущу? Я не самоубийца. Вас уже разыскивают все, включая моё ведомство. Поэтому предупреждаю: давайте без глупостей.

Полковник заложил руки за спину и прошёлся так взад-вперёд, отчего комната сразу стала похожа на камеру или кабинет следователя.

— Что насчёт Майкла Хейдена? Его адрес.

— Дайте мобильник на минуту. Мне позарез нужно позвонить!

— Вы намерены торговаться? Тогда у меня единственный выход — застрелить вас.хлопотно, конечно, и грязно. Но других вариантов нет.

Безукладников снова лёг и отвернулся к стене, поджимая колени к животу и съёживаясь, как

ещё не рожденный младенец. Ему проще было говорить со стеной. Но свой же голос был чужим, вымученным.

— Хейден не поверит вам. Он даже не ответит.

— А кто ответит?

— Кто ответит... Уильям Уайт, первый заместитель. Бывший начальник группы «А». Можете писать ему по-русски, он прочтёт. Пишите. Запрашивайте свои шесть миллионов... Не слишком ли жирно, полковник?

— Не слишком. Эймс получил два миллиона семьсот тысяч. Почти три миллиона. Чем я хуже Эймса?

— Эймсу платили русские. В сущности, ваши коллеги. Вас они проклянут.

— Только не надо высоких материй. Вы уверены, что он ответит?

В электронном письме, которое Стефанов отправил поздним ноябрьским вечером из молодёжного интернет-кафе, говорилось, что в мире не существует более страшного и дальнобойного оружия, чем «человек, который знает всё» (выражение самого полковника). Это не спекулятивная выдумка — такой человек есть, он сейчас проживает в России и ни от кого не скрывает своих грандиозных возможностей. А потому слишком реальна угроза, что уже в ближайшее время он будет захвачен каким-либо преступным кланом или террористической группой, что наверняка приведет к тя-

желейшим последствиям. Единственный способ предотвратить опасное развитие событий — как можно скорее передать уникального «носителя информации» в распоряжение самой мощной и влиятельной спецслужбы (тут Стефанов сделал глубокий реверанс в сторону своего адресата), и пишущий письмо имярек готов этому способствовать в обмен на достойное вознаграждение.

В качестве предварительных доказательств собственной правдивости полковник: 1) указывал на тот факт, что отправляет письмо на приватный электронный адрес, который известен только Айрис Уайт — супруге адресата; 2) выражал соболезнование по поводу острых желудочных недомоганий у его домашней любимицы, французской бульдожки Элеоноры; и 3) походя называл код доступа к центральному серверу Агентства Национальной Безопасности США.

Кроме того, Стефанов предлагал своему заокеанскому клиенту задать *контрольные* вопросы любой тематики, чтобы лишний раз убедиться в редкостных возможностях «носителя информации». А на прощанье предупреждал, что оставляет за собой право обратиться к другому (возможно, конкурирующему) ведомству в случае неполучения отклика от господина Уайта в течение одной недели.

Безукладникову уже третью ночь снились не-реально изумрудные берега маленькой башкир-

ской реки, куда его мальчиком чуть не насильно привозила мать для поправки слабогрудого здоровья на деревенском воздухе и молоке. Было заметно, что матери нелегко даются эти поездки за сотни километров с тяжёлыми сумками, на раздолбанных автобусах — всё ради сыночка, и надо было отвечать как-то материнским ожиданиям. А его, неблагодарную скотину, выворачивало наизнанку не то что от вкуса — от одного только запаха парного молока. Даже само это сочетание слов «парное молоко» отдавало пахучим паром над коровьими лепёшками и вызывало всё новые судороги в пищевode. Единственным заметным событием на фоне однообразных молочных терзаний стала коммерческая сделка, предложенная Безукладникову местной пьяницей по имени Неля. Неля ходила по деревне в мужской рубахе и жёванной школьной юбочке, оголявшей красновато-коричневые ноги до самых возвышенных синяков. Ей не хватало сорока копеек на вино. У Безукладникова сорок копеек были. Даже сорок пять. Во имя этой суммы жаждущая Неля решила ознакомить городского богатея со своим природным феноменом — задрала до горла рубаху и показала сильно разнокалиберные груди. Поскольку Безукладников обозрел достопримечательность молча, без восторгов, Неля от своих щедрот разрешила потрогать. Трогать он не стал, но впечатлён был — даже не разницей величин левой и правой, а контрастом между

грубостью замусоленных солнцем тощих ключиц и голубоватой пухлой белизной над рёбрами, вокруг сосков. А тут ещё некстати приплыло понятие «молочные железы», вычитанное в гигиенической брошюрке для взрослых, и Безукладникова снова затошнило.

Чуть позже, перед самым отъездом из деревни, он найдёт способ, вернее, одно спасительное слово, избавляющее от молочных кошмаров, — «виноград». Винограда поблизости не было и в помине, но одного этого прохладного слова, произнесённого мысленно, хватало на то, чтобы укрощать позывы и не выворачивать наизнанку нутро.

Глава четырнадцатая

КОНТРОЛЬНЫЙ ВОПРОС

Пока Безукладников смотрел свои молочно-виноградные сны, полковник Стефанов сна практически лишился. Хотя он и вытребовал у «носителя информации» подтверждение, что ответ точно придёт, причём не раньше пятницы, его одолевал нестерпимый зуд где-то в области подмышек, и хотелось каждую минуту проверять почту. На служебном компьютере это было исключено, на домашнем — тоже. Всю неделю по вечерам Стефанов натягивал на себя старый лыжный костюм, джинсовую куртку с капюшоном и ехал в игровой клуб для тинейджеров или в кафе, где имелся доступ к Интернету. Он плоховато верил в происходящее, но уже не мог думать ни о чем другом. Он даже чуть не пропустил свидание с Шимкевичем, а на самом свидании ограничился безличным сообщением: в аппара-

те губернатора известно, что на босса готовят покушение.

— Кто?! — возбудился Шимкевич.

— Хотите знать, кто готовит? — Стефанов с трудом спрятал ухмылку.

— Кто стукнул?

— Анонимный источник. Пока не выяснили.

— И кого назвал? — Шимкевич достал зубочистку, имитируя спокойствие.

— Никого. Указал дату и место.

Депутат ковырял в зубах, пожалуй, слишком сосредоточенно.

Стефанов поднялся, чтобы откланяться. Он ждал ещё одного вопроса и не ошибся.

— Этот дятел с Кондукторской не прорезался?

— Вряд ли он вообще жив. Если прорежет-ся — дам знать.

На обратном пути, пережидая светофор и уставясь на дворники, стирающие со стекла ночную морось, Стефанов снова подумал о том, что если в пятницу письма не будет, то дачного постояльца придётся, скорей всего, тихо-мирно увозить за город и там закапывать.

В пятницу снова пошёл снег, но не лёг, а сразу раскис, необратимо лишний.

Безукладникова всю жизнь мучила догадка, что лишние вещи на самом-то деле гораздо нужнее засушенных. Что на «лишнем» как раз всё и держится. Впервые это пришло ему в голову

сто лет назад, когда он стоял в очереди к автоматам с газированной водой в Центральном парке культуры и отдыха. Культурно отдыхающие полоскали стеклянный стакан общего пользования дважды — перед тем, как пить, и сразу после. Вся очередь могла видеть, как впереди стоящие, напившись газировки, мыли после себя стакан: ставили его горлом вниз в мокрую железную лунку и надавливали на доннышко. Но каждый следующий, прежде чем пить, опять и опять повторял эту процедуру... Неподадёку томилась другая очередь — к прилавку с газовым баллоном, где надували воздушные шары. И целая толпа довольно унылых, не слишком хорошо одетых людей дожидалась возможности заплатить за то, чтобы их шарики неестественно вертикально торчали на ниточках либо уносились навсегда, отпущенные в задымленное небо.

Прогуливаясь по своему запертому коридору, Безукладников тихо сокрушался из-за отсутствия на втором этаже окон (на одиннадцатые сутки заключения он сильнее всего желал просто выглянуть в окно), когда с лестницы донеслись торопливые шаги, заскрёбся ключ в замке и за дверь возник полковник Стефанов с ненормальными, пьяными глазами.

— Он ответил! — Было видно, что полковнику хочется орать, но он говорил почти шёпотом. — Он прислал контрольный вопрос!

— Там ведь снег? — спросил Безукладников. — Снег идёт?

Стефанов даже забыл привезти своему узнику пайку. Ему хотелось немедленного разбора полётов. В полученном ответе была странность: Уайт писал, что код доступа, присланный Стефановым, не совпадает с реальным, но тем не менее задавал контрольный вопрос, а главное — счёл нужным ответить.

— Что с кодом доступа?? — Для полковника это был вопрос жизни и смерти.

— Обманка. Он сам приказал сменить код — четыре дня назад, сразу после письма. Я хочу на воздух, пустите погулять!

В этот момент Стефанов являл собой наглядный пример того, как радостная новость может контузить, даже изуродовать человека, вплоть до потери лица. Он замельтешил, стал совершать массу лишних движений и лопотать вполголоса что-то вроде: «Да, конечно! Погулять... Гулять так гулять! Отметим... И на нашей улице праздник!..» Он бегал челноком со второго этажа на первый и обратно, доставляя из холостяцких своих закровов то начатую бутылку дагестанского коньяка, то банку паюсной икры, каждый раз не забывая запирать за собой массивную дверь. Безукладников же, наоборот, приуныл, не умея справиться со скукой, наводимой на него Стефановым. (Ему никогда не бывало скучно с самим собой — только с кем-то.)

Невозможно скучна была стефановская целеустремлённость, всегда имеющая точное цифровое выражение, его доскональность, даже его почти не ношенная куртка, аккуратно распыленная на спинке стула.

Оставалось вежливо отпить коньяку, прикорнуть невежливо на диване и по возможности терпеливо отвечать на расспросы полковника. Человек по имени Уильям Уайт, живущий примерно в двенадцати тысячах километров отсюда, в Пасадене, штат Мэриленд, девятнадцать часов тому назад написал чернильной авторучкой на полях вечерней газеты вполне бессмысленную строчку, состоящую из шестнадцати латинских букв и арабских цифр. Он просто выдумал её «из головы», затем отрезал ножницами эту узкую ленточку газетной бумаги и спрятал в свой домашний сейф. Вот и весь контрольный вопрос.

— Диктуйте, я записываю, — сказал Стефанов.

Спустя четверть часа он заставил Безукладникова заново продиктовать тот же произвольный набор знаков и даже удивился точности повтора:

— Далеко пойдёте, Александр Платонович! — Это надо было понимать как щедрую похвалу. Запьяневший Стефанов неспешно отправился в туалет.

С такой же неспешностью Безукладников встал с дивана, выудил из кармана стефановской куртки телефон и набрал номер.

На этот раз Ирина почти онемела, поскольку была не одна, катастрофически не одна. Она ещё не успела скинуть какую-то липкую сбрую из латекса (новое хобби её господина) и так и стояла босая с трубкой в руке, одетая лишь в эту порнографическую упряжь, и слушала невменяемо, как Безукладников умоляет: «Маленькая моя, ну решишь! Мы же с тобой уедем куда захочешь! Ну зачем тебе эта фигня?..» Он всё окликал телефонную пустоту, всё просил: «Ну маленькая моя!..», пока его не свалил на пол пьяный, но меткий удар кулаком чуть ниже виска. Телефон отлетел в угол комнаты, а уже через секунду двое мужчин, сцепившись, катались по полу, прерывисто дыша, наливаясь азартной ненавистью дерущихся подростков. Безукладников был потяжелей, полковник — потренированной.

Звонок услышали оба — он заставил их замечать и разнять объятия.

Стефанов, не вставая с пола, дотянулся до мобильника, хрипло ответил: «Слушаю!», страшно побледнел и больше не выдал из себя ни слова.

Звонил Шимкевич. Обрадованный тем, что этот неуловимый «дятел с Кондукторской», бывший Ирнинин супруг, наконец прорезался, он тут же набрал определившийся номер, но меньше всего ожидал наткнуться на Стефанова.

Таких угроз и обещаний в свой адрес полковник ещё не слышал. Самое безобидное из них

сулило ему групповое изнасилование силами бойцов уктусской группировки как заключительное событие в его жизни. Но сперва из него вытряхнут всё, что он поимел от Коли Шимкевича, — до последнего доллара.

Ужаснее всего для трезвеющего Стефанова было даже не то, что он услышал в трубке. А то, что всё это неизбежно станет материалом *прослушки* в его родной конторе, и не только в ней. И значит, точка возврата пройдена — назад уже не отыграть.

Вот с того момента Стефанов обращался с Безукладниковым даже хуже, чем с заложником, — как с мешком, как с неудобным контрабандным грузом. Не дожидаясь наступления утра, он выгреб из сейфа шуршащее содержимое, заставил Безукладникова одеться, вытолкал его в тёмный заснеженный двор, а потом затолкнул на заднее сиденье своего «опеля». Безукладникова даже удивила собственная безропотность. На самом деле он наслаждался вафельным хрустом наконец окрепшего ночного снежка и лёгкой отдушкой бензинового угара.

Машина цепко держала дорогу, пригородное шоссе и притихшие улицы были почти пустынными, и могло показаться: Стефанов потому так напряжён за рулём, что вынужден катить впереди автомобиля раздвоенный световой шар. Хотя ничего светоносного в полковнике Стефанове

не было — была мрачность опытного комбинатора, у которого не осталось выбора комбинаций. Он остановил машину в полутора кварталах от дома, где три года назад купил себе квартиру, и застрял в тяжёлой нерешительности, не отрывая рук от руля.

— Там никого нет, — сказал Безукладников, обрывая получасовое молчание. — Они появятся позже.

— Тебя не спрашивают. Сиди не дёргайся.

Но дёргался-то скорее сам Стефанов. Он то потерянно рылся в бардачке, то поглядывал на часы, в затемнённое окно и снова на часы, будто вёл хронометраж замедленного зимнего рассвета.

— Вы так уверены, что я не смогу от вас уйти, если захочу? — поинтересовался Безукладников.

Стефанов ещё немного порылся в бардачке, потом вдруг захлопнул его эффектным движением иллюзиониста и, ни слова не говоря, вышел из машины — вышел только для того, чтобы рывком открыть заднюю дверь и сесть рядом с Безукладниковым. И пожалуй, это выглядело диковато, когда чуждый любой фамильярности, застёгнутый на все крючки Стефанов неожиданно по-свойски хлопнул Безукладникова ладонью по ляжке. Ладонь оказалась жёсткой и колючей. На этом странные полковничьи нежности закончились, Стефанов так же молча вернулся на своё место за рулём и завёл мотор.

Безукладников очень скоро задремал, прислушиваясь к внезапной сладковато-муторной слабости, к чувствительному, как след от укола, месту стефановского шлепка, который, собственно, и был уколом (как уразумеет позже сам пациент). И вот начиная с этих полусонных минут все дороги, включая шоссе, автострады, а потом и авиационные трассы, утратили для Безукладникова свою обычную горизонтальность и сделались как бы чуть-чуть наклонными, скошенными под малозаметным, но вестибулярно ощутимым углом. И уже не имело значения, куда наспех пришвартуется стефановский «опель» — к очередному интернет-кафе, тихостью и отрешённостью похожему на опиумную курильню в старой мафиозной киношке, или к неряшливой, с масляными пятнами заправке, или к пахучему, как морилка, придорожному фастфуду, откуда Стефанов с терпеливой гадливостью доставлял Безукладникову растворимый кофе в пластиковых стаканчиках и замаранные кетчупом сосиски в тесте... Безукладников теперь ел раздражающе медленно, принимая ртом каждый кусок как новость, которую стоит осмыслить. Он словно бы растворялся своим физическим составом, оболочкой — в чистой длительности, пока его нерастворимая сущность, как уроненное ореховое ядрышко или сверкающий никелированный шарик детского пинбола, летела по гладкому наклонному жёло-

бу, по чёткой траектории, уже кем-то начертанной в пространстве, уже существующей, но в то же время никому не известной. Если только этот «никто» не носит фамилию Безукладников. А тому, кто носит, не было на тот момент никакого дела ни до себя, любимого, ни до своих дурацких траекторий.

Между тем стефановский «опель» выехал за пределы региона и на крейсерской скорости двигался к западу, в сторону Москвы, попутно украдкой примагничиваясь к наиболее крупным населённым пунктам. Останавливаться в отелях Стефанов не решался — в конце первого дня поездки они заночевали прямо в машине, на стоянке круглосуточно открытого торгового центра «Скопидом». На подъезде к Нижнему Новгороду у полковника случился негромкий, но яркий психоз по поводу подозрительно приткой «тойоты» синего цвета, второй час шедшей за ними, как на коротком поводке, со всеми остановками. Стефанов растолкал вялого, почти тряпичного пассажира и затребовал объяснений. «Где?? «Тойота»? Хорошая марка...» — заверил Безукладников и снова попытался уснуть. Его не оставили в покое, поэтому он, со всей добросовестностью, выдал наобум два ценных совета: срочно сменить машину и почаще проветривать салон. Стефанов поскрипел зубами и отстал. Так или иначе, но где-то на подступах к Рязани, в очередной прогалине между бодрим сном

и вялым бодрствованием, Безукладников обнаружил себя на том же заднем сиденье, но уже в другом автомобиле, вроде бы «мерседесе». (Выспрашивать у безымянной пустоты подробности того, как тихо паникующий полковник расстался со своим «опелем» и спешно обзавёлся другим подержанным транспортом, уже с рязанским номером, было категорически лень.)

Чуть западнее Воскресенска его разбудил напряжённый разговор Стефанова с каким-то широченным бритым затылком на переднем сиденье.

Они стояли с включённым двигателем у обочины шоссе.

— Тебе это будет дорого стоить, — предупреждал затылок.

Он потушил сигарету о приборную панель «мерседеса».

— Сколько?

— Сам прикинь. Ты теперь прыгиваешь полюбому. Если не пришьют. А мне что — голым задом об лёд?

— Сколько? — настаивал Стефанов.

— Сто косарей как минимум. Наличными или на предъявителя.

— «Как минимум»... Точнее нельзя?

— Сто двадцать — и я тебя не видел.

Полковник горестно вздохнул, как может вздыхать только очень порядочный, мягкий человек, глубоко страдающий от жадности вымогателей, и полез куда-то во внутренний карман.

Безукладников успел зажмуриться и втянуть голову в плечи за секунду до выстрела.

Когда он открыл глаза, бритый затылок уже аккуратно сползал по диагонали вправо.

Остаток пути до Москвы они преодолели на знакомой синей «тойоте».

Глава пятнадцатая

ГЛУБИНА РЕЗКОСТИ

Нормальный мужчина вполне неказистой наружности Яша Исаакович Рывкин, будучи уже в зрелом возрасте, однажды подслушал краем уха два слова, от которых он просто сошёл с ума. Но лучше по порядку.

Помимо того, что Яша Исаакович недурно умел чинить отечественные телевизоры и сносно зарабатывал этим на жизнь (себе, обожаемой супруге Асе Евсеевне и дочке Марине), он ещё увлекался чёрно-белой фотографией.

Имея свой маленький, но гордый парк фотокамер (школьная пятнадцатирублёвая «Смена-8» и тяжёленький дальномерный «ФЭД», аналог немецкой «Лейки»), Яша Исаакович прилежно снимал воспалённые городские закаты и причёсанные девчочковые портреты. Изредка его добычей становились смазанные, боязли-

вые ню Аси Евсеевны — творческие порывы мужа заставляли её врасплох то выступающей из ванны, то натягивающей толстые трикотажные колготки.

Воскресными утрами при любой погоде Рывкин ездил на трамвае в один укромный скверик, облюбованный воробьями и самопальными фотограмами, где можно было прикупить всякие дефицитные стёклышки-фильтры, хитрые адаптеры или ворованную заводскую фотобумагу, а главное — послушать высказывания прожжённых знатоков. Они обычно тусовались элегантной могучей кучкой, небрежно курили и вполголоса решали судьбы мирового фотоискусства. Яша Исаакович позволял себе притулиться где-нибудь с краю либо за спинами этого консилиума, согревая на груди под драповым пальто свой престарелый «ФЭД». Вот так он и уловил сочетание слов, потрясшее робкий разум. Это были слова «бриллиантовость изображения».

Ничего прекраснее он просто никогда не слышал.

Такой же острый восторг до сих пор достигал Яшу Рывкина лишь один раз — в день, когда они с женой доставили домой на общественном транспорте их новорожденную Мариночку, распеленали на двуспальном диване и долго разглядывали. Кожа у спящей Марины светилась, как розовый жемчуг. Она состояла вся из маленьких пухлостей, стянутых нежными нитями складо-

чек. Потом Яша Исаакович говорил взахлёб буквально всем, каждому встречному и постороннему: «Моя собственная дочка — это вам даже не описать! Вы видели картину? Так это лучше, чем она!..»

А теперь он всё больше молчал, не строил правильных домашних натюрмортов и не заставлял Асю Евсеевну позировать. Он то шпионил с видеоискателем за маневрами тюлевой занавески, просеивающей августовские кружевные блики, то подозрительно принохивался к прозрачной лиственной тени, прилёгшей на дворовую скамью.

Всё это было бы чудно и трогательно, если бы не катастрофический обвал семейного бюджета. Первый удар по нему был нанесён покупкой зеркальной фотокамеры «Киев-19», которая заменила собой остро необходимые демисезонные обновления — какие именно, Яша Исаакович не запомнил. Зато запомнила Ася Евсеевна. Она ещё не произнесла страшную фразу про «вырванные годы», но, к сожалению, очень скоро произнесёт.

Вторым (уже почти смертельным) ударом стал новый 100-миллиметровый объектив «Калейнар-5Н». Напрасно Яша Исаакович приводил разумные доводы о том, насколько длиннофокусную покупку он совершил и как жизненно важна бывает малая глубина резкости при максимально раскрытой диафрагме, — ничего не помогло!

Тогда он пустил в ход решающий козырь, последнюю уважительную причину. А именно: купленный объектив снабжён байонетом типа «Nikon». И по качеству оптики не уступает аналогичному японскому!.. Тут Ася Евсеевна и выкрикнула свои горькие убийственные слова: «Это же вырванные годы!!» В смысле, прожитые с Яшей Исааковичем.

Потом, вплоть до самого отъезда к родителям на Украину, она молчала. Молча варила супы с фрикадельками и молча стирала семейное бельё. А в один прекрасный день сварила две большие кастрюли — супа и картофельного пюре, в последний раз постирала манатки Яши Исааковича и вместе с грустно-болтливой девочкой Мариной отбыла в плацкартном вагоне с Киевского вокзала.

Осиротевший Рывкин долго и обстоятельно горевал, решая по ходу дела глубоко моральное противоречие между чувством и долгом (причём под грифом «долг» у него числились длиннофокусные и прочие оптические заморочки). На этой почве он совсем забросил ремонтировать телевизоры, залез в долги — уже в буквальном смысле слова — и стал хозяином микроскопического фотоателье в спальном районе столицы.

Клиентов было оскорбительно мало, но и с этими одиночками случались острые художественные разногласия. Кого-то не устраивала мягкая дымка в духе итальянского «сфумато». Как ми-

нимум три заказчика отказались от снимков и потребовали вернуть деньги, поскольку их смутила смелая игра светотеней на собственных законопослушных лицах.

За те несколько лет, пока Яша Исаакович расплачивался за фотооборудование, оно успело превратиться в грошовый антиквариат. Потом незаметно подкрались резвые цифровые новинки, и Рывкин горячо забеспокоился — что же теперь будет с бриллиантовостью изображения? Если так пойдёт, скоро вообще никто не вспомнит о драгоценной эмульсии с зёрнами серебра. И как быть с высоким творчеством?

Хотя высокое творчество всё равно было не ахти каким высоким. Самый творческий заказ Яша Исаакович получил от одной романтической бухгалтерши, чей супруг ушёл в дальнее плавание по Интернету и утонул в виртуальных романах. Бухгалтерша поначалу дико отчаивалась, месяцами не видя ничего, кроме затылка мужа, отвернувшегося от семьи к монитору, скандалила, горевала, а потом нашла дерзкое технологическое решение. Она выловила своего благоверного на сайте знакомств и под псевдонимом Юная Гейша легко вскружила ему голову. Отношения развивались бурно: за две недели бухгалтерша узнала много новостей о сексуальных пристрастиях «этого маньяка». К Яше Исааковичу она пришла в стратегически острый момент, когда маньяк требовал от Юной Гейши «голых» фотографий

и нужно было на что-то решаться. «Вы человек порядочный, пожилой, — сказала она Рывкину. — Вам я могу довериться!» Сорокадвухлетний Яша Исаакович обречённо кивнул и пошёл ставить свет. Гейша принимала гинекологические позы, требуя, чтобы «всё было резко». Ей хотелось выглядеть смертельно обольстительной. Яшу Исааковича задевало то, что бухгалтерша неумело побрила интимные места и теперь они зияли ядовито-алыми прыщами. Короче говоря, творческий процесс имел свои трудности.

Другой случай неформального общения с клиентом Рывкин запомнил на всю оставшуюся жизнь. Этого клиента привели в наручниках. Точнее, сначала возник такой бесцветный, недопроявленный тип — из тех, кого Яша Исаакович называл мысленно «лица в штатском». Он явился зимним вечером, к самому закрытию ателье (очевидно, специально дожидался) и с порога заявил, что Рывкину придётся задержаться ради срочного заказа. Нужно было не уважать самого себя, чтобы не возразить: «Что значит «придётся»? Рабочий день кончился. Приходите завтра». На этом возражения закончились. Не потому, что сам заказчик назвал несусветно высокую цену — всего лишь за фото на загранпаспорт, а потому, что в каждом его движении, в каждом слове присутствовала жёсткая угроза. Было ясно: так просто он не уйдёт. Яша Исаакович снял пальто и пошёл ставить свет.

Штатский ненадолго исчез, чтобы вернуться в обнимку с каким-то полупьяным гражданином, — выглядело так, будто один гуляка нежно поддерживает другого, но уже в первом приближении стало видно, что этот второй пристёгнут к нему наручниками. Потом его отстегнули и усадили на табурет перед объективом. Рывкин дважды требовал приоткрыть глаза. Фотографируемый в ответ вежливо бормотал: «Не беспокойтесь, вы мне не мешаете!..» Выведенный из себя, Яша Исаакович как можно свирепее предупредил, что сейчас вылетит птичка. Клиент вытаращил глаза и засмеялся. Ему нельзя было отказать в придурковатом обаянии. В отличие от своего конвоира, он никуда не торопился, а вроде как плыл, покачиваясь, на невидимой волне. «Лицо в штатском» нервно глядело на часы и спрашивало, когда будут готовы снимки. Яша Исаакович сохранял остатки достоинства за счёт максимальной неторопливости: «Будут. Придётся подождать. Не меньше часа». Кто бы мог предугадать, что эти слова заставят озабоченного штатского избавить Рывкина от своего присутствия на целый час? Он вдруг решил отъехать по срочным делам, предупредив, что в случае чего фотограф «отвечает головой», и прибавил ещё одну суконную фразу об уголовной ответственности. И, вполне в уголовной традиции, пристегнул подконвойного к чугунному радиатору.

Они остались наедине. Прикованный явно не нуждался в разговорах и снова принялся клевать носом. Рывкин углубился в свои полутёмные фотопроцессы под красной лампой. И всё же они успели поговорить. Спустя несколько лет, давая простодушные интервью журналистам из таблоидов, Яша Исаакович будет стараться припомнить каждую фразу.

Сначала он спросил:

— Вы, наверно, ждёте, что я вам помогу освободиться?

Ему казалось, что, как порядочный человек, он просто обязан задать такой вопрос. Хотя это не означало, что Яша Исаакович отважился бы на какие-то освободительные действия. Но прикованный опять же попросил не беспокоиться — примерно таким тоном иногда в метро или трамвае любезно отвечают: «Спасибо, я постою!»

Тут Рывкина понесло: он вдруг увидел перед собой собеседника, точнее, слушателя, которому можно было, не заботясь о логической связи, изложить свою выношенную точку зрения на советские времена — в них, в тех временах, было кое-что замечательное! Например, линзы для фотоаппаратов делали на секретных военных заводах, и, когда варили стекло, в него добавляли редкоземельный лантан, и получались такие изумительные лантановые стёкла!..

— Да, очень лантановые... — охотно согласился прикованный и попросил закурить.

Тут же Яша Исаакович посчитал нужным разъяснить, почему он не может позволить себе сейчас освободить своего собеседника. Потому что, поймите, не имеет права рисковать собой и своим бизнесом! А всё потому, что он обязан обеспечить дальнейшую взрослую жизнь для своей Мариночки. Заработать и купить ей хотя бы маленький домик на Украине, под Винницей. А Мариночка, она такая... «Вы видели картину? Так это лучше, чем она!»

У слушателя было такое выражение лица, будто он погибает одновременно от скуки и от глубочайшего сострадания.

— Так вам нужны деньги? — спросил он устало. — Я вам подскажу, куда съездить. Вы просто завтра поедете и возьмёте сколько нужно...

— В каком смысле «возьму»?! — Яша Исаакович пришёл в ужас. — Мне чужого не надо!

Он принялся пылко и многословно растолковывать, что ему не нужны любые деньги. А только те, которые он получит за свои фотографии. Ведь когда-нибудь, рано или поздно, это случится — у него захотят купить его работы. И купят... Разве это невозможно?

— Купят. Но только один снимок. К сожалению.

— Какой один?? Откуда вам знать?

— Один. Тот, который вы сейчас делаете. Но тогда уже, извините, не завтра, а через два года. Два года и полтора месяца. Советую сберечь негатив.

Затем, если верить рывкинским интервью, этот странный человек, проникшись особой заочной симпатией к его дочке Мариночке, продиктовал номер телефона, по которому Яша Исаакович должен будет позвонить (спустя два года), чтобы связаться с покупателем, и тот с готовностью выложит весьма приличную сумму за сегодняшнюю фотографию.

— А почему бы прямо сейчас не позвонить? — спросил Яша Исаакович с некоторым ехидством.

— Не получится, — сказал прикованный. — Сейчас этого номера просто не существует.

Глава шестнадцатая В ТЫСЯЧУ РАЗ ЛЕГЧЕ

Через шесть дней двое мужчин в одинаковых чёрных пальто вошли в помещение билетных касс московского представительства авиакомпании «JAT Airways». Один из них протянул в окошко два идеально новеньких загранпаспорта и негромко сообщил: «Я звонил господину Вуковичу».

Менее чем за полчаса они стали обладателями именных ваучеров, заменявших собой югославские визы, и двух авиабилетов на самолет, следующий рейсом Москва—Белград.

В аэропорту Шереметьево-2, несмотря на удвоенную обезволивающую инъекцию, Безукладников всё же нашёл в себе слабое любопытство понаблюдать, как спокойно и буднично проходят паспортный контроль два поддельных документа, полученных Стефановым от его невидимых партнёров.

Последний e-мейл, принятый полковником в Москве, помимо инструкций содержал приглашение срочно отобедать в ресторане «Якудза». Там никто никого не встретил, но по окончании обеда официант вручил Стефанову стильную кожаную папочку, где вместе со счётом лежали свежеизготовленные паспорта. Всё прошло на удивление гладко, если не считать внезапную попытку Безукладникова, который только что освоил хватательные движения палочками для еды, подцепить ими упомянутую папку.

Качество документов не беспокоило Стефанова — он представлял, с кем имеет дело. Единственное, что тревожило: как поведёт себя этот уколотый идиот в аэропорту? Уколотый повёл себя смирно, он только спросил у стюардессы при посадке в самолёт: «А куда мы летим? Что, на самом деле за границу??», но Стефанов сделал за его спиной зверскую мину санитаря из психиатрической больницы и дополнил пояснительным жестом у виска.

На высоте восемь тысяч метров Безукладникова настигла вдруг такая блаженная лёгкость, что ему даже захотелось чем-то обрадовать угрюмого спутника. Например, так: «Поздравляю! Нас уже не двое, а трое». Стефанов вздрогнул, будто ужаленный: «Где он? На каком месте сидит?..»

Пока полковник ходил в разведку, Безукладников успешно задремал, но был разбужен настоятельным требованием Стефанова сообща

двинуться в туалет. Затем последовала сцена, скорее уместная в какой-нибудь суетливой кинокомедии: трое довольно габаритных мужчин набились разом в один самолётный туалет для выяснения своих деловых отношений. Стефанов, чуть не падая в твидовые объятия туалетного визави, как заведённый талдычил про гарантии. Их нет! Он пока не получил никаких гарантий! Он пока вообще ни хрена не получил, кроме этих сомнительных паспортов! Твидовый отвечал сквозь зубы, что уполномочен только «сопроводить», и выдвигал встречный довод — ещё неизвестно, кого они везут, что это за человек...

— Это тебе неизвестно! — оскорбился Стефанов. — А ему абсолютно всё известно! Он тебя за одну минуту вычислил... Представьтесь, Александр Платонович!

— Петя, — представился вежливый Безукладников. Но руку пожимать не стал, а кивнул на дверь: — Там уже люди ждут. По-маленькому и по-большому.

На подлёте к Белграду он начал играть с самим собой в чёрно-белое кино — мысленно убирал цвет из окружающей действительности, отчего все люди и предметы становились далековатыми, немножко более значительными и сразу же попадали в документальную кинохронику.

В аэропорту, где их ждал малоприметный, пыльного цвета седан с дипломатическими но-

мерами, количество твидовых удвоилось. По монохромной дороге в столицу Черногории, а затем от Подгорицы в сторону города Бара ехали в беспросветном молчании, хотя полковник дважды пробовал возобновить гарантийные разговоры. Безукладников не вникал. Он лишь заметил, что в пути им снова заменили паспорта.

Наконец запахло близостью моря. За скалистым, подробно изрезанным берегом засинела Адриатика, и это было второе море, которое Безукладников увидел в своей жизни, после Чёрного.

Остановились у безлюдного причала. Пока твидовые, выйдя из машины, совещались о чём своём, Стефанов спросил о своём заветном:

— Они заплатят? Ну, говори! Ты должен знать.

— Заплатят постепенно... — Безукладников помялся. — Но я бы не советовал брать всю сумму...

— А это уже не твоё собачье дело.

За горизонтом умозрительно угадывалась Италия, в которую Безукладникову плохо верилось. Он мне скажет потом: «Понимаете, я даже мечтать не мог, что когда-нибудь попаду в Италию».

За ними пришёл скоростной катер, похожий на контрабандистский, и забрал их на ту сторону, после чего вся Италия для Безукладникова свелась к многочасовому торчанию в машине, в густых испарениях мужского дезодоранта и мужской усталости, всю дорогу — от Апулии, с вершины каблука, влево наискосок через голе-

нище, до Фьюмичино — к аэропорту «Леонардо да Винчи». И могло показаться: те, кто их там встретил (безошибочно вычислив среди сотен подъезжающих), только для того и существовали в мире и терпеливо дожили до этого дня, чтобы вовремя снабдить их правильными билетами на самолёт авиакомпании «Alitalia», который, в свою очередь, только для того и был построен, чтобы добросить их в Бостон, через океан.

Я бы вряд ли догадался, что этот петляющий томительный маршрут может быть хоть кому-то интересен, если бы мне однажды не позвонил человек по фамилии Гладкий. Фамилию, впрочем, я узнал уже при личной встрече — из предъявленного мне служебного удостоверения под грифом известной конторы, не склонной шутить.

Спасибо хоть, не вызвал повесткой в кабинет, а пригласил неформально пообщаться в кафе. Заведение называлось «Час трэф» — я его обычно обходил за версту из-за бестолковой музыки, которая там валилась на головы из телевизоров, развешанных под потолком (видимо, чтобы их не могли заткнуть). Если бы я однажды, не дай бог, стал диктатором, я бы придумал страшное наказание за несанкционированный выброс музыкального мусора в окружающую среду — в транспорте, общепите или просто на улицах. По-моему, это хуже, чем стрельба в голову.

Гладкий не позволил себе никакой шершавости. Как только мы сели за столик и он предъявил удостоверение, я вовремя вспомнил, что с утра ещё ничего не ел, и заказал себе окрошку. Он ничего не заказал.

Он задал только два вопроса, причем первый не требовал ответа: «Вы же знакомы с Безукладниковым, с Александром Платоновичем? Не будете отрицать?» Не буду. Приятно жить, когда ничего скрывать. Неприятно есть любимую окрошку в присутствии человека, который смотрит на тебя натошак. Не надо было звать меня в кафе. Не надо было вообще меня звать. Тем более что его интересовала только одна вещь — каким образом всеми потерянный, беспаспортный и безголовый Безукладников сумел покинуть страну?

— А где он?? — Я так искренне поперхнулся, что Гладкий сам тут же сообразил: этот не в курсе. Контакты? Нет, не поддерживаем. Переписку не ведём. Поставить в известность — если он вдруг объявится? Нет уж, простите, это не совсем моя специальность. Точнее говоря, совсем не моя.

Дождаясь, пока официант доставит счёт, я был вынужден от начала до конца прослушать песню с десятикратным припевом: «Какая боль! Какая боль! Аргентина—Ямайка — 5:0!» И за что мне такой щедрый подарок?..

Гладкий попрощался и отбыл, не дослушав про Ямайку.

Фокус в том, что буквально через два дня я получил от Безукладникова письмо по электронной почте. А ещё через два дня мне нужно было лететь в Лондон. Правильнее сказать, я собирался в Южную Англию — встречаться со студентами одного учебного заведения, пригласившего меня как автора текстов, которые случайно доплыли до этих влажных краёв. Но первую неделю поездки я приберёг для Лондона.

Письмо выглядело так:

From: Alexander Bezukladnikov
<bezukladnikoff@mail.ru>
To: IFS <ifs@mail.ru>
Subject: No subject

Игорь, добрый вечер!

Вы даже не представляете, как я обрадовался, когда узнал, что Вы скоро окажетесь поблизости! Давайте, что ли, соберемся и где-нибудь посидим? Я уже придумал, чем Вас угостить.

Допустим, в четверг после дождика — когда закончите все дела, подходите к четырем львам. Договорились?

Жму руку.

Александр.

Best regards,
bezukladnikoff@mail.ru

В письме проглядывало нечто странное — какая-то наивная зашифрованность. Я даже не имею в виду чрезмерную осведомлённость моего корреспондента о моих личных планах. Но он писал это письмо словно бы с оглядкой на кого-то постороннего...

Я не делал секрета из своей поездки. Мне предстояло прилететь в Хитроу в ближайшую среду вечером. В четверг я собирался потратить полдня, если не больше, на Лондонскую Национальную галерею, куда я так давно хотел попасть. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы вспомнить: галерея стоит на Трафальгарской площади. Здесь же — колонна с адмиралом Нельсоном, охраняемая чугунными львами. Я ещё на минуту засомневался, сколько там львов — может, два? Но тут же легко уточнил, перелистав популярный справочник: их всё-таки четыре.

Если допустить, что письмо было прочитано кем-то третьим, знающим, что имеется в виду Лондон, то «загадка» про четырёх львов выглядела скорее не загадкой, а подсказкой. Но тогда на кой ляд Безукладникову понадобилось настолько прозрачно шифроваться? У меня оставалось единственное допущение — он не шифровался, а таким образом предупреждал: твои письма читают, будь аккуратен...

Самолёт авиакомпании «Трансаэро» сел в Хитроу вовремя.

Английская столица встретила меня получасовой толкучкой в пассажирском терминале, запахами хорошего кофе, свежего парфюма и какой-то особой непринуждённости. После жёстких, напряжённо-озабоченных российских городов дышать этой массовой вежливой раскованностью непривычно, как холодным озоном.

Я остановился в Излингтоне у друзей. Утром в четверг, несмотря на свою географическую тупость, я удачно, без пересадок, зарифмовал транспортный узел Кингс-Кросс со станцией метро «Чаринг-Кросс», откуда и вышел на поверхность — в двух шагах до цели.

Так получилось, что я начал смотреть галерею с «конца», в обратной хронологии. За спиной ещё маячил апрельский дневной свет, а передо мной уже светились растрёпанные, будто спросонья, «Подсолнухи». Хотя, если честно, это свидание с импрессионистами скорее напоминало ностальгическую встречу с полузабытой школьной влюблённостью: все фигуранты живы, можно без робости приблизиться на расстояние поцелуя — но уже ничего нельзя вернуть, да и незачем! Теперь я сгорал от желания повидаться с уродской и неотразимой «Четой Арнольфини» Яна Ван Эйка, с ясноглазым, чуть манерным Лукасом Кранахом, наконец, с самой сильной своей страстью — Вермеером Дельфтским.

Около часу дня я вышел покурить на ступенях галереи. Зеваки и туристы на площади соревно-

вались в численности с голубями. К стыду своему, я только в этот момент вспомнил о Безукладникове. Колонна с Нельсоном стояла там, где ей положено. И, как ни смешно, собирался дождь.

Я вернулся в музей, наскоро поел в тамошнем кафе и отправился выяснять свои дурацкие запутанные взаимоотношения с итальянским Ренессансом. Причем в этих выяснениях я докатился до того, что мысленно обозвал Рафаэля Санти сладкой прилизанной посредственностью.

В половине пятого я присел на скамью возле этюда Леонардо, нарисованного мелками на картоне, и позволил себе посмотреть на эту знаменитую картинку «дикарскими» глазами — так, словно мне вообще неизвестны имена персонажей и библейская подоплёка сюжета. Крупная, взрослая женщина поразительной красоты сидит на коленях у другой взрослой женщины, и они обе служат как бы живой подставкой для младенца мужского пола, который обращается с недетским предупредительным жестом ко второму мальчику, прильнувшему справа к женскому бедру. Все четверо сопряжены так тесно, что возникает ощущение подглядывания за глубоко интимным ритуалом.

Кто-то из посетителей прямо за моим плечом раздражённо крикнул на русском языке: «Чего ты сюда попёрлась? Мы в этом зале уже были!» — и тем самым напомнил мне о предстоящем свидании с соотечественником.

Судя по лужам на площади, дождь только что закончился. Безукладников подошёл к чугунным львам одновременно со мной, минута в минуту, и не скрывал своей радости. Он заметно похудел, стал почти поджарым, но это была поджарость не породистой гончей, а вполне обаятельной беглой дворняги. При нём не было ничего, кроме сырого зонта. Он слегка шмыгал носом и втягивал голову в поднятый воротник. Я отказался от ужина в ресторане, поскольку был совсем не голоден, и мы отправились в бар гостиницы «Трафальгар», до которой было рукой подать. Здесь полагалось восседать на томных диванах, попивая бурбон и любуясь открыточным видом из окон во всю стену. Рядом с нами активно пьянствовали светские девушки, наряженные так, будто они только что встали с постели и поленились одеться.

Мы и начали с бурбона. В тяжёленьких прямоугольных бокалах он походил на слитки старого тёмного золота. Я спросил: «Вы здесь живёте?», имея в виду Лондон. «Да, в этом отеле», — ответил Безукладников. «А вообще — где, в каком городе?» — «Нигде. У меня теперь нет ни города, ни страны». И добавил, не то хвастая, не то жалуясь: «Но я не беспризорник! Меня сразу четыре разведки пасут».

На этот раз Безукладникову не нужно было навязывать мне свою неправдоподобную исповедь — она уже интересовала меня острее любо-

го разговора, и хорошо, что диалог очень скоро сменился его монологом.

После сорокаминутной первой части, разбавленной тремя одинарными порциями высокой пробы, мы эвакуировались по вечернему холодку в другое заведение с каким-то сомнамбулическим названием (кажется «Insomnia»), где, нарушая все правила грамотного пьянства, взяли две кружки горьковатого лагера. Посреди своего рассказа Безукладников счёл нужным извиниться — к половине первого ночи ему надо будет вернуться в отель. Пояснение было туманным: «Чтобы оставить все вещи — и уйти».

Так и получилось. Он простился внезапно, на полуслове, когда мы закуривали в сотый раз на малоустойчивом, плывущем перекрёстке, который сносило по течению слепящим напором ночных автомобильных фар, — просто ушёл не оглядываясь, держа курс на «Трафальгар».

Но до этого мы ещё успели хорошо посидеть в одном антикварном пабе (я забыл название), где пена с чёрного «Гиннеса» пролилась на чёрную дубовую столешницу, всю изрезанную давно умершими и пока живыми выпивохами.

Вот тогда он мне сказал:

— Спасибо хоть, не спрашиваете, есть ли Бог и что там, после смерти.

— Представляю, — говорю, — как вас уже затрахали этими вопросами.

Он предложил взять ещё пива. Я отказался.

— Мне хватит. А кстати, что там — после смерти? Вы-то знаете?

Очень скупо и осторожно выбирая слова, он ответил:

— Если бы я этого не знал, мне было бы в тысячу раз легче.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава семнадцатая

НЕТ ТАКОГО АГЕНТСТВА

Если очень долго смотреть на зимний закат, наступает такое отважное равнодушие, которое сравнимо только с безучастием океанского шторма, когда один лишь окрик далёкой чайки воспринимаешь как лучший дар.

Если долго смотреть на перевёрнутое человеческое лицо — сверху тупая шишка подбородка вместо лба, а снизу колючие глазные прорези, подчёркнутые волосистой линией бровей, — можно заподозрить, что перед тобой не обычный человек, а чудовище. Монстр неизвестной породы. Что, в общем, недалеко от истины.

В комнате, пустой и гладкой, словно шкатулка, где всю мебель заменял пухлый ортопедический матрас, уложенный прямо на пол у стены и стыдливо укрытый постелью, Безукладникову предстояло жить шестьдесят четыре дня. Так что

ему хватало времени на ежевечерние сеансы цветных анонимных закатов, допущенных в горизонтальный оконный проём — на высоте два с лишним человеческих роста.

Каждые сутки его на полтора часа выпускали во вторую комнату, точно такую же, как первая, но без потолка, под пустым открытым небом. Там можно было просто гулять, задирая голову и курируя облака в абсолютно мнимой и абсолютно безошибочной уверенности, что это небо американского штата Мэриленд.

Девятнадцать часов в сутки он был предоставлен самому себе.

Остальные пять часов его развлекал, потрошил, изнурял и травил своим присутствием один штатный профи, чьё имя Безукладников мне не назвал. Измышлять здесь имена и фамилии всяких секретных сотрудников мне не хочется — не тот жанр. Поэтому обозначу его просто буквой W.

Этот монстр, при всей корректности, имел неприятную манеру — подходить со стороны изголовья, наклоняться над лежащим Безукладниковым и обращаться к нему с перевёрнутым лицом.

Что это были за разговоры?

Как-то раз мне попал в руки один изумительно графоманский роман с высокой претензией на реализм. В центральных главах действие происходило в ставке Гитлера. Иногда отвлекаясь от

своих мировых злодеяний, главари Третьего рейха обменивались глубоко человеческими фразами:

— Адольф, открой, пожалуйста, форточку!

— Хорошо, Генрих, сейчас открою. Смотри только не простудись!

Очевидно, автору хотелось таким образом счастливо женить брутальный реализм на задушевной беллетристике. Большое ему читательское спасибо. Меня же как автора одинаково мало привлекают обе половины этой супружеской парочки. А в случае с Безукладниковым я тем более не вижу резона пускаться в открывание форточек.

W говорил по-русски с лёгким деревянным акцентом, так что его можно было случайно принять за прибалта, каковым он не являлся. Откровенно говоря, он даже не видел особой разницы между русскими, прибалтами или, допустим, румынами — одинаково отсталые нации, различимые только по степени потенциальной опасности. Двенадцать лет освоения практической психологии, со специальным уклоном в теорию манипуляций, выковали в нём стойкое презрение к людям вообще, поскольку он уже знал наверняка, что все так называемые личностные особенности не что иное, как разноцветная плесень, прикрывающая собой убогие, легко предсказуемые базовые инстинкты. Иными словами,

согласно W, как бы изощренно ты ни наряжался: в дизайнерские простреленные джинсы, шотландскую юбку или дорогой штучный костюм, — под ними всегда обнаружится одна и та же понятная задница. А уж в психологических «задницах» W понимал едва ли не лучше всех. Поэтому он даже не сомневался: лучший момент для первого допроса наступит не тогда, когда этот русский очухается от затяжного искусственного сна, умоется и придёт в себя, нет — его надо застигать голым, тёплым и растерянным, в незнакомой постели, с пересохшим ртом и переполненным мочевым пузырём.

Как только видеокамера показала, что русский проснулся и лежит с открытыми глазами, W прошёл в комнату через наглухо запирающийся тамбур пружинистой походкой форварда, который намерен сию минуту пробить одиннадцатиметровый. Ему нравилась идея положить постель так низко: голова лежащего — прямо у ног, будто футбольный мяч.

Любого нормального человека сильнее всего тревожит и пугает неизвестность. А значит, в первом же вопросе нужно очертить и выпятить «зону неизвестности». Свежим, слегка насмешливым голосом, с превосходством стоящего над лежащим, W осведомился: знает ли этот несчастный, куда он попал?

Приблизительно с такими же паузами в прямом эфире на вопросы телеведущего откликает-

ся корреспондент, пребывающий на другом конце света.

— Знаю, — сказал русский. — Нет такого агентства.

И отвернулся на другой бок.

Это был не просто точный ответ. Если продолжить сравнение с футболом, полусонный вратарь без видимых усилий, не напрягаясь, отбил одиннадцатиметровый так, что мяч улетел в противоположные ворота. Обескураженный форвард предусмотрел все обстоятельства, кроме одного, совершенно немислимого: для этого русского не существовало «зон неизвестности».

С момента своего появления на взлёте холодной войны Агентство Национальной Безопасности было закупорено такой герметичной секретностью, что само его имя — National Security Agency (NSA) — долгое время запрещено было даже упоминать в официальных документах Соединенных Штатов. Язвительным журналистам это дало повод расшифровывать аббревиатуру NSA как «No Such Agency» — «Нет такого агентства». Впоследствии выражение вошло в сухощаво-пресный жаргон штатных обитателей Форт-Мида (Мэриленд), штаб-квартиры этой самой закрытой спецслужбы. Но приблизительно так же, как Папа Римский в 1992-м впервые публично признал, что синьор Галилей, позволивший Земле вертеться, был в чём-то, по большому счёту, прав, Агентство

Национальной Безопасности к 2000 году вынужденно признало своё суперактивное участие в системе глобального шпионажа «Эшелон».

Устав NSA экстремально засекречен, однако известно, что Агентство освобождено от любых ограничений на ведение разведки. На практике это означает едва ли не полную вседозволенность в методах и стиле работы. И мне легко представить, какой сардонической улыбкой одарил W странного русского, когда тот на втором допросе рассеянно осведомился: «Как насчёт прав человека?», имея в виду своё вынужденное сидение взаперти. Ему было внятно и даже не без остроумия отвечено, что любая действующая разведка всегда находится как бы в состоянии войны. А военное положение автоматически ограничивает элементарные права и свободы. «Но мы вас пригласили, — он так и выразился — «пригласили», — не для того, чтобы с вами воевать, а для сотрудничества».

Реакция русского могла бы показаться блистательной наглостью, если бы не звучала с таким бесцветным равнодушием. Он посоветовал не рисковать. Он предупредил, что если, не дай бог, согласится сотрудничать, то и сам W, и те, кто сейчас прослушивает их разговор, и ещё почти сто сорок тысяч специалистов могут попросту остаться без работы.

Но если уж некоторые господа сами заводят речь о войне, то на войне, случается, предъявля-

ют ультиматумы. Именно это он и собирается сделать.

Ультиматум Безукладникова содержал три скромных условия.

Во-первых, они дают ему возможность курить.

Во-вторых, они огораживают угол с унитазом и душем любой непрозрачной ширмой.

И в-третьих, они прекращают прослушивать комнату. Он не артист и не радиокomentатор, чтобы его любое слово ловили в микрофон. Ему не требуется аудитория и категорически не нравится вещать на публику. Он согласен говорить лицом к лицу с живым человеком, но не с записывающей техникой.

Невыполнение этих условий будет означать просто прекращение разговоров. На всякий случай он не рекомендует пичкать его психотропными средствами и прочей сильной химией, чтобы не пришлось потом возиться с обломками инвалидной психики. В конце концов, ему виднее. Он лучше знает свои варианты будущего, чем они — свои. И дайте уже покурить, чёрт бы вас побрал!

После недолгого тайм-аута ему принесли пачку «Lucky Strike», заслонили туалет переносной перегородкой и соврали, что микрофоны выключены.

В общей сложности за первую неделю «военного положения» манипуляции с микрофонами

возобновлялись четырежды — их то убирали, то заменяли другими, дистанционными устройствами, то совсем отключали, то включали втихую на полуслове, пока наконец Безукладников не спросил W с тихим сочувствием: «Вам что, начальство совсем не доверяет?», и тот выразительно промолчал. Именно эта неудачная микрофонная возня, которую русский засекал с точностью до минуты, привела его оппонентов к выводу, что они имеют дело с неизвестной и очень мощной индивидуальной супертехнологией.

И вот здесь я подхожу к самой, пожалуй, тёмной части безукладниковского рассказа. Он, без сомнения, знал (то есть имел в виду), что я буду писать и публиковать этот текст. А чем ещё объяснить аккуратные недомолвки, зияющие в его словах? Как говорится, фигура умолчания — самая громкая. Подозреваю, мне уже не узнать до конца, в подробностях, две вещи: во-первых, какую информацию у него сумели выудить профи из NSA и, во-вторых, какой ценой ему удалось от них уйти. Это не значит, что я пытаюсь уличить Безукладникова в неискренности или двурушничестве, но я вполне допускаю, что его уход на свободу был обставлен достаточно клейкими обязательствами.

W полагал, что большая часть людских отношений — это вынужденные, быстро окисляю-

щиеся контакты между «человеком на работе» и частным человеком, утоляющим свои личные нужды. Большинство «людей на работе» тупо или остро недовольны своим статусом и принуждены терпеть повадки «частных», лавируя между лояльностью и раздражением. W как раз был из числа недовольных остро. Спроси его (либо спроси он себя сам), какой участи он достоин, W ответил бы с усмешкой, что при другом жизненном раскладе мог бы рассчитывать на «Оскара» — не важно, в какой номинации. Вместо этого он копался по долгу службы в так называемом человеческом шлаке, выскребая высокобюджетные информационные молекулы. Собственно, и вся его суперсекретная многотысячная контора занималась тем же самым — выскребанием неочевидных фактов из мирового шлака.

Неудобный русский не вписывался ни в какую программу, поскольку жил только по своей внутренней. Например, он терпеливо, с рассеянным видом выслушивал тщательно заготовленные вопросы стратегического назначения, а потом вдруг интересовался: «Вот вы в субботу фильм с Джеймсом Бондом смотрели... Вы же любите Джеймса Бонда. А Шона Коннери терпеть не можете. Почему??» W находчиво огрызнулся: «Зачем спрашивать, если и так всё знаешь!» В иные дни русский выказывал желание сообщить нечто экстремально серьёзное, при этом искренне

волновался: якобы от его слов зависят жизни людей... W ненавидел, когда к служебным темам по-дилетантски примешивали чувства и пафос, а потому слушал почти брезгливо. Суть сообщения сводилась к следующему.

Агентству нет смысла тратить столько денег и сил, сколько оно тратит на перехват телефонных разговоров, факсов и электронной почты по всему миру. Совершенно незачем прослушивать такие толпы людей и заглядывать в такую прорву e-мейлов. Не говоря уже о моральной сомнительности этого занятия. Достаточно ограничиться узким сектором, откуда может прийти (и придёт) реальная угроза. В сущности, это всего лишь несколько почтовых серверов, чуть более десятка адресов и полторы сотни телефонов, из которых большая часть принадлежит «Аль-Каиде» (он сказал: вашей любимой «Аль-Каиде»). Вот на них и надо нацелиться, просто необходимо, если Агентство Национальной Безопасности действительно занимается национальной безопасностью, а не только банальным шпионажем.

— Вы передадите мои слова начальству?

W, поджав губы, обещал передать.

И уже назавтра, ломая план допроса, назойливый русский допытывался: «Вы передали?? Что они ответили?»

Он знал ответ, но не хотел верить сам себе.

Поклонник Джеймса Бонда с нечеловеческим терпением пытался направить беседу в нужное

русло. Дескать, начальство благодарит, а теперь предлагает обсудить не менее важный вопрос. Он касается маршрутов российских ракетных поездов. Дело в том, что ракетные поезда...

Безукладников смотрел потрясённо, глазами обманутого подростка:

— Вы что, издеваетесь? Или шутите? Зачем вам вся эта фигня?!

Глава восемнадцатая

ТЕХНИКА СКРАДЫВАНИЯ

В мае 1960 года тридцатидвухлетний сержант Данлап явился на 16-ю улицу в Вашингтоне, где располагалось советское посольство, и тихим голосом предложил купить у него копии документов Агентства Национальной Безопасности США. Из посольства он вышел окрылённый, с приятным авансом в кармане.

Тихий отец семерых детей, Джек Данлап служил в Агентстве курьером, доставщиком бумажек с печатями, чуть ли не мальчиком на побегушках, затем генеральским шофёром. Эта скромная теневая должность, однако, позволяла Данлапу в любое время покидать крепость Форт-Мид без досмотра автомобиля.

В доме на 16-й улице сидели понимающие люди. Очень скоро шофёр-посыльный прикупил себе крейсерскую парусно-моторную яхту, ско-

ростной глиссер с воздушным винтом, «ягуар» небесного цвета и два «кадиллака». Его стали узнавать на элитных курортах и в дорогих клубах. Нескромные денежные вопросы Джек отстранял печальной улыбкой и слабым намёком на безвременно усопшую тётю.

Спустя три сладких года сержант подвергся плановой служебной проверке на детекторе лжи, который бесстрастно указал на две склонности Джека Данлапа — к мелкому воровству и крупнокалиберному вранью. Этого было маловато для разоблачения, но хватило для запуска пристального негласного расследования. Данлап лишился доступа к важным бумажкам с печатями, а заодно и покоя. Впервые в жизни ему приснился электрический стул.

Летом 1963-го, после двух неумелых попыток суицида, Джек Данлап навсегда усыпил себя выхлопными газами, старательно задраив окна в «ягуаре» небесного цвета.

Агентство Национальной Безопасности узнало о подвигах Данлапа от его несчастной жены. К тому времени сержант уже месяц лежал захороненный с воинскими почестями в Арлингтоне, в двух шагах от будущей могилы Джона Кеннеди.

Нельзя сказать, что с уходом Данлапа советская резидентура осиротела навсегда.

В январе 1980-го в то же самое посольство в Вашингтоне позвонил некто Рональд Пелтон

и попросил о встрече с дипломатическими персонами. Ему тактично предложили явиться лично. Уже на следующий день, когда Пелтон входил в ворота посольства, его засекли агенты наружного наблюдения из ФБР, но не успели разглядеть лицо.

В момент свидания Пелтона с его новыми работодателями русская техническая служба зафиксировала сильное оживление на радиочастотах, занимаемых ФБР. Эфир буквально трещал от скороговорок воспалённых раций. Стало ясно, что Пелтона заметили и готовятся опознать. Поэтому здесь же, в посольстве, ему срочно сбрили усы и бороду, переодели в рабочий комбинезон с чужого плеча и в микроавтобусе вывезли в советский дипкорпус, где заботливо накормили борщом и пельменями, а затем доставили к месту парковки его автомобиля.

Пелтон больше не ходил на рискованные свидания в Вашингтоне, а специально вылетал в Австрию, в Вену, благоухающую и пышную, как бисквитно-кремовый торт.

К началу своей шпионской карьеры шифровальщик Рональд Пелтон уже больше года не работал в Агентстве, однако держал в голове фантастически много фактов. Именно от него русские узнали, например, о грандиозной секретной операции в Охотском море, где на советский подводный кабель были подвешены особые устройства, высасывающие информацию, которую по-

том, в свою очередь, сглатывали американские субмарины.

Пелтона мало прельщали яхты и прочие глассеры. Его хрустальной мечтой была покупка стройматериалов для возведения собственного дома.

В августе 1985-го Рональда Пелтона выдал со всеми потрохами советский перебежчик Виталий Юрченко. А уже следующим летом, несмотря на скудость улик, суд присяжных признал Пелтона виновным и усадил его на три пожизненных срока.

Тут надо сказать начистоту, что эти персонажи, как и несколько других позорно известных фигур, омрачали репутацию Агентства гораздо сильнее, чем случаи прямого недоверия со стороны правительства. (Во время вьетнамской войны Агентством были добыты абсолютно корректные данные о численности вооружённых сил Северного Вьетнама и партизан Вьетконга, но правительство поверило неточным расчётам Пентагона, а докладом NSA пренебрегло.) Впрочем, все данлапы и пелтоны, быстро сошедшие со сцены, были, можно сказать, овечками и ангелами на фоне предателя со съедобной фамилией Ризотто, который уходит со сцены отнюдь не собиравшись.

Кадровый агент-нелегал Альберто Ризотто, пять лет выполнявший специальные задания в Юго-Восточной Азии, успел натворить многое. Он с удовольствием позволил завербовать

себя ещё двум разведкам — российской и северо-корейской. Он целиком присвоил тяжёленькую сумму, выделенную для одной дорогостоящей операции в Гонконге. Не было секретом пристрастие Ризотто к девочкам самых нежных возрастов. Но в последние два года полицейские Бангкока и Сингапура всё чаще нарывались на исковерканные тела малолетних проституток, уведённых накануне мосластым невысоким европейцем с типичной туристской внешностью: чёрные очки, панама, линялые мятые шорты, цветастая рубашка навыпуск, дорогая фотокамера на животе. Мёртвые девочки выглядели как использованные хирургические салфетки.

Волк-одиночка Ризотто не заявлял о своём уходе из Агентства — он просто перестал выходить на связь, но время от времени беззастенчиво пользовался каналами NSA в личных целях. За ним охотились во всех часовых поясах. Ему подсовывали соблазнительные наживки, которые он то холодно игнорировал, то ловко съедал, не задевая капкана.

Последней каплей стала расправа Ризотто с двумя опытнейшими нелегалами на Мальте, куда его удалось выманить из-за кулис ценой специально сочинённого жирного бизнеса. Оба переговорщика имели железную легенду, оба вели себя безукоризненно, и оба, как беспомощные глухари, были застрелены в голову — каждый в своём номере люкс.

Никаких выходов на Ризотто не оставалось, кроме одного адреса электронной почты на бесплатном сайте www.hotmail.com. На письма, посланные по этому адресу, Ризотто либо не реагировал, либо отвечал вполне вызывающе.

За месяц до того, как W уволился из Агентства Национальной Безопасности по собственному желанию, он услышал от начальства: «Если этот русский поможет нам только найти и взять Ризотто, он уже оправдывает наши затраты! Пообещайте ему освобождение, защиту, американское гражданство, чёрта лысого — что попросит». Не было сказано вслух, но само собой подразумевалось: реальное освобождение исключено. Покуда объект жив, он безвреден лишь в пределах Форт-Мида.

Было время прогулки перед ужином. Двое мужчин, изрядно опостылевших друг другу, совершали ежевечерний променад в голой комнате без потолка. W заговорил о Ризотто осторожно, в тоне просьбы — и русский неожиданно легко согласился:

— Хорошо, я его найду. В ближайшее время. Вот только немного освобожусь...

Звучало так, будто говорит очень занятой человек, и W мысленно хмыкнул. Но русский уже сменил тему: ему вдруг захотелось посудачить о кино, о знаменитостях и вообще о славе.

Тут я не удержался и прервал Безукладникова, чтобы выяснить, чем он был так сильно занят,

запертый в двух пустых комнатах. Оказалось — чтением отсутствующих книг. Причем отсутствующих в полном смысле. На этот раз он углубился в древневосточные дебри и дорвался до рукописей, которые даже не сохранились.

— Что-нибудь свеженькое про карму или про чакры?

Он пропустил мою иронию мимо ушей. Ему хотелось поделиться прочитанным. Если я правильно запомнил, в Ассирии, в городе Ниневия, в VII веке до нашей эры вавилонские войска загубили царскую библиотеку с десятками тысяч клинописных табличек. В том числе тайный трактат о технике скрадывания.

— Ничего мистического, — заверил Безукладников. — Это всего лишь техника, которую можно освоить.

— И что, например, можно скрадывать?

— Например, себя.

— Как это выглядит?

— Допустим, вы заходите в комнату, где я валяюсь на диване...

— Ну да, разумеется.

— ...и вы меня просто не видите! Как будто меня нет.

— А физически вы есть?

— А физически я вот он.

Теперь я пытаюсь представить блестящий зигзаг, по которому светская беседа о кино, о славе

и знаменитостях внезапно вырулила напрямиком на мусорную свалку в пригородах Лос-Анджелеса и на последующую перемену судьбы. Безукладников, со своей неизлечимой подростковой прямоотой, выпрашивал: зачем, ну зачем W нужна слава, тем более «оскаровское» лауреатство — для денег? чтобы все любили?.. W впервые порадовался тому, что микрофоны выключены: он «забудет» этот разговор в отчёте, зато впишет в свой актив готовность русского отыскать Альберто Ризотто.

Мне кажется поразительным, что W, человек холодный и расчётливый, не более мечтательный, чем калькулятор, почти сразу поверил в «мусорную» версию добывания «Оскара», которую Безукладников накануне ночью, изнывая от бессонницы, выловил из какого-то бездонного пространства.

Версия была такая. Шесть лет назад один subtilный сценарист из Нью-Джерси, хронический неудачник со странностями, отправил довольно увесистое произведение крупному продюсеру в «Парамаунт». Продюсер ненавидел пухлые рукописи. Ему хватало сил только на трёх—пятистраничные сценарные заявки. Чёрная картонная папка с нечитанным опусом улеглась на полку массивного шкафа и провалялась под грудой бумажного хлама вплоть до прошлой недели, когда шкаф подвергся капитальной уборке.

Год назад сценарист умер от сердечной недостаточности.

Неделю назад чёрная папка переехала из студийного шкафа на городскую свалку, где ещё не поздно её откопать, если точно следовать безукладниковским инструкциям. Когда рукопись найдётся, W получит новую инструкцию — кому и каким образом надо продать сценарий, чтобы затем претендовать на этот долбаный «Оскар». Вот и всё. Как выражаются иные остряки — теперь можно смеяться.

Но W смеяться не будет. Он потратит ближайший уикенд на то, чтобы слетать в Лос-Анджелес, и вернётся не с пустыми руками.

Не сомневаюсь, что это была сделка. Хотя, врать не буду, здесь я вступаю в область предположений. В обмен на свою безумную версию Безукладников мог, допустим, затребовать у W простейшую почтовую услугу — послать «на волю» кое-какие письма. Либо всего одно письмо, которое он продиктует.

Так или иначе, на пятьдесят девятые сутки пребывания в крепости Форт-Мид русский заявил своим кураторам: он приведет их к Ризотто сам, лично — если ровно через шесть дней окажется во Флоренции.

— Почему во Флоренции? — спросил я.

Безукладников с характерным смешком, похожим на потуги астматика, задал встречный во-

прос: а разве плохой город? Наоборот, самый прекрасный. Ему захотелось там погулять, страшно захотелось. Особенно после того душегубного перегона по Италии в задренной машине и двух месяцев сидения взаперти.

— Я и пригласил Ризотто во Флоренцию. Что ж тут странного?

Странным было только слово «пригласил», косвенно подтверждающее мою догадку насчёт почты. О том, что могло содержать «приглашение», на которое клюнет тёртый нелегал, тройной агент и серийный убийца Ризотто, я даже гадать не берусь.

— Вы же могли просто указать адрес — и они бы совершили захват без вашего участия.

— Да, я знаю. Но они этого не знали.

...На ступенях готического собора Санта-Кроче Безукладников подошёл к нарядной целующейся парочке и на ломаном английском попросил три евро (цена входного билета). У влюблённых вытянулись лица. Они быстро переглянулись и выдали попрошайке десятиевровую купюру. Контакт был внеплановым.

Вслед за русским в прохладное полутёмное пространство зашли трое рослых студентов в легкомысленных шортах, будто вчера сбежавшие из кампуса, и пожилой, седоватый джентльмен в элегантном хлопчатом пиджаке. Они добросовестно скучали, пока русский обходил над-

гробия Микеланджело, Данте, Макиавелли, и немного занервничали, когда он застрял на четверть часа у пасмурно-синего, золотого «Благовещения» Донателло.

Терпение конвоя было частично поощрено тем, что гуляющий Безукладников почти не задержался на площади Синьории — только полюбовался на серую зубчатую башню знаменитого палаццо, обогнул толпу возбуждённых фанатов Давида и по-дурацки улыбнулся бронзовому Персею, поднявшему, как вымпел, голову Медузы Горгоны с идеальной перманентной завивкой.

У всех шестерых конвойных, включая влюблённую парочку, был приказ — при экстремальном раскладе стрелять на поражение. Они умели это делать отменно, особенно парочка.

Второй нервный момент настал в узком проулке — на Виа делло Студио, где абсолютно ничего не произошло, но русский внезапно охнул и остановился. Никто не понял, что случилось. А он просто увидел, как в тесном просвете между домами выросло громадное белоснежное тело Санта-Мария дель Фьоре под неоглядным красным куполом. (Безукладников так опишет мне своё потрясение: «Как будто шёл по коридору из кухни в прихожую — и вдруг обнаружил себя у подножия кита!»)

Ему зверски хотелось курить, но зажжённая сигарета, как ему сказали, будет условным знаком при появлении Ризотто.

Он с трудом оторвался от кружевной Кампанилы, сияющей тосканским мрамором — молочным, розовым, травяным, и повернул прямо на юг, в сторону реки.

Уже начался отсчёт последних минут. Поневоле убыстряя шаг, он пересёк Виа дель Корсо, кокетливо молодящуюся новенькими бутиками, миновал церковь Орсанмикеле — и теперь, в одном лишь броске до моста Понте Веккио, услышал, как тяжело и больно стучит сердце.

Город на синих холмах жил своей маленькой всемирной жизнью.

В самом центре моста, уставленного ювелирными лавками, как сундуками, позади классического бюста Бенвенуто Челлини стояла у парапета невысокая мосластая тётка в чёрных очках, надвинутой на лоб косынке и старомодном плаще, из-под которого виднелись узловатые колени в коричневых чулках.

Замедлив ход наискосок от бюста, в трёх-четырёх коротких шагах, Безукладников достал сигарету и закурил. Он услышал откуда-то слева хриплую скорострельную команду, похожую на «фас!», превратившую трёх обалдуев из кампуса в тренированных ротвейлеров-убийц.

Уже спустя полминуты всё было кончено. Тётка с заломленными локтями, скрюченная в три погибели, висела корявым тюком на руках у конвоя. Разутая ступня в чулке безвольно шарилась по сторонам. Косынка и парик, сползая на лицо, оголяли грубую красную лысину.

И в ту же минуту конвой увидел, что русского на мосту нет.

С полуживым Ризотто останутся двое. Остальные рванут на дикую охоту по обе стороны моста — всё впустую.

Я спросил Безукладникова, рискуя выглядеть глуповато:

— А куда вы девались?

— Никуда. Я ещё с полчаса постоял на мосту, покурил. Там потрясающий вид на реку.

Глава девятнадцатая

ЗАПРЕЩЁННОЕ ШОУ

Весной мне попался на глаза в Интернете, на сайте жареных и подгорелых новостей, такой нагловатый анонс: «Русский экстрасенс бросает вызов спецслужбам США!» Обычно я обхожу стороной подобные приманки, поскольку знаю, чего от них можно ждать. Если, например, анонс гласит: «Мадонна попала в тюрьму!» — это, скорей всего, значит, что поп-звезда осчастливила визитом колонию для малолетних преступников. Или, допустим, отчаянный вопль «В Египте пропадают люди!!» подразумевает, что одна семейная парочка отдыхала на арабском курорте, муж вдохновенно загулял, забыл отпроситься у жены и умотал с пьющими друзьями куда-то в сторону Каира, а жена подняла на ноги всю туристическую полицию.

Новость, которая меня всё же зацепила, и вправду пахла сенсацией: на чёрном рынке появилась видеозапись не выпущенной в эфир передачи «Шоу Бадди Хоупа» — прославленный тележурналист, любимец публики, взял интервью в своей студии у некоего русского по фамилии Александровф. Русский заявил, что подвергается преследованию со стороны крупной американской спецслужбы, которая хотела использовать его паранормальные возможности, а теперь, после бегства, реально угрожает его жизни. Когда передача была уже смонтирована, менеджеры телеканала, очевидно, получили предупреждающий сигнал свыше — эфир был отменён. Однако запись ушла за стены студии, размножилась и подняла шипучую газированную волну в газетах Нового Света.

С небольшим опозданием скандал подхватили российские таблоиды. Я прочёл только две статьи — мне хватило. В одной из них говорилось, что бедный Александровф «чудом спасся от ампутации мозга, запланированной в ЦРУ, и теперь может смело стоять в одном ряду с такими мировыми загадками, как Бермудский треугольник и Пермский параллелепипед». Другой автор, ссылаясь на «источник, заслуживающий доверия», сообщал, что Александровф (чья настоящая фамилия, оказывается, Безуглов) создал психотронное оружие массового поражения и теперь весь вопрос

только в том, на какое государство он вздумает напасть.

Я искал эту видеозапись четыре месяца — в ларьках с пиратским товаром, на тихих «левых» базарчиках, где мне пытались впарить младенческую порнографию, банные утехи министров и садомазохистскую кинохронику времён императора Нерона. Наконец, через двух посредников, меня привели в какой-то полуподвал индустриального типа. Флегматичный тинейджер с подозрительной папиросой во рту порылся на стеллаже, нашел компакт-диск без опознавательных знаков и скормил его своей натруженной аппаратуре. После музыки и пышной заставки на экране появился пучеглазый симпатяга Бадди Хоуп и заметно взволнованный Александр Платонович Безукладников. Он был бледен, тщательно причёсан и вообще выглядел аккуратнее обычного.

Перезапись обошлась мне в 400 рублей. Дома я перекинул ее в компьютер, на жёсткий диск, взял для уверенности англо-русский словарь Мюллера и шесть вечеров подряд просидел в наушниках, с грехом пополам перелагая английский устный на русский письменный. Процедура осложнялась тем, что слова Безукладникова (он говорил негромко и по-русски) почти полностью заглушал бойкий американский дубляж, дополненный зрительским гамом в студии. Отдельные фразы мне расслышать не удалось.

Всё же надеюсь, я не сделал грубых ошибок. Спасибо переводчице Алёне Крылецкой за терпеливые телефонные консультации и сверку текста, после которой Алёна сказала: «Игорь! Это полный абзац. Я не верю, что такие люди бывают!»

Вот перевод стенограммы.

Бадди Хоуп. Всем привет! Мы начинаем. Сегодня в нашей студии феноменальный гость. Человек, который способен ответить на любой вопрос — абсолютно любой! Встречайте, Ник Александров.

Безукладников. Здравствуйте.

Бадди Хоуп. Для начала я признаюсь в одном грехе, пока не слышит моя жена. Старина Хоуп иногда не прочь сыграть в рулетку. Только не берите с меня пример (*смеётся*), тем более что я всегда проигрываю! Но за рулеткой я познакомился с нашим сегодняшним гостем. Ник, если честно, вы часто бываете в казино?

Безукладников. Это был первый раз.

Бадди Хоуп (*к публике*). Представьте себе: мы выпили кофе, и вдруг Ник сказал мне, что я могу поставить фишку на число, которое он заранее угадает. И мы точно выиграем! Я поставил, ради шутки, 20 евро... Как видите, я уже проболтался, и все сразу поняли, что дело было в Европе (*смеётся*). Так вот, я поставил 20 евро, а через минуту они превратились в 700. Вы, конечно, подумали:

какая приятная случайность! Я тоже так подумал и предложил фокус повторить. Я говорю: «Ник, я не буду злоупотреблять, но мне очень хочется проверить!» А он говорит: «Бадди, у вас кофе на подбородке, и вам теперь лучше поставить на 23». И через минуту мы опять выиграли! (*Аплодисменты.*) ОК! Ладно, оставим рулетку в покое. Разговор у нас будет не об играх. Ник, вы ведь родом из России? Чем вы занимаетесь?

Безукладников. Да, из России. А занимаюсь в основном тем, что спасаю собственную жизнь. Знаете, это увлекательно только в кино. А в жизни — страшно хлопотное занятие! Бадди, если помните, я не хотел участвовать в шоу. И дал согласие только потому, что решился произнести вслух некоторые вещи. Вы позволите?

Бадди Хоуп. С удовольствием.

Безукладников. Я пока не буду называть имя спецслужбы, которая так виртуозно похищает людей, как это сделали со мной. Меня продержали взаперти больше двух месяцев — только затем, чтобы использовать мою пресловутую способность... (*Шум в студии.*) И я знаю, что никто не собирался отпускать меня живым. Я бы не стал об этом прилюдно говорить — зачем жаловаться всему свету? Мне удалось бежать — и спасибо, до свиданья! В общем... (*шум, аплодисменты*) я бы сказал «большое спасибо», если бы меня оставили в покое. Но они будут ловить меня до тех пор, пока не схватят или не убьют. Они

боятся огласки, и только огласки. Поэтому я вынужден предупредить: если эти ребята не отважатся, огласка будет. Я имею в виду очень солидных боссов, которые ценят свои кресла дороже любой жизни. У них появится уйма свободного времени. Но кресел у них не станет. Даже если я буду мёртвым, как этот стул.

Бадди Хоуп. Как вам удалось бежать? И где это было?

Безукладников. Меня вывезли в Италию, чтобы я отыскал одного отпетого красавца — одного из них. Там я сумел уйти.

Бадди Хоуп. И вы сразу пошли в полицию?

Безукладников. Нет, я пошел в одно прекрасное кафе, и меня взяли на почасовую работу за наличные.

Бадди Хоуп. Ник, давайте вернёмся к вашей таинственной способности. Как вы это делаете?

Безукладников. Ну, примерно так же, как вы берёте интервью. Только проще. Я спрашиваю сам себя молча, а потом выслушиваю ответ — у самого себя.

Бадди Хоуп. На любую тему?

Безукладников. На любую.

Бадди Хоуп. ОК! Тогда я задам вам несколько безжалостных вопросов (*смеётся*)... Но это уже после рекламы. Мы скоро вернёмся с невероятным Ником Александровым. Не уходите!

Музыка. Рекламная заставка.

Бадди Хоуп. Мы продолжаем. Ник! Если я правильно понял, ваши возможности позволяют проникать в любые тайны. Простите за грустную тему. Но я думаю, самая большая и страшная тайна для любого человека — дата его смерти. А как насчёт вас? Если вы скажете, что ни разу не задавали себе такой вопрос, я не поверю!

Безукладников. Задавал. Но лучше бы я этого не делал.

Бадди Хоуп. Поясните, пожалуйста.

Безукладников. Однажды я просто полюбопытствовал — и в тот же момент узнал дату. Она оказалась близкой, ужасающе близкой. Одним словом, я понял, что мне осталось жить с гулькин нос. Всю следующую неделю я чувствовал себя так, будто я уже в могиле. Я просыпался рано утром, прислушивался к своему телу — у меня ничего не болело. Но тело превратилось в мешок с потрохами, в скоропортящийся предмет, который вот-вот начнет разлагаться. А через неделю я посмел снова задать этот же вопрос — и чуть с ума не сошёл. Срок отодвинулся, причём довольно далеко! В конце концов, мне стало ясно, что дата смерти — не фиксированная, она «плавает».

Бадди Хоуп. От чего это зависит?

Безукладников. Практически от всего. Труднее найти, от чего это не зависит...

Бадди Хоуп. Потрясающе!.. Ник, в перерыве ко мне подошла леди, которая умоляет и настаивает

вает, чтобы вы ответили на её вопрос. Она сейчас в студии, среди наших зрителей.

Безукладников. Ну, если так нужно...

Бадди Хоуп (*в сторону зала*). Пожалуйста!

Пухлая негритянка в оранжевом платье. Спасибо! Это я! Надеюсь, вы мне поможете разоблачить это чудовище, этого засранца, который испортил мне всю жизнь. Я должна знать: изменяет он или нет? Потому что он клялся мне четыре раза! Простый раз это было в ноябре, в День благодарения! У меня записано. А в пятницу этот засранец опять возвращается под утро и говорит, что он был у Саймона. И он думает, что я поверю! Но я не такая тупая. Я даже знаю, как зовут его подстилку! Но он всё отрицает! Вы мне поможете, так ведь? (*Шум в студии.*)

Безукладников. Вы считаете, будет лучше, если я скажу это здесь — при всех?

Негритянка в оранжевом. Почему бы и нет? Я не сомневаюсь!

Безукладников. Хорошо, я скажу. Он это делает. Точно так же, как и вы. Но вас ведь волнует совсем другое — чтобы выгорело с деньгами и с разводом. Вы даже Бога в церкви об этом просите. Мне очень жаль, но так не получится... (*Шум и смех в студии.*)

Бадди Хоуп. Ник, вы опасный человек! (*Смеется.*) ОК. Поговорим о более спокойных вещах... Я не философ, но меня интересует вопрос объективности нашего взгляда — насколько точ-

но мы видим окружающий мир? Приведу пример. У собаки чёрно-белое зрение, и, скорей всего, она не сомневается, что видит всё правильно, что жизнь вокруг неё чёрно-белая...

Безукладников. Да, я понял. Вы хотите знать, насколько далеко человек ушёл от собаки. Я вас огорчу — почти ни насколько. В каком-то смысле собака даже впереди.

Бадди Хоуп. Вы имеете в виду, что мы видим мир ещё более неправильно, искажённо?

Безукладников. Честнее будет сказать, что мы почти ничего не видим. От силы шесть процентов. Остальные девяносто четыре процента нам вообще не видны — мы просто не способны это видеть.

Бадди Хоуп. Так... А где находится эта огромная невидимая часть?

Безукладников. Здесь же и находится.

Бадди Хоуп. Прямо здесь?

Безукладников. Да, мы смотрим сквозь неё.

Бадди Хоуп. У нас вопрос из зала... Прошу!

Пожилой мужчина с косичкой (*говорит очень тихо, неразборчиво*). ...факультета философии Массачусетского университета... в Беркли... Из монографии о проблемах физического времени... наряду с биологическим и психологическим... позволяет рассматривать с точки зрения гипотезы Хью Эверетта. Но это никак не снимает проблему физического времени. Как вы относитесь к данной проблеме?

Бадди Хоуп. Вы что-нибудь поняли?

Безукладников. Я всё понял, кроме одного. Зачем рассматривать в физическом плане то, что физически не существует?

Бадди Хоуп. То есть? Чего не существует?

Безукладников. Времени.

Бадди Хоуп. А что мы тогда называем временем?

Безукладников. Кому что нравится.

Бадди Хоуп. Мы же говорим не о вкусах?

Безукладников. Конечно. Но людям почему-то нравится думать о времени как об особой физической субстанции. На самом деле это чисто условное, придуманное понятие. Никому ведь в голову не приходит изучать килограмм или дюйм как особые физические субстанции. Их придумали исключительно для удобства измерения. О времени можно сказать примерно то же самое — измерительный инструмент...

Бадди Хоуп. Простите, а что в таком случае измеряется секундами, часами, месяцами или годами?

Безукладников. Движение. Ну, или, подробнее говоря, отрезки движения астрономических и прочих тел.

Бадди Хоуп. Ник, вас интересует физика?

Безукладников. До сих пор меня больше интересовала история.

Бадди Хоуп. А что у нас с историей?

Безукладников. Ничего нового. Одна большая уродливая фикция. В идеале её нужно переписать заново.

Бадди Хоуп. Вы имеете в виду новые трактовки, интерпретации?

Безукладников. Можно и без трактовок. Хотя бы достоверный рассказ, полная хронология событий. У нас даже этого нет.

Бадди Хоуп. Прежде чем мы прервёмся для рекламы, я задам вопрос, который наверняка интригует большинство зрителей. Откуда к вам приходит информация? Что это за источник? Он внутри вас? Или... *(делает выразительный жест обеими руками, якобы взывая к небесам).*

Безукладников сидит молча, опустив глаза и не двигаясь.

В кадре ещё на секунду появляется лицо телеведущего, явно растерянное, за его спиной — фигура Безукладникова в странной кренившейся позе и невнятная суета вокруг. Музыка, рекламная заставка.

Конец записи.

Немного позже я узнал, почему Безукладников не смог ответить на последний вопрос, — он пребывал в глубоком обмороке.

Глава двадцатая ПРИГЛАШЕНИЕ В РАЙ

From: Alexander Bezukladnikov
<bezukladnikoff@mail.ru>
To: IFS <ifs@mail.ru>
Subject: No subject

Игорь, добрый вечер!

Вы можете смеяться над моим «открытием», но я всё же хочу поделиться. Оказывается, все люди лгут.

Не почти все, Игорь, а все! И я сам от себя не ожидал — насколько это грустно. И вообще удручает.

Даже не в том моральном смысле, что «врать нехорошо», а в простом физическом смысле — искажает, деформирует природу каждого из нас. Сначала её невидимую часть, а потом — и видимую.

Я никогда особо не вникал в разницу между «истиной» и «правдой», как любят делать некоторые философы еще с античности. Помните такого грозного

римского дяденьку в сандалиях, как он стоит на древнем солнцепёке и вопрошает у кого-то, чуть ли не у своей тени: «Что есть истина?» Так до сих пор и стоит, весь потный, и вопрошает. Очень запальчивый спорщик. Но, в сущности, почти все споры между людьми — о терминах, о словах, и только. А слова меньше всего заботятся об истине, только о себе... И получается, что «истина» (в кавычках или без) совершенно беззащитна перед словом. Она иногда хочет довериться ему — а слово соврёт и недорого спросит.

Только это не значит, что «истина» вроде той дамочки, которая упорно ищет, кому бы ей правильнее отдаться. Скорее наоборот. Существуют вещи, о которых нам знать нельзя, существуют запреты на знание. Я, как любопытная Варвара, успел на них нарваться и потом десять раз пожалел, что задавал такие вопросы: потом валялся в обмороке то наедине с собой, то на людях, и голова — как взорванная.

Знаете, я только недавно понял: человек не может жить без тайны. Она для него как второй воздух. Когда уже «всё ясно», жизнь заканчивается. Спасает разве что влюблённость. Но любая влюблённость держится на тайне, питается и дышит ею.

Если, допустим, меня угораздило по уши влюбиться в непостижимую в своей привлекательности женщину, я воспринимаю как счастливое откровение, как физическую милость — её влажноватые подмышки, её ступни в высоких босоножках, ямку между ключицами

или вырез платья, оголяющий нежную раздвоенность. Её манеру всласть обсасывать кофейную ложечку или вилкой распутывать салат, как кроссворд. Её запахи — парфюмерные и животные. Ароматы модного бутика и зверинца. Каждый её жест, бессознательный, как у рассеянной ученицы, или, наоборот, выверенный перед зеркалом, даже манерный... По отдельности эти прелести у всех на виду, почти напоказ, а в целокупности — крошечная мучительная тайна. Не говоря уже об интимных повадках, маленьких укромных мыслях или движениях души, неотчётливых даже для неё самой...

А теперь представьте себе этот чудный кошмар, когда влюблённый человек знает о своей возлюбленной абсолютно всё — вплоть до состояния кишечника! Вплоть до вороватой грызунковой корысти, в которой она сама себе не сознаётся. Он знает, что эти драгоценные пальцы, протянутые ему для поцелуя вместе с бокалом, только что скомкали бумажку, которой она вытерла себя между ног, помочившись в туалете, когда вышла из-за столика со словами: «Мне пора напудрить нос». Он знает, что как раз в эту минуту она стоит на пыльном базаре в Марракеше, наряженная в широкие грубые шорты защитного цвета, и свирепо торгуется со стареньким хозяином ювелирной лавки за цепочку из платины. Он уступит ей, отдаст почти даром. И я знаю уже сейчас, как эта блестящая металлическая нитка на её левой щиколотке заставит меня сходить с ума.

И получается, Игорь, что «во многом знании» не только «много печали», но и всякая влюблённость заранее обречена.

С чего это я взялся цитировать Екклесиаста да еще договаривать за него? Совсем сбрендил от одиночества. В этом смысле меня уже можно сравнить с алкоголиком, которому не скучно и не страшно пить наедине с собой.

Я сегодня проснулся утром в маленькой типовой гостинице системы Travel Inn и вполне по-домашнему позавтракал сухими галетами с джемом и чаем. Здесь в комнатах оставляют чайник и корзинки со всякими вкусными пакетиками — очевидно, для тех, кто не решается (как я) с потерянными лицами спускаться на первый этаж в паб и завтракать публично. И ещё в отелях у каждого изголовья лежит Библия, часто даже не разрезанная. То есть читать ты её не обязан, но лежать — должна. Вот она мне и напомнила: «...He who increases knowledge increases sorrow».

Игорь, пусть я лучше буду полоумным уродом, но я не хочу ни «умножать скорбь», ни делить её...

Хотя несколькими страницами раньше Екклесиаст уверяет: «Sorrow is better than laughter, for by sadness of face the heart is made glad».

А на русском языке это звучит ещё категоричней: «Скорбь лучше, чем смех, при печали лица сердце делается лучше».

Вы ведь заметили? Тут не форма подчиняется содержанию, а наоборот. Выражение лица диктует, каким будет сердце.

В общем, так бы я и ходил весь день, как дурень, за своей тенью и оплакивал непонятно что — и тайну, и обречённую, заведомо гиблую влюблённость. Если бы не вспомнил стихи одного поэта, написанные в непростительно юном возрасте. Вот эти:

Что делать с тайной? Как мне уберечь
Тень нежности в тисках дневного света?
Понять, но полюбить (о том и речь).
Понять, но полюбить — другого нету.

Можно не обращать внимания на пафос, нормальный для автора чуть старше двадцати. Но, в сущности, он отыскивает единственную спасительную альтернативу. «Понять, но полюбить» — в противовес банальному и убийственному порядку вещей, который обычно таков: понять и (поэтому) разлюбить.

Ну ладно! Простите меня за все эти бредни.

У меня есть более интересный разговор. Я знаю, как Вы любите путешествовать, и знаю, что через месяц с небольшим Вы собираетесь в отпуск. Игорь, я приглашаю Вас в гости!

Не подумайте, что речь идёт о типовой комнатке в отеле Travel Inn. Я Вам обещаю экзотику, которую вообще мало кто из русских видел. Пожалуйста, не щепетильничайте насчёт денег — это приглашение за мой счёт, совершенно незначительная для меня трата. В последнее время я убедился, что денег в мире настолько много, что их фактически носит ветром по дорогам, как вчерашние листья, как мусор.

Приезжайте, я Вас буду ждать! Это замечательно далёкое место, но Вы легко доберётесь — вот увидите.

Вам нужно только доехать до переправы у Фрэнка, там брод совсем неглубокий, а потом Вас проводят.

До встречи!

Жму руку.

Ваш Александр.

Best regards,
bezukladnikoff@mail.ru

Несколько дней, тихо чертыхаясь, я пытался расшифровать слова «неглубокий брод» и «переправа у Фрэнка», пока мне вдруг не позвонила милая девушка из местного отделения авиакомпании «Люфтганза», чтобы сообщить: на моё имя заказан билет с открытой датой вылета. Пункт назначения — Франкфурт.

Глава двадцать первая

ЛОВУШКА

С аэропортом Франкфурта-на-Майне у меня было связано одно нервное воспоминание. Года три тому назад, делая срочную пересадку с самолёта на самолёт, я чуть не час бежал с тяжёлой багажной сумкой к своему терминалу, пытался вписаться в последние одышливые минуты, но финиш так и не предвиделся. А ближе к концу забега выяснилось, что надо ещё преодолеть пару прогонов на электричке, гуляющей в пределах этого аэровокзала, самого большого в континентальной Европе.

На этот раз обошлось без длинных пробежек.

В зале прибытия меня встретил молодой человек в синем мундире, похожем на форму пилота. В руках он держал табличку с моей фамилией, написанной латиницей с двумя ошибками. Пока мы шли по каким-то закулисным коридорам, я

попробовал хоть что-нибудь узнать о предстоящем рейсе. Вопросы я задавал по-английски. Он отвечал с отменной вежливостью — но по-немецки, поэтому я не понял ни слова, кроме разве что слова «privat». Мне оставалось предположить, что самолёт частный либо зафрахтован частным лицом. Очевидно, так оно и было, поскольку в салоне «боинга» других пассажиров я не увидел.

Стюардесса (по виду непроницаемо-глянцевая китаянка) без устали подбивала меня то выпить, то закусить. Глубокое кресло, наподобие зубоврачебного, охотно раскладывалось и превращалось в кровать. До сих пор мне не доводилось летать в самолёте лёжа, вытянувшись в полный рост. В этой позе каждый приход стюардессы выглядел так, словно медсестра прикатила тележку с лекарствами в палату лежащих больных. В конце концов я убедил её оставить у изголовья микстуры покрепче и отключился. Кто бы мог подумать, что в полёте возможен такой младенчески долгий и чистый сон. В этом рейсе я, кажется, отоспался на полжизни вперёд. Иногда я всплывал, отхлёбывал что-нибудь фруктовое либо солодовое, проверял картинку в иллюминаторе и снова уходил под плед. При очередном всплытии оказалось, что снаружи ночь и мы вроде бы стоим на твёрдой земле. Но меня никто не беспокоил, к выходу не приглашали — вероятно, мы сели подзаправиться или передохнуть.

Когда я окончательно проснулся, «боинг» уже прошил облачную крышу и уверенно снижался, хотя под крылом виднелось только ослепительное зеркало океана. Последний раз я смотрел на часы перед вылетом из Франкфурта — было три часа пополудни. Теперь они показывали 5.15 непонятно чего. Я заподозрил, что мы летим уже дольше суток, включая ночную посадку.

Умывшись, я спросил у стюардессы:

— Куда мы прилетаем?

Она вдруг сказала по-русски:

— Попейте! — и, если честно, разозлила меня такой уклончивостью.

Хотя очень скоро я понял, что зря злился: на самом деле китаянка и не думала переходить на русский, а добросовестно ответила: «Papeete». Потому что спустя считанные минуты мы совершили посадку в главном городе Французской Полинезии, с дикарской щедростью разбросанной, как бисер, по ста восемнадцати островам.

Но я так и не увидел Папезте, убежище Поля Гогена, насмерть очарованного и разочарованного гордеца. Я только успел перекурить в тени аэропорта, приняхиваясь к цветочной гирлянде, которую с профессиональной любезностью мне повесила на шею нарядная таитянка, и меня снова позвали в самолёт — на этот раз маленький, турбовинтовой. Зато из него были хорошо видны островные бусины, рассыпанные по Ти-

хому океану, — в сильном приближении они превращались в тёмно-изумрудные замки вулканической природы, обороняемые барьерными рифами.

К одному из таких замков-островов мы и направлялись. Правильнее сказать, это был остров-отель — частный закрытый курорт, который охранялся не слабее военного объекта.

Уж не знаю, каким образом хозяин отеля выбирал себе клиентуру, но и самих приглашённых сюда впускали с экстремальными предосторожностями. Посадочная полоса замыкалась громадным тамбуром из мощной стальной сетки. (Похожий «тамбур», только поменьше, я видел в английском сафари-парке при въезде на территорию свободного обитания хищников.) Сначала самолёт сверху донизу обыскали молчаливые звероподобные командос, после чего мне позволили пройти через эту клетку под приглядом пулемётных гнезд, устроенных в окнах двухэтажной постройки в колониальном стиле.

Суровость досмотра сменилась необыкновенной почтительностью встречающих. Водитель и охранник, смуглолицые, оба явно местные, кланялись так, будто имеют счастье лицезреть перед собой как минимум королевского заместителя или губернатора. Повторяя на все лады «la bienvenue!» и «welcome!», они отняли у меня дорожную сумку и с подчеркнутой бережностью

уложили её в кожаное нутро кабриолета, на котором мы и двинулись в отель.

Признаться, меня никогда не увлекали пейзажные прелести до такой степени, чтобы посвящать им целые абзацы или речевые периоды с придыханиями. Но здесь не нужно было превращаться в Поля Гогена и бредить земным раем, чтобы ощутить реальное потрясение красотой этого острова, его вечнозелёным блаженством и бесстыжим цветением, а главное — лёгким, одуряюще вкусным воздухом. Мне вспомнился один старинный автор, который верным признаком аристократизма называл способность не удивляться, не разевать от восхищения рот. Оказавшись в самом роскошном, райском месте, воспринимать это спокойно — как должное. При полном исчезновении аристократов как вида, возможно, имеет смысл приглядеться хотя бы к такому «косметическому» рецепту.

Безукладников встретил меня на обочине дорожки, мощенной розовым камнем, посреди огромных кустов. Он был одет почему-то в светлую крахмаленную сорочку и длинные цветастые трусы, типа «семейных», при этом улыбался во весь рот. Мы обнялись.

Через полчаса, после того как я наскоро облился прохладной водой из душа и переоделся, мы сидели в какой-то беседке, скорее похожей

на фешенебельную хижину, и пили кофе, поданный таитянской лет тридцати, простоволосой, с цветком за ухом. Она входила и выходила мягкой, чуть приседающей походкой и напоминала приручённую пуму.

Я ещё не видел своего приятеля таким безмятежным. В этот раз его не тянуло ни о чём рассказывать — разве что поболтать о вкусных пустяках. К примеру, о преимуществах итальянского кофе перед арабским и турецким. По словам Безукладникова, он подсел на эспрессо и ристретто, когда работал во флорентийском кафе.

Комната, которую мне отвели, наводила на мысль о некоем деревенском хай-теке: плетёная мебель и плавное стекло, занавески с весёлыми узорчиками и металл с матовым блеском. Если бы не уродливые противомоскитные сетки, смотрелось бы совсем мило. Прямо из комнаты можно было спуститься в маленький двор с бассейном.

Как я потом выяснил, хозяина отеля никто никогда не видел. Известно было только, что он купил этот остров, заплатив чемодан денег, а потом еще пару чемоданов потратил на обустройство, завозя с материка абсолютно всё — вплоть до розового камня для мощения дорожек. Отель вмещал не более двенадцати гостей одновременно. В тот момент кроме Безукладникова и меня там отдыхала немецкая пара, чей суммарный

возраст превышал сто пятьдесят лет. Но вскоре ожидалось и другие гости.

Маленький ресторан при гостинице был обставлен с претензией на европейскую чопорность, которую, впрочем, ничто не мешало нарушать. Немецкая парочка за угловым столом самозабвенно целовалась. Отдельные свободные места были помечены табличками о резервировании: «Mr Lamerchuk», «Mr Nakhimoff», «Ms Buchanan». Блюда подавала та же смуглая пума с цветком за ухом.

Пока я листал меню, Безукладников подбивал меня «плюнуть на всякие стейки» и отдать должное местной кухне, имея в виду сырую рыбу под лимонным или кокосовым соусом. Если бы я согласился на особо деликатесную, подгнившую рыбёшку, специально вымоченную в морской воде, мне бы, наверно, полагалась медаль за отвагу. Когда мы выходили из-за стола, парочка за угловым столом была уже на грани секса.

Вечером мы спустились по тропе на нижний «этаж» острова-замка, к его береговому подножию, и больше часа гуляли по песку. Тихий океан вёл себя не слишком тихо. Он был занят своим глубоководным делом и, как усталый рабочий, бросал в нашу сторону отрешённые просоленные взгляды. «С вами интересно молчать», — сказал Безукладников и почему-то смутился.

На следующий день прилетели Нахимов и Лёня Ламерчук — старинные, как я понял, друзья Безукладникова. Лёня, по виду вечный студент факультета информатики, счастливо и по гроб жизни контуженный компьютерной техникой, почти сразу уткнулся в свой ноутбук и отвлекался от него только ради специальных мужских разговоров.

Специальные разговоры инициировал Нахимов, рослый, дородный мужчина редкостного обаяния, которое он сумел сохранить, невзирая на сногшибательную карьеру: бедный провинциальный хиппи, битломан, рокер с голодными глазами стал заместителем министра или, кажется, министром. Я подозреваю: если бы российские чиновники хотя бы отчасти напоминали Нахимова, новейшая отечественная история была бы гораздо привлекательней.

Обговаривали программу экстремального отдыха. Планировались, в частности: алкогольный взрыв местного масштаба; океаническая рыбалка, вплоть до боевого контакта с акулами; прекрасная дружба с юными вахинами; наконец, вылазка в одну знаменитую деревню, где, по слухам, продуцируют и собирают чёрный жемчуг буквально как урожай гороха...

К сожалению, в тот день я очень неудачно оступился, подвернул ступню и сошёл с дыхательной дистанции — точнее, попал на скамейку

запасных. На меня сразу накинулись с медицинскими предложениями, настолько радикальными, будто я сломал обе ноги и шею. Но у меня уже случалась похожая травма с растяжением связок, и я знал, что в любом случае придётся неделю-полторы болезненно хромать, а значит, дальние вылазки исключены.

Ночью мне снился вид сверху на незнакомый синий архипелаг, опутанный сеткой авиарейсов, приснилась островитянка, похожая на пуму, с мягкими крупными ступнями, и уже под утро — мокрые глаза и безнадежный взгляд моей ревнивой подруги, которая так не хотела отпускать меня в эту поездку.

Завтрак мне доставили в комнату. Когда, стараясь наступать на пятку, я приковылял к бассейну, там уже вовсю загорали и вели деловые беседы. Нахимов напирал, воодушевлённый какой-то коммерческой идеей. Безукладников поддакивал с рассеянным любопытством. Если я правильно понял, речь шла о беспроектной игре на фондовом рынке или на бирже.

— С какой вероятностью мы можем угадывать котировки акций? — уточнял Нахимов.

— Со стопроцентной, — улыбался Безукладников.

Я улёгся в шезлонг, закрыл глаза и стал разглядывать небо сквозь веки.

Ламерчук ненавязчиво гнул свою техническую линию. Ему возражали: сегодняшние возможности «железа» таковы, что у людей пока ещё просто нет таких задач, для которых это «железо» пригодилось бы. Возможности растут быстрее потребностей...

Они вдруг осеклись на полуслове — и смолкли.

Я открыл глаза и увидел женщину, идущую вдоль бассейна к свободному шезлонгу. Очень худая, высокая и широкобёдрая, в пронизанном солнцем бикини телесного цвета, она казалась совсем голой. Вся, от нереально блестящих, платиновых волос до цепочки на левой лодыжке, она выглядела существом не из человеческого мира, а из тех гламурных заповедников, где бесстрастно дефилируют либо возлегают перед камерами супермодели с ногами и шеями нескончаемой долготы, лоснящимися бюстами и впалыми атласными животами. Ими можно любоваться, но влюбиться — вряд ли.

Вот так она прошла мимо нас и легла на спину, с легчайшей непринуждённостью раскинув гладкие бёдра. Это дефиле и последующий аттракцион явно рассчитаны были на зрителя — чтобы не видеть, нам пришлось бы нарочно отворачиваться, настолько близко она лежала. Очень плавно, очень демонстративно она поднесла к низу живота узкую правую кисть с тёмно-вишнёвыми ногтями, средним пальцем оття-

нула в сторону эластичную полоску стрингов, как бы их поправляя и заодно давая узреть розовый разрез на холёном, без единого волоса, сливочном исподе.

Смущённые зрители обменялись продолговатыми гримасами.

Безукладников улыбался почти по-идиотски.

Мы не увидели новую гостью в обед. Но когда мы ужинали, она уже сидела за нашим столом — широким жестом пригласил Нахимов, охотно игравший роль тамады.

Её звали Рената Бьюкенен. По виду ей можно было дать и двадцать пять лет, и сорок.

В чёрном вечернем платье, при свете матовых ламп она была уже не гламурной куклой, а породистой дамой своеобразной красоты, которую не портили резковатые черты лица и высокие твёрдые скулы.

Она говорила низким голосом, на очень внятном английском. Впрочем, почти не говорила, а неотрывно смотрела только на одного человека — остальные для неё словно не существовали. Этим человеком был Безукладников.

Даже слепой заметил бы: в первый же вечер между этими двумя возникло такое сильное магнитное поле, что никому третьему туда лучше было не соваться.

Нас было за столом пятеро, но они — Безукладников и Рената — уже были вдвоём. Мы на-

хлебались вкусного вина и болтали громче обычного, как это случается у выпивших. Нахимов и Лёня пытались перейти на английский, ужасно коверкали слова и хохотали сами над собой. И тем отчётливее в общем гаме слышались обрывки фраз, произносимых втихую двумя влюблёнными заговорщиками. «Really?» — беззвучно ахал Безукладников, радостно тараща глаза. «Sure», — шёпотом выдыхала Рената, наоборот, опуская веки и вздрагивая уголками рта. Короче говоря, отъявленные голубки.

Снова зашёл разговор об океанской рыбалке, который неожиданно подхватила новенькая — ей тоже захотелось. Я помалкивал, не желая обременять компанию своей временной инвалидностью. Но тут заупрямился Безукладников. Его стыдили: «Ты же ещё вчера собирался!» — «Я передумал».

Рената, невозмутимая до этой минуты, сама взялась его уламывать. Он лишь извинялся и отнекивался.

С ужина они ушли вдвоём, причем Безукладников, который почти не пил, выглядел пьянее всех. Но приблизительно через полчаса он постучался ко мне в комнату и позвал сходить «глянуть на Южный Крест».

Не помню точно, следующим утром или послезавтра Безукладников на моих глазах загла-

тывал горячий кофе с такой скоростью, будто опаздывал на работу. Когда я полюбопытствовал о причине спешки, он ответил более чем странно: «Я обещал Ренате, что помогу ей надеть чулки», — и оставил меня наедине с риторическим вопросом: какие, к чёрту, чулки в такое жаркое, тропическое утро? Ну пусть даже если чулки, она что — поручает Безукладникову роль камеристки?

Если называть вещи своими именами, было ясно как божий день: моего приятеля соблазняют грубейшим образом и он идёт навстречу с наивной готовностью подростка. Ещё более определённо высказался на этот счёт Нахимов, разливая по бокалам третью бутылку кьянти, в тот момент, когда Рената опустила на пол узкую ступню, пригретую на безукладниковских коленях, нащупала ногой босоножку и, пошатываясь, отлучилась в дамскую комнату.

Мы сидели на террасе под открытым небом, почти уже ночным. Вино пахло не то фиалкой, не то ирисом.

— Не хочу никого обидеть, — сказал Нахимов. — Но по-моему, это ловушка.

Безукладников отвечал в духе токующего терева:

— Допустим, ловушка. Зато какая...

Она вернулась из туалета просто нереально красивая, села рядом с Безукладниковым и пред-

ложила ему одновременно вино и пальцы для поцелуя, прислонив к его губам вместе с бокалом.

У меня было ощущение, будто я уже видел эту сцену.

Теперь я вынужден упомянуть одну подробность, которая до сих пор вызывает у меня тихое бешенство.

Ещё до того дня, когда они объявили нам о своей помолвке и Безукладников, смущаясь, вручил невесте кулёк средних размеров с чёрным жемчугом, я случайно подслушал телефонный разговор. Двор отеля опустел: Нахимов и Лёня, наняв проводника, отправились на подвиги, Безукладников появлялся только к вечеру. Я выгуливал травмированную ногу на дорожках среди зарослей, рискуя нарваться на немецкую пару, которая завела моду сливаться в экстазе чуть не за каждым кустом. Но я нарвался не на них, а на грудной, слегка приспущенный голос Ренаты, поэтому невольно остановился в трёх шагах от беседки.

«Yes, honey», — отвечала она своему телефонному собеседнику. И, помолчав, повторяла: «Yes, honey...» Сквозь жирную зелень я видел, как она полулежит спиной ко мне в плетёном кресле, закинув ногу выше головы, и разговор не мешает ей разглядывать черешневый, почти чёрный лак на ногтях.

Я подался назад, чтобы уйти. Меньше всего мне хотелось бы выяснить, кого Рената именуется «милым». Но ещё одна отчётливая фраза заставила меня похолодеть. Она произнесла: «No! The fishing's off. He refused», — и я понял, что речь идёт о Безукладникове.

Уже вернувшись к себе в комнату, я попытался вообразить озабоченную морду того деятеля, которому позарез надо быть в курсе, что рыбалка отменяется, поскольку «объект» (или как они его там называют?) отказался.

После некоторых колебаний я решился пересказать услышанное Безукладникову, хотя чувствовал себя не в самой приглядной роли. Он реагировал очень легко:

— Это только маленькая женская корысть. Не берите в голову — мы все не ангелы. У Ренаты есть гораздо более привлекательные качества.

— Например?

Он вдруг засмеялся:

— Например, большая женская корысть.

Один раз я на минуту остался с Ренатой наедине, и она спросила, чем я занимаюсь в жизни. У неё была странная привычка — глядеть говорящему в губы, аккуратно облизывая свои.

Когда Безукладников вручал невесте чёрный жемчуг в кульке, словно угощал ягодами или орешками, её глаза (я готов поклясться) стали влажными.

Это было за день до моего отъезда. Нахимов и Ламерчук улетели с острова чуть позже.

Рената взяла у нас троих почтовые адреса — чтобы выслать свадебные приглашения. Я почти не сомневался, что никакого приглашения не будет. Меня вообще не покидало печальное предчувствие, что я вижу Безукладникова последний раз. Утешало только одно — сам он выглядел безусловно счастливым.

Глава двадцать вторая

ЗАПИСКИ РЕНАТЫ

Я получил этот лиловый припухлый конверт шестнадцать месяцев спустя. Несколько стандартных британских марок, профиль Елизаветы II, штемпель королевской авиапочты. Адрес, написанный с толикой изящной небрежности, с наклоном влево. Внутри — полсотни страниц английского текста, набранных на компьютере, распечатанных и сшитых в формате дамского ежедневника.

Короткой сопроводительной запиской Рената сообщала, что тяжело пережила полгода своего вдовства и «смогла прийти в себя лишь благодаря мужественной поддержке Стива», — всё это буквально в одной фразе, без малейших пояснений. (Очевидно, подразумевалось, что мне известно и кто такой Стив, и сам факт, что Рената

овдовела.) Во второй фразе она давала разрешение публиковать её записи, чтобы «сохранить память о великом человеке», и просила не беспокоиться о гонораре: «Алекс позаботился, чтобы я не знала нужды».

Сама рукопись произвела на меня странное впечатление. Могло показаться, что писал её не один человек, а два или три. Я не хочу сказать, что мне прислали грубую подделку, но допускаю, что Рената наняла кого-то из литературных «рабов» или «рабынь» для записи и обработки её устной исповеди и они сделали это в меру своих вкусов.

Пользуясь разрешением госпожи Бьюкенен, привожу здесь отдельные фрагменты в собственном переводе.

© Renata Buchanan

<...> Я родилась и провела детство в самом прелестном месте, в графстве Хэмпшир, наш дом стоял в нескольких милях от Портсмута, на берегу Английского канала. Когда я была девочкой, я любила смотреть из нашего чердачного окна на остров Уайт. Мне говорили, что на этот остров однажды сбежала несчастная Мэри Стюарт, королева Шотландии, вместе с бойфрендом и они там любили друг друга, несмотря ни на что, потом её казнили.

Своего отца я никогда не видела, но я смогла узнать от мамы кое-что о происхождении на-

шей фамилии. Кажется, в 1851 или 1853 году в Лондон приехал Джеймс Бьюкенен, посол Соединённых Штатов, будущий американский президент. Он был одинокий респектабельный джентльмен, уже в годах, и всё же он не устоял перед моей стройной, очень пикантной прабабушкой, когда увидел её на светском приёме. Она была младше его на тридцать один год, но прибежала к нему на свидания тайком от всех. Разница в возрасте и в положении помещала им остаться вместе. Однако мистер Бьюкенен сумел сделать так, чтобы малышка, родившаяся вне брака, не осталась безродной, и дал ей свою фамилию. Потом он уехал назад в США и был там выбран пятнадцатым президентом. Мистер Бьюкенен никогда не женился, а первой леди он назначил свою племянницу, к сожалению, ужасную дурнушку.

<...>

Когда моя мать вышла замуж в шестой раз, мы переехали в Брайтон. Именно там я впервые увидела, как одеваются модные, очень состоятельные дамы. Потом я не раз замечала, что понастоящему стильные люди не зависят от моды, даже чуть-чуть презирают её.

Больше всего я любила гулять по Дворцовому пирсу и по набережной, разглядывая роскошных леди и воображая себя одной из них. Я это делала так часто, что некоторые мужчины принимали меня за малолетнюю проститутку, но я

не понимала их намёков и продолжала мечтательно прогуливаться. В тринадцать лет я уже была с мамой одного роста. Её сильно расстраивали моя худоба и почти полное отсутствие груди. Мама лицом и фигурой была очень похожа на Мэрилин Монро, даже с родинкой слева над губой. Иногда после ванны, ещё не одевшись, она ставила меня перед зеркалом рядом с собой, чтобы сравнить нас. На мой взгляд, ничего похожего не было, не считая одинаково огромных сосков, как у коровы. Если я спрашивала, например, о помаде или о нижнем белье, она смеясь отвечала, что я глупая, мужчины сходят с ума не от этого, и опять гляделась в зеркало, приподнимая груди обеими руками.

До того как мама рассталась с Дэвидом, мы два раза ездили в Нью-Форест. Мы останавливались на шоссе в глухом месте, я уходила подальше от машины, чтобы не видеть, как мать и Дэвид раздеваются и мама ногой в чулке беспомощно упирается в стекло, я кормила диких лошадей листиками салата из сэндвича и не боялась трогать их плюшевые губы.

<...> После школы я хотела стать моделью, и больше никем. Я уехала в Лондон, но вместо работы в модельном агентстве через два месяца вышла замуж за человека, о котором я не буду рассказывать, чтобы не делать ему рекламу, а реклама его заботит больше всего на свете. После трёх лет несчастливой семейной жизни я

уехала в Нью-Йорк и начала делать карьеру профессиональной модели. Мои самые сильные воспоминания о том времени — это непрерывное чувство голода и униженной покорности. Лишние полтора-два фунта на животе и на бёдрах могли оставить меня без работы, во сне я видела гамбургеры и картофель с кетчупом. Случались дни, когда у меня во рту не было ничего, кроме горького кофе и жевательной резинки. Я была одной из многих сотен старлеток без имени, готовых стерпеть всё, что угодно, от менеджера своего агентства и ждать, как подачи, телефонного звонка в любое время суток, чтобы встать на каблуки и бежать по указанному адресу показывать зад в кружевных трусах. Мне больше везло, чем моим подругам, я иногда снималась в каталогах модного белья и участвовала в нескольких престижных показах. Смешно сказать, но больше всего я заработала на частном приёме в одном особняке на Пятой авеню, где мы с подругой, обнажённые по пояс, изображали двух задорных лисичек с пушистыми хвостами и разносили шампанское. После такого дебюта оставалось только позировать для специальных мужских журналов или соглашаться на роли в картинах с «итальянским жеребцом».

<...>

Сейчас я думаю, что новое знакомство стало моим спасением. Стивен увидел меня в тот день

на Пятой авеню, а вскоре узнал через агентство мой номер, позвонил и пригласил на ленч. Я привыкла к подобным приглашениям. Но он вёл себя очень сдержанно, никаких двусмысленностей или грубых намёков, и мне это нравилось. Уже в одну из первых встреч он сказал мне важную вещь: возможно, мой ангел-хранитель пока не сделал свой выбор, и стоит ли проталкиваться на модный подиум, если в зрительном зале пустует место в ложе для элиты и билет на него ещё не продан?

Стив не сразу предложил мне участвовать в его бизнесе. Кажется, он немножко играл в загадочность, чтобы не разочаровывать меня скучными словами из области коммерции или деловыми правилами своей корпорации. Он давал мне любопытные, хоть и непонятные, поручения и хорошо за них платил. Однажды мне пришлось два часа высидеть в итальянском ресторане на Бликер-стрит с кошмарной причёской, как у богемной девицы из Гринвич-виллидж, а потом как можно скорее заскочить в примерочную ближайшего магазина и переодеться с ног до головы. Мне чудилось, что я героиня приключенческого фильма. <...> По просьбе Стива я дважды летала в Сан-Диего, Калифорния, и один раз в Северную Африку, в Марракеш. И я всегда буду помнить о том, что благодаря Стиву я встретила Алекса, главного человека в моей жизни, мою любовь.

Стив тогда предложил мне поехать отдохнуть и сам выбрал курорт, один чудный остров на Полинезийской Ривьере. Не знаю почему, но я страшно волновалась, когда летела туда, я что-то предчувствовала. Выходя из самолёта, я сломала каблук на босоножках от Marc Jacobs и чуть не заплакала. Там на острове были такие трогательные виды, что у меня замирало сердце и хотелось любоваться каждую минуту.

Я надела на пляж свой любимый итальянский купальник, самый лёгкий, почти невидимый. Мне кажется, в этом раю лучше было бы носить костюмы, в которых рождаются на свет. И на пляже я впервые увидела Алекса. Может быть, головокружение, которое сразу охватило нас обоих, принесли морские волны, подбегавшие к нашим ногам? <...>

Алекс разительно отличался от грубых назойливых друзей, которыми он доверчиво себя окружил. Они облепили его, как ненасытные комары. Один выводывал у Алекса выгодную коммерческую информацию, второй непрерывно подсчитывал прибыль на компьютере. А третий, калека с изувеченной ногой, в основном молчал и слушал все разговоры от начала до конца, как шпион.

Алекс был русским. Честно говоря, это меня и привлекало, и возбуждало (excited). То, что я знаю о русских, не может не восхищать! Удивительный великий народ, который всегда стра-

дал от нечеловеческой жестокости своих боссов, но, несмотря на это, создал огромное количество шедевров. Один только Питер Чайковский написал такие роскошные вещи, как «Пиковая дама», «Евгений Онегин» и «Братья Карамазовы». И таких гениальных людей, как Питер, среди русских очень много!

Стивен говорил мне, что Алекс необыкновенно богат и популярен в самых высоких кругах. Но какое это имело значение по сравнению с незаурядностью его ума! Он угадывал любые мои мысли. Мне кажется, он вообще знал всё... Я видела и чувствовала, что этот феноменальный человек влюбился в меня, и не могла устоять перед его страстью. <...> Мы сказали друг другу, что не расстанемся до конца жизни, хотя Алекс иногда грустно шутил, что «с концом жизни возможны неувязки». В честь нашей помолвки он подарил мне шкатулку с чёрным жемчугом. Немного позже я заказала сделать из него кольцо, которое храню как самую любимую драгоценность, хотя оно не столь изысканное, как ожерелье Cartier, которое я купила прошлой осенью.

<...>

Когда мы прилетели в Хитроу, я вдруг узнала, что у Алекса вообще нет никакого дома, даже самой маленькой квартиры. Я спросила, где он хранит все свои вещи, — он показал пальцем на чемодан. Стало почему-то очень весело.

Алекс взял кеб, и мы поехали в Докленд. Там всё было очень странно. Мы вышли возле небольшой гостиницы, и Алекс попросил таксиста подождать нас. Вещи я оставила в машине. Нам дали маленький номер на двоих. Я сказала, что хочу принять душ, но Алекс жестом остановил меня. Мы просидели в этой комнатке с полчаса, не раздеваясь, не говоря почти ни слова. Мне снова казалось, что я участвую в приключениях. Наконец он глянул на часы, хмыкнул и сказал, что теперь мы спокойно можем уйти.

Мы вернулись к такси. Алекс как-то смущённо спросил водителя: возможно ли прямо сейчас поехать на Трафальгарскую площадь? Он всегда немножко застенчиво разговаривал с официантами и таксистами, будто чего-то стеснялся. <...>

Так мы оказались в отеле «Трафальгар», где прожили четыре недели, не отрываясь друг от друга. <...> Нам хотелось близости каждую секунду. С ним невозможно было заскучать. Он был одновременно смешным и романтичным. Он разувал меня, снимал чулки, целовал мои ступни и брал в рот пальцы, и я почти стонала от желания и смущения. А потом он так серьёзно говорил, что надо бы мне пятки погрызть, и сразу начинал грызть, мне было щекотно, и я орала как сумасшедшая. <...> Он больше любил, когда я ласкала его руками, а не ртом. Ино-

гда ему нравилось, чтобы я просто выдаивала его глубоко в себя, до последней капли, и мне это нравилось тоже. А самой любимой нашей лаской было обмениваться дыханием изо рта в рот, мы просто дурели от этой игры. Один раз, после многочасовой близости, похожей на счастливый обморок, он задал странный вопрос: «Как ты думаешь, я могу тебя изнасиловать?», я говорю: «Надо попробовать!» Мы попробовали, и это было ещё вкуснее. Не знаю, почему он спросил. На самом деле он умел быть и нежным, и безжалостным в одно и то же время, и робким мальчиком, и властным, как повелитель. <...>

У него был необычный английский. Иногда он говорил с сильным акцентом и очень забавными ошибками, а иногда, наоборот, слишком правильно и медленно, с паузами, будто, говоря, заглядывал в какую-то книгу. Вообще, у него было много странностей. За неделю до своей гибели он согласился купить квартиру в Южном Кенсингтоне, даже забыв спросить о цене. При этом Алекс не догадывался купить себе новые носки и по вечерам стирал старые в гостиничных ванных комнатах.

Господи, ну почему нам досталось так мало времени? Мы не успели поговорить почти ни о чём. Я пыталась расспрашивать о России, он сочинял какие-то небылицы, только однажды ответил серьёзно, я запомнила его слова: «У нас

в России до сих пор не могут решить, что важнее — государство или человек, и от этого плохо и людям, и государству».

Никто никогда не баловал меня, как Алекс. Он с радостью уступал моим любимым желаниям, если только это не касалось одной персоны. Я имею в виду Стива. Раза три или четыре Стив предлагал мне встретиться втроем, но Алекс даже слушать не хотел! Он мрачнел и уходил в себя. Возможно, он просто ревновал. Но у меня оставались обязательства перед Стивеном, и я не могла совсем прервать отношения. Поэтому, когда Стив назначил мне встречу на Тенерифе, я это скрыла от Алекса и просто сказала, что хочу на Канарский пляж.

Я не ожидала, что он так расстроится! Он пролежал как убитый целый час с закрытыми глазами. Потом тихо спрашивает: «Зачем тебе этот советский санаторий?» Не знаю, что он имел в виду. Может быть, он догадался про Стива. Он обо всём догадывался в одну секунду. Но сказал он другое, совсем без упрёка: «Тебе нужен пляж вместо дефиле, чтобы на тебя там смотрели...» Наверно, и здесь он не ошибся, мой обожаемый ревнивый Алекс.

Мне так остро запомнился ещё один странный случай, за день до нашего отъезда. Мы гуляли по магазинчикам на Портобелло-роуд, и я увидела эту чудную кружевную шляпу, белую, с огромными полями. Я не могла уйти без неё...

Что с ним случилось? Он просто умолял меня отказаться от покупки! Хотя в тот же день мы легко потратили три тысячи фунтов на всякие модные мелочи. Но именно эту шляпу он просил не покупать. Но это было выше моих сил! Я колебалась только потому, что за всё платил Алекс. Почему я тогда послушалась его?

В нашу последнюю лондонскую ночь он взял моё лицо в ладони и долго смотрел на меня. Нестерпимо хотелось, чтобы он овладел мною немедленно, но он только смотрел. Теперь я знаю: в ту ночь он со мной прощался.

<...>

Тенерифе и в самом деле оказался не блестящим курортом. Я почти не увидела зелени. В отеле плохо работала канализация, пахло какой-то химией. Ещё более тяжёлый запах стоял возле бассейна. Кажется, хлорки туда налили больше, чем воды.

На пляже было приятней, хотя мужская часть публики могла бы тарашиться не столь откровенно. Мы бросали вещи на шезлонг, заходили в воду по грудь, Алекс брал меня на руки и говорил, что он поймал длинненькую рыбку. Потом я вытягивалась на его руках всем телом, закидывая голову назад, он целовал мне живот и качал на волнах, как лодочку.

Вечером мы пили испанское терпкое вино. Выпили, наверно, целое море и уснули пьяные, в обнимку. А утром, не сговариваясь, пошли

снова «качать лодочку». Но в этот раз волна была выше, грубее, меня захлестнуло, я наглоталась воды и закашлялась. Мне расхотелось купаться, мы вернулись на берег.

То, что случилось дальше, я помню убийственно чётко.

Я смыла с себя морскую соль под пресным душем и отправилась в кабинку для переодевания сменить купальник. Алекс шёл за мной и шутя уговаривал взять его с собой в кабинку, якобы ему тоже надо сменить купальный костюм, но я изображала строгую леди, смущённую дерзкими домогательствами. Заходя в кабинку, я оглянулась. Он стоял с разведёнными руками и с таким выражением лица, словно готов разрыдаться. «Ладно, — говорит, — пойду переоденусь где попало!»

Оказавшись одна, я подумала, что это удобный случай позвонить Стиву, но мой телефон остался в отеле. Я надела сухой купальник и вышла наружу. Алекса не было рядом с кабиной, но я сразу же увидела его. Он лежал в шезлонге, с ног до головы накрывшись длинным пляжным полотенцем, а на лицо положил мою белую кружевную шляпу.

Скорее всего, он видел сквозь дырочки в шляпе, как я иду к нему. Но он точно не видел этих трёх ублюдков в масках и чёрных костюмах, с короткими такими автоматами. Они появились неизвестно откуда, подошли к Алексу

вплотную и расстреляли его очередями, сверху вниз, на глазах у всех.

Он даже не успел привстать, а когда я подбежала, там в шезлонге лежал уже не человек, а просто кровавый пудинг с огрызками полотенца и кружевной шляпы, а этих ублюдков рядом не было. Я увидела, что пляж пустеет, люди разбегаются. И ещё я в тот момент заметила: песок там чёрного цвета. Я закричала, кинулась к отелю, но у бассейна споткнулась, упала лицом на каменную плитку и потеряла сознание.

Когда я очнулась, я лежала в разорванном купальнике в комнате отеля, а рядом сидел Стив и твердил какие-то невозможные, бессмысленные слова: всё в порядке, милая, всё в порядке.

<...>

Это было так ужасно! Я не могла решить, что мне надеть на похороны. У меня было только маленькое чёрное платье, но слишком голое, короткое, с глубоким декольте, и я впервые стеснялась его надеть. А потом я почувствовала, что не хочу, не хочу идти хоронить тот кровавый пудинг в закрытом лакированном гробу, эти куски мяса, это не Алекс, он живой, он берёт меня на руки, целует мне живот и качает, как лодочку, на морской волне.

Я даже не успела ему сказать, что люблю его. И я только сейчас это говорю. Мой любимый, прости, не ревнуй меня, я сейчас одна в нашей квартире в Кенсингтоне, и я тебя жду. Я уже не

могу плакать. Вчера я нашла твои сигареты, половину пачки, ты не докурил. Каждое утро, милый, каждый день своей пустой жизни я начинаю снова ждать. Мои руки, дыхание, моё тело — зачем они без тебя?

Твоя Рената.

Глава двадцать третья

ПИСЬМО-ПОСТСКРИПТУМ

From: Alexander Bezukladnikov
<bezukladnikoff@mail.ru>
To: IFS <ifs@mail.ru>
Subject: No subject

Игорь, добрый день!

Кажется, Вы меня потеряли? Но я ещё не готов совсем потеряться. Хотя, на мой вкус, анонимность лучше любой славы.

Меньше всего мне хотелось обострять сюжет своей истории, которую Вы так добросовестно изложили, изменив лишь некоторые имена и фамилии. Мы ведь оба не любители триллеров... А сейчас Вы мне вряд ли простите, если я, хотя бы вкратце, не поясню обстоятельства моей дурацкой смерти.

Когда мы жили с Ренатой, я был дважды близок к тому, чтобы выйти за сигаретами и не вернуться — просто исчезнуть не прощаясь. Потому что я видел: всё это становится слишком опасным и для неё.

Допустим, мы сидим в кофейне в Сохо, слегка выпившие, и мне вдруг ясно, что максимум через полторы минуты мы должны смыться из этого заведения. Но Ренате ещё надо всласть накрасить губы и прильнуть ко мне между делом, я тащу её наружу, а ноги у Ренаты такой длины, что на ходу заплетаются в косичку. И она так льнёт, что я уже готов не прятать голову, не исчезать, а повернуться к ним лицом и начать огрызаться и духариться... Чистой воды самоубийство.

К тому же я знал, что Альберто Ризотто на свободе. Его не рискнули отдавать под суд, процесс мог быть чересчур громким и вредным для репутации NSA, поэтому через шесть недель Ризотто отпустили, чтобы снова использовать — как двойного агента.

Он видел меня на мосту Понте Веккио и запомнил в лицо. По своим каналам в агентстве Ризотто выяснил, что это я пригласил его приехать во Флоренцию — простеньким письмом от имени одного торговца живым товаром. Короче говоря, к числу моих преследователей добавился ещё один, желающий отомстить любой ценой.

В Лондоне я вроде бы неплохо научился уходить от слежки, от фотокамер и оптических прицелов, про-

сто уходить в нужный момент, но это было страшно утомительно — как прогулка по остроумно натянутому тросу.

На Тенерифе дышалось посвободнее. Уже хотя бы потому, что там, кроме Ризотто, меня пасла только одна команда — впрочем, тоже готовая на всё. Видимо, обе стороны хорошо работали, если ухитрились остаться взаимно незаметными до конца операции.

Ризотто погубила страсть к переодеваниям. Хотя это был по-своему изящный ход — улечься в мой шезлонг, закрыться пляжным полотенцем и дамской шляпой, баюкая на животе пистолет «Велрод» с глушителем. Можно сказать, он удачно замаскировался, если трое убийц уверенно приняли его за меня. Они подошли со стороны пирса, засадили в Ризотто весь боезапас и довольные вернулись на свой катер. А потом доблестная местная полиция увезла то, что осталось от Ризотто, и под предлогом экспертизы 마리новала у себя до самых похорон. Теперь у меня есть вполне пристойная личная могила, где лежит редкостный отморозок. Видит бог, это не была моя идея...

Знаете, мне часто встречаются люди, которым хитрость заменяет ум. На самом деле, я думаю, это вещи взаимоисключающие. Хитрый чаще всего не умён. А умному ударяться в хитрости как-то стрёмно и недосуг. Он скорее простодушен.

В сущности, ум — это вкус. Вы заметили, что самые большие гнусности и преступления, кроме всего прочего, неопишимо безвкусны? Я не могу забыть слова одного нобелевского лауреата, трезвейшего среди русских поэтов, о том, что источник всех несчастий в мире не социализм, коммунизм или капитализм, а вульгарность человеческого сердца. Вкус важнее политики. Пристойная политика не бывает безвкусной. Хотя это уже исчезающе редкий феномен... Понятно, что победить мировую пошлость в принципе невозможно, но вытравить свою собственную — это даже не доблесть, а нормальная человеческая гигиена. Не питаться подножным кормом, не глотать с готовностью то, что сыплется из популярных отстойников, соблюдать дистанцию между собой и собою же. Наконец, просто уметь выслушивать тишину и самого себя.

Ведь буквально всё, что мы хотим знать о своём настоящем, прошлом и будущем, — в нас уже присутствует. Более того, оно страстно желает быть услышанным.

Игорь, я тут обнаружил одно изумительное заведение, которое держит семейная пара, итальянка и араб. У них лучший в мире кофе. И только за то, что ты его выпил, тебя угощают бесплатно чашкой шоколада или тирамису. Отказаться нельзя, обидятся! По моим данным, они разорятся уже к февралю, и помешать им в этом невозможно — я пытался. Но пока

они ещё варят свой бесподобный кофе, причём улыбаются до ушей. Игорь, до февраля ещё есть время, соглашайтесь!

Жму руку.

Ваш Александр.

Best regards,
bezukladnikoff@mail.ru

*Замок Готорнден, Шотландия, 2002 г. —
Екатеринбург, 2006 г.*

ОТ АВТОРА

*Благодарю
Терезу Хайнц
за гостеприимство,
а также Алёну Крылецкую,
Джулию Кент
и Евгения Касимова —
за консультации.*

И.С.

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	Староватый юноша	9
Глава вторая	Самоубийство	23
Глава третья	Тонкости чаепития	33
Глава четвёртая	Яичница-глазунья	43
Глава пятая	Полмиллиона долларов	57
Глава шестая	Жизнь как нелётная погода	74
Глава седьмая	Вулканический остров	84
Глава восьмая	«Я твоя сучка»	93
Глава девятая	Водопой на озере Виктория	103
Глава десятая	Ангел смерти	110
Глава одиннадцатая	Семьдесят килограммов живого веса	121
Глава двенадцатая	Не звук, а свет	136
Глава тринадцатая	Виноград и молочный кошмар	146
Глава четырнадцатая	Контрольный вопрос	156
Глава пятнадцатая	Глубина резкости	168
Глава шестнадцатая	В тысячу раз легче	178

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава семнадцатая	Нет такого агентства	193
Глава восемнадцатая	Техника скрадывания	204
Глава девятнадцатая	Запрещённое шоу	217
Глава двадцатая	Приглашение в рай	228
Глава двадцать первая	Ловушка	234
Глава двадцать вторая	Записки Ренаты	250
Глава двадцать третья	Письмо-постскрипtum	265

Литературно-художественное издание

Сахновский Игорь Фэдович

**ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ
ЗНАЛ ВСЁ**

Редактор

Е.Д.Шубина

Выпускающий

А.С.Прохорова

Художественный редактор

Т.Н.Костерина

Технолог

С.С.Басипова

Оператор компьютерной верстки

Л.Г.Иванова

Оператор компьютерной верстки переплета

В.М.Драновский

Корректоры

Л.М.Кочетова, О.П.Иванова

Подписано в печать 31.07.2007

Формат 84x108/32

Тираж 5000 экз.

Заказ № 5602

ЗАО «Издательство «Вагриус»

107076, Москва, ул. Стромынка, д. 19, корп. 2

Отдел реализации издательства:

(495)510-56-09, 510-56-10

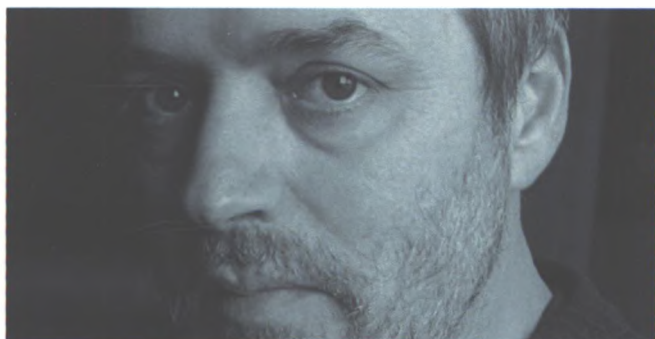
Электронная почта: vagrius@vagrius.com

Отпечатано в ОАО «ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

Игорь Сахновский

Человек, который знал

ВСЁ

Книга Игоря Сахновского «Счастливы и безумцы» получила премию «Русский декамерон» и вошла в финал «Национального бестселлера». Его новый роман построен по законам триллера, но это еще и история любви. Герой обретает способность видеть всё – происходит ли это за углом дома или за тысячи километров. Воспользоваться его даром стремятся многие: женщины, бандиты и даже иностранные спецслужбы. Но «маленький человек» продолжает жить по своим собственным законам...

ISBN 978-5-9697-0363-6

9 785969 703636

ВАГРИУС